

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 1 (20)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В XXI ВЕКЕ

От редактора рубрики	5
Забровская Л.В. Шестисторонние переговоры: будет ли продолжение?	7
Зыков А.А. КНДР в условиях смены политического руководства	17
Козлов Л.Е., Реутов Д.А. Внешнеполитический контекст сотрудничества России и Республики Корея в промышленной модернизации Дальнего Востока	25
Эсаулова Д.Е. Сеул-Токио: попытки преодоления прошлого (2000-2011 гг.)	34

ПРОЕКТЫ

Научно-методический семинар «Инфраструктурные проекты на Корейском полуострове: современное состояние и перспективы»	43
Со Чон Хо Транспортная инфраструктура Республики Корея как основа международного сотрудничества	44
Севастьянов С.В. Роль новых российских инфраструктурных проектов в обеспечении энергетической безопасности Северо-Восточной Азии	48
Бурлаков В.А. Перспективы развития Туманганской инициативы в контексте геополитических процессов в СВА	61

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кузнецов А.М. Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы	67
--	----

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Чеснокова Н.В. Этнокультурные аспекты адаптации китайских студентов в России	80
Рубан Д.А. Брендинг регионального геологического наследия России: предпосылки, механизм и ожидаемые результаты	87

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Старцев А.Ф. Исторические и современные реалии социально-экономического развития аборигенов Приморского края и их будущее	92
Золотухин И.Н. Филиппинская модель организации и управления процессами трудовой миграции	100

Владивосток
2012

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Макеева С.Б. Деятельность забайкальских трудовых коллективов в развитии советско-китайского приграничного сотрудничества (1949-1960 гг.) 106

РЕГИОН В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ И ДОКУМЕНТАХ

Фунакава Х. Инцидент с арестом сотрудников генерального консульства Японии во Владивостоке 113

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Постников В.В. Книжный памятник историко-географических знаний в России XVII в. 133

Жерновой М.В., Сухаренко А.Н. Перспективы сотрудничества правоохранительных органов Дальнего Востока России и Корейского полуострова 138

РЕЦЕНЗИИ

Метляева Т.В. «Эпистема цвета в смоленской архитектуре и живописи» 143

ACADEMIA

Латушко Ю.В. Академия и люди: эскиз к портрету учёного 148

СОКРАЩЕНИЯ 154

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ ЗА 2010 – 2011 ГГ. 155

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей, И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев (ответственный редактор), Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, Чой Нак Джун, О.И. Шестаков, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: В.В. Караман

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 1 (20)

*scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: PROSPECTS FOR COOPERATION ON THE KOREAN PENINSULA IN XXI

From the editor of the heading	5
Zabrovskaja L.V. Six-Party Talks: Would It Continue?	7
Zykov A.A. Democratic People's Republic of Korea in the conditions of change of the political leadership	17
Kozlov L.E., Reutov D.A. Foreign policy context of cooperation between Russia and the Republic of Korea in industrial modernization of the Far East	25
Esaulova D.E. Seoul-Tokyo: attempts to overcome history (2000-2011)	34

PROJECTS

Scientific-methodical seminar «Infrastructure Projects on the Korean Peninsula: Current State and Prospects	43
So Chon Ho Transport Infrastructure of the Republic of Korea as a basis for international cooperation	44
Sevastjanov S.V. The role of the new Russian infrastructure development projects in supporting Northeast Asia's energy security	48
Burlakov V.A. Prospects of development of Tumen Initiative in the context of the geopolitical processes in Northeast Asia	61

THE THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL RESEARCHES

Kuznetsov A.M. Some problems and prospects for the ethnic politics in the Russian Far East	67
--	----

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

Chesnokova N.V. Ethnocultural aspects of Chinese students' adaptation in Russia	80
Ruban D.A. Branding of the regional geological heritage of Russia: premises, mechanism, and expected outcomes ...	87

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF REGION

Startcev A.F. Historical and modern realities of social and economic development of natives of Primorski Territory and their future	92
Zolotukhin I.N. Organization and Regulation of the Labor Migration Processes: Filipino Model	100

WORLD SYSTEM AND INTER-REGIONAL RELATIONS

Makeeva S.B. Activity of transbaikalian labour collectives in development of the Soviet-Chinese border cooperation (1949-1960)	106
---	-----

Vladivostok
2012

THE REGION IN THE TESTIMONIES AND DOCUMENTS

Funakawa H. Incident with arrest of employees
of Consulate General of Japan in Vladivostok **113**

SCIENTIFIC MESSAGES

Postnikov V.V. Book monument of historical and
geographical knowledge in Russia XVII century **133**

Zhernovoy M.V., Sukharenko A.N. Prospects of
cooperation between law enforcement agencies of
Far East of Russia and the Korean Peninsula **138**

REVIEWS

Metljaeva T.V. «Episteme of color in architecture
and painting of Smolensk» **143**

ACADEMIA

Latushko Yu.V. The Academy and the people:
a sketch for a portrait of the scientist **148**

REDUCTIONS **154**

**THE INDEX OF THE ARTICLES AND THE MATERIALS PUBLISHED
IN JOURNAL FOR 2010 – 2011** **155**

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij,
A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbej, I.N. Zolotukhin, M.A. Kalugina, V.N. Karaman,
A.A. Kireev(Editor), L.I. Kirsanova, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov,
Yu.V. Latushko, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, S.V. Sevastyanov,
Choj Nak Dzhun, O.I. Shestak, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok
state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.

Corrector V.V. Karaman

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with
those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications,
connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Очередной номер «Ойкумены» посвящён проблеме оценки современного состояния и перспектив сотрудничества на Корейском полуострове в XXI веке. В рамках данной темы мы предлагаем нашим читателям четыре статьи и материалы научно-методического семинара, проведённого журналом и органично дополняющего основную рубрику.

На протяжении последних десятков лет межкорейские отношения продолжают оставаться в фокусе внимания как российских, так и иностранных экспертов. Периодические конфликты и обострения отношений давно перестали быть делом только двух корейских государств. В той или иной степени они затрагивают интересы всех стран Северо-Восточной Азии, пристально за ними наблюдают и Соединённые Штаты Америки.

Влияние межкорейских отношений на форму и направленность практически всех региональных процессов в Северо-Восточной Азии, с одной стороны, и слабая прогнозируемость этих отношений, с другой, делают проблему межкорейского урегулирования одной из ключевых в регионе. Оправдан в этой связи и научный интерес к данной теме.

Безусловно, в рамках одного тематического выпуска охватить всю сложность и противоречивость отношений между корейскими государствами невозможно. В силу этого авторы сосредоточились на первостепенных проблемах, стараясь проанализировать их современное, текущее состояние.

В статье Л.В. Забровской внимание акцентируется на такой форме урегулирования региональных конфликтов в СВА, как шестисторонние встречи (России, Китая, Японии, США, Республики Корея и КНДР). Изначально шестисторонние переговоры были призваны решить комплекс вопросов, касающихся ядерной программы Северной Кореи. Эффективность переговорного процесса в данном формате оценивается специалистами по-разному. В частности, указывается, что основного результата – прекращения разработок ядерного оружия Северной Кореей – достигнуто не было. Однако другие формы урегулирования данной проблемы оказались ещё менее результативны. Л.В. Забровская убедительно показывает, что форма шестисторонних встреч может стать основой для создания международной организации, призванной регулировать споры и конфликтные ситуации в регионе Северо-Восточная Азия.

Смерть лидера КНДР Ким Чен Ира в декабре 2011 г. в очередной раз заострила проблему функционирования политической системы этой закрытой страны с жёстким авторитарным режимом. В своём исследовании А.А. Зыков пытается на примере преемственности в руководстве страны рассмотреть специфику процесса принятия решений в Северной Корее.

Сотрудничество России вообще и российского Дальнего Востока в частности со странами Корейского полуострова следует считать важной составной частью анализа региональных отношений. Решить целый комплекс социально-экономических проблем, сложившихся на дальневосточных окраинах, Россия будет в состоянии, если сможет правильно использовать потенциал взаимодействия с развитыми в экономическом отношении странами региона. К числу таковых, конечно, следует отнести и Республику Корея. Правильная расстановка приоритетов и определение перспективных направлений сотрудничества могут стать залогом успешной модернизации региона.

Именно данной проблеме посвящена статья Л.Е. Козлова и Д.А. Реутова, в которой авторы выявляют основные преимущества российско-южнокорейского экономического сотрудничества и анализируют те проекты, которые уже начали осуществляться.

Помимо относительно рациональных экономических и политических интересов существенное влияние на внутрирегиональные отношения оказывает и такой фактор, как историческая память. В своей статье Д.Е. Эсаулова раскрывает то, как взаимовосприятие корейцев и японцев, сформировавшееся в ходе аннексии Кореи Японией, обуславливает характер современного сотрудничества между этими странами.

В рамках темы номера существенный интерес представляют также материалы научно-методического семинара на тему «Инфраструктурные проекты на Корейском полуострове: современное состояние и перспективы». В ходе данного семинара были заслушаны доклады консула по экономическим вопросам Генерального консульства РК в г. Владивостоке Со Чон Хо по проблемам транспортной инфраструктуры Южной Кореи, профессора С.В. Севастьянова о роли инфраструктурных проектов в обеспечении энергетической безопасности в СВА и доцента В.А. Бурлакова о перспективах развития Расширенной Туманганской Инициативы в новом геополитическом контексте в СВА..

В.А. Бурлаков

УДК 327(51+470+73)

*Забровская Л.В.
Zabrovskaja L.V.*

Шестисторонние переговоры: будет ли продолжение?

Six-Party Talks: Would It Continue?

В Северо-Восточной Азии отсутствуют международные организации, регулирующие региональные споры и конфликтные ситуации. Шестисторонние встречи, где представлены Россия, Китай, Япония, США, Республика Корея и КНДР, могли бы стать основой для такой организации, которая должна обладать широкими полномочиями и гарантировать безопасность для отдельных стран Северо-Восточной Азии, что сняло бы с повестки дня угрозу развития ядерных программ в военных целях. Россия разделяет стремление других стран Северо-Восточной Азии убедить КНДР прекратить развитие ядерной программы в военных целях, одновременно предоставив Пхеньяну гарантии безопасности его суверенитета и невмешательства во внутренние дела.

Ключевые слова: *Северо-Восточная Азия, КНДР, Россия, Китай*

The paper "Six-Party Talks: Would It Continue?" by Dr. Larisa Zabrovskaja studies the problems of modern system of foreign affairs in North-East Asia and the role of the main actors of the region including the USA, Russia, China, Japan and the both Koreas. The author underlines that there is any regional international organization for setting conflict situations. Therefore, North Korea was able to conduct nuclear tests and launch ballistic rockets. The Security Council of the United Nations only declared its strong condemnations. The paper also studies the new forms of international cooperation in the sphere of collective security system in the era of globalization. The author's attention was drawn to study the possibilities and participation of Russia in the cooperation process in the region.

Key words: *North-East Asia, North Korea, Russia, China*

В Северо-Восточной Азии пока нет международной ассоциации, регулирующей конфликтные ситуации. Шестисторонние встречи, где представлены Россия, Китай, Япония, США, Республика Корея и КНДР, могли стать основой для такой организации, которая должна обладать широкими полномочиями и гарантировать безопасность для отдельных стран Северо-Восточной Азии, что сняло бы с повестки дня угрозу развития ядерных программ в военных целях. Стоит также расширить состав участников таких встреч, пригласив, например, Монголию, как страну,

ЗАБРОВСКАЯ Лариса Вячеславовна, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*).
E-mail: larisa51@hotmail.com

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта РГНФ № 12-01-00027.

<http://www.ojkum.ru/>

тяготеющую к сообществу государств Северо-Восточной Азии и вынужденную заниматься приёмом и обустройством северокорейских экономических беженцев.

Шестисторонние переговоры как прообраз международной организации

Практика показывает, что назрела необходимость проведения рабочих встреч всех государств Северо-Восточной Азии на постоянной основе, чтобы обсуждать и решать другие насущные и не терпящие отлагательств вопросы, например, такие как меры по пресечению ядерных испытаний, а также распространения наркотиков, оказание гуманитарной помощи странам, пострадавшим от стихийных бедствий, расширение торгово-экономических контактов, регулирование территориальных споров и т.п. Такое постоянное собрание стран региона позволило бы его участникам обмениваться мнениями, вырабатывать общие решения и не быть зависимыми от какой-либо одной страны и её желания в нём участвовать. Вместе с тем, форум стран Северо-Восточной Азии должен быть не средством «перевоспитания» отдельных стран-участниц, а стать открытой трибуной для обсуждения актуальных вопросов, затрагивающих интересы всех государств региона.

Для усиления эффективности таких встреч и повышения роли других участников было бы целесообразно менять места их проведения и не придавать Пекину статус «дальневосточной Женевы». Это важно, поскольку Китай, имея традиционные интересы на Севере Корейского полуострова, не может объективно решать северокорейскую ядерную проблему и добровольно не позволит КНДР выйти из-под своей опеки.

Шестисторонние переговоры пока не стали постоянной дискуссионной площадкой для стран Северо-Восточной Азии из-за развития событий по пути нагнетания напряжённости. Северокорейское руководство считало, что сделало достаточно уступок, которые так и не были учтены США, Республикой Корея и Японией, продолжавших проведение военных манёвров вблизи демилитаризованной зоны и угрожавших безопасности КНДР. В связи с этим северокорейское руководство приняло решение об укреплении обороноспособности страны путём дальнейшего развития военной ядерной программы и проведения испытания баллистических ракет.

13 апреля 2009 г. Совет Безопасности ООН осудил проведённый 5 апреля 2009 г. запуск северокорейской баллистической ракеты, заявив, что действия КНДР противоречат резолюции № 1718 Совета Безопасности ООН, согласно которой Пхеньяну предписывалось приостановить все виды деятельности по созданию и испытанию межконтинентальных ракет. На следующий день северокорейский МИД объявил о возобновлении военной ядерной программы и отказе от участия в шестисторонних переговорах по урегулированию ядерного кризиса на Корейском полуострове. По мнению северокорейского руководства, КНДР имеет право развивать свою ядерную программу в мирных целях, проводить испытания ракет, а также «укреплять самостоятельные силы ядерного сдерживания». В Пхеньяне обосновывали очередной выход из шестисторонних переговоров тем, что «принципы совместного заявления от 19 сентября 2005 г. нарушены, смысл шестисторонних переговоров утерян», поэтому КНДР «не считает себя связанной какими-либо достигнутыми на них договорённостями» [5, с. 14].

Одновременно КНДР уведомила МАГАТЭ о полном прекращении сотрудничества с этой организацией и выслала её инспекторов, а также американских специалистов, наблюдавших за выводом из строя северо-

корейских ядерных объектов. Согласно оценкам зарубежных экспертов через полгода северокорейские физики-ядерщики способны восстановить деятельность радиохимической лаборатории по переработке ядерного топлива и ежегодно нарабатывать до 6 кг плутония [3, 27.04.2009], что достаточно для создания четырёх ядерных боеголовок.

Более того, 29 апреля 2009 г. представитель северокорейского МИДа заявил, что Совет Безопасности ООН обязан принести извинения за «нарушение суверенитета КНДР» и отменить все «безосновательные и дискриминационные резолюции, принятые против КНДР». В противном случае «КНДР примет меры по охране своего суверенитета, включая проведение ядерных испытаний и запуск межконтинентальных ракет, самостоятельно построит реактор на лёгкой воде и будет самостоятельно производить ядерное топливо» [3, 30.04.2009].

Несмотря на предостережения соседних государств, 25 мая 2009 г. КНДР провела второе испытание ядерного устройства. Это вызвало волну протестов мировой общественности. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1874, осуждающую действия и вводящую ужесточающие санкции против КНДР. Россия поддержала эту резолюцию ООН. 31 марта 2010 г. президент Д.А. Медведев подписал указ о принятии мер по прекращению экспорта в КНДР материалов и техники, которая может быть использована для создания ядерного оружия и ракет.

Оценка зарубежными обозревателями второго северокорейского ядерного испытания

Соседи КНДР по-разному прореагировали на новое ядерное испытание и запуски ракет. Японское правительство ответило на северокорейские запуски ракет и второе ядерное испытание дипломатическими протестами и более жёсткими экономическими санкциями. Кроме всего прочего, в Японии расценили запуск баллистической ракеты как «свидетельство слабости Ким Чен Ира» и пришли к выводу о необходимости «проведения сбалансированной политики в отношении КНДР» остальными пятью участниками шестисторонних переговоров в целях убеждения последней «не совершать провокационных поступков во имя собственной безопасности» [13].

Напротив, реакция китайских политиков и прессы была сравнительно спокойной. Более того, китайские власти не стали отгораживаться от КНДР, заявив, что Китай будет и далее развивать отношения с этой страной в целях вовлечения её в широкий политический диалог и экономическое сотрудничество.

В российских СМИ тема запуска северокорейской баллистической ракеты не стала центральной и почти не рассматривалась на экспертном уровне. Это событие стало поводом для обсуждения вопроса о японо-американской предвзятости по отношению к КНДР и попустительстве аналогичным запускам ракет другими азиатскими странами, например Ираном в феврале 2009 г. Оценка российских экспертов была довольно сдержанной. Известный кореевед Г.Д. Толорая, касаясь причин запуска северокорейской баллистической ракеты, отмечал, что «будет неправильным толковать это просто как «непредсказуемость» КНДР или «шантаж» с её стороны». По его мнению, подобная реакция Пхеньяна «является следствием неудовлетворённости политикой и действиями (или отсутствием таковых) со стороны её противников» [15].

Европейские обозреватели назвали политику КНДР «ядерным национализмом» и отметили, что в результате этого больше всего пострадала репутация Китая как организатора шестисторонних переговоров и ответственного регионального посредника. Они пришли к выводу, что

удаление инспекторов МАГАТЭ с ядерных объектов КНДР не только подорвало престиж Китая, но и показало всем участникам шестисторонних переговоров ограниченность китайского влияния на КНДР [6].

Американские обозреватели не смогли выявить главный мотив запуска баллистической ракеты, который, по их оценкам, мог быть демонстрацией северокорейских военных возможностей, напоминанием президенту Б. Обаме о себе, рекламной акцией для иранских специалистов, потенциальных покупателей северокорейского оружия, или же совокупностью всех этих факторов. В то же время американские политологи не упустили из вида, что запуск баллистической ракеты и ядерное испытание проходили на фоне процесса выбора политического наследника и провели параллели с вхождением во власть самого Ким Чен Ира, когда для сплочения северокорейского населения власти КНДР также проводили силовые акции, например, захватили в 1968 г. американский разведывательный корабль «Пуэбло» [7]. В результате они пришли к заключению, что запуск ракеты и испытание ядерного оружия могли свидетельствовать об «укреплении политического влияния Ким Чен Ира и твердости его руки в установлении порядка наследования власти» [12].

Как видно, зарубежные обозреватели высказали диаметрально противоположные суждения о причинах запуска северокорейской баллистической ракеты. Возможно, такой широкий спектр оценок возник потому, что они исходили из различных геополитических представлений и военно-политических опасений. Подобное несходство в понимании причин происшедшего может привести к попыткам реализации разных подходов к решению проблемы урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове. Это ещё более усложнит выход из создавшегося положения.

Среди американских политологов отсутствует единый подход к процессу формирования новой северокорейской политики Вашингтона. Наряду с приверженцами жёсткого курса в отношении КНДР возвысили голос и его противники. Американский эксперт по корейским вопросам Р. Галуччи полагал, что политика давления на КНДР «контрпродуктивна», обсуждение в Совете Безопасности ООН вопроса о проведении северокорейского запуска баллистической ракеты явилось «ошибкой». Он пришёл к выводу, что «для скорейшего разрешения ядерной проблемы на Корейском полуострове следует начать прямой диалог между Вашингтоном и Пхеньяном» [14].

Именно такого решения тщательно добивались Китай и КНДР от администрации президента Дж. Буша-мл. Однако и новый американский президент Б. Обама, до своего избрания активно выступавший за урегулирование ядерного кризиса на Корейском полуострове переговорным путём, пока не предложил свою программу по этому вопросу, а предпочёл следовать бескомпромиссной политике в отношении КНДР. В связи с этим запуск северокорейской баллистической ракеты можно рассматривать как «асимметричный ответ» на нежелание США менять тактику в отношении КНДР и учитывать её государственные интересы, а также как мера, направленная на принуждение США сесть за стол прямых переговоров с Пхеньяном.

Принимая во внимание заинтересованность Китая в сохранении статус-кво на Корейском полуострове, нормализация американо-северокорейских отношений была бы в китайских интересах. Следовательно, можно предположить, что запуск баллистической ракеты в целях нажима на США и растерянность американских экспертов в оценке действий КНДР не только не затронули китайские интересы, а напротив, упростили китайской дипломатии задачу по налаживанию прямого диа-

лога между США и КНДР. В таком случае прекращение шестисторонних переговоров нельзя рассматривать как проигрыш Китая, поскольку это сделает таковые ненужными. Однако администрация президента Б. Обамы не видела альтернативы этим переговорам и не посчитала своевременным шагом идти на прямые контакты с Пхеньяном.

Попытки возобновления шестисторонних переговоров

Продолжение международного давления на КНДР может привести к новым испытаниям северокорейского ядерного оружия и запускам баллистических ракет, что усилит военно-политическую напряжённость в Северо-Восточной Азии. Как предполагают американские эксперты по китайско-северокорейским отношениям, Китай будет вынужден «искать новые способы убеждения Пхеньяна вернуться за стол переговоров» [9]. В противном случае Совет Безопасности ООН усилит санкции против КНДР, что также осложнит военно-политическую ситуацию в Северо-Восточной Азии.

По всей видимости, администрация президента Б. Обамы не намерена менять тактику и пытается использовать Китай как своеобразный рычаг управления Пхеньяном. США надеются переложить ответственность за «поведение» КНДР на Китай и остаться в стороне. В свою очередь Китай не торопится оказывать давление на КНДР, предпочитая заявлять об отсутствии у него таких возможностей. Наряду с этим китайский МИД поспешил объявить об ограничении случаев использования ст. 1 китайско-северокорейского военно-политического договора 1961 г., отметив, что Китай будет руководствоваться этой статьёй только в случае неспровоцированного нападения на КНДР третьей стороны.

В таких обстоятельствах шестисторонние переговоры зашли в тупик. Тем не менее пять стран – участниц до недавнего времени считали возможным их возобновление. По утверждению некоторых китайских и южнокорейских экспертов, преодолеть «депрессию» возможно путём продолжения переговорного процесса по формуле «6 – 1». В таком случае все решения, принимаемые пятёркой государств, станут необязательными для КНДР, что, по мнению других участников, делает этот путь выхода из создавшегося положения неперспективным.

Одним из негативных последствий запуска северокорейской баллистической ракеты явилось желание соседних стран создать собственные ракеты дальнего действия, а также образовать военные блоки и начать гонку других видов вооружения, в том числе и ядерного. Южнокорейская общественность обратилась к своему правительству с призывом начать разработку собственных баллистических ракет для «укрепления самооборонь» [1, 11]. Широкие круги японского населения потребовали ужесточить политические и экономические санкции против КНДР, что заморозило на длительное время все контакты Японии с КНДР.

Всплеск негативных настроений сильно встревожил российское правительство, которое поспешило предпринять ряд мер дипломатического характера для смягчения напряжённости в Северо-Восточной Азии. Российские дипломаты провели в Москве переговоры с представителем американского президента С. Босуортом. Российский министр иностранных дел С.В. Лавров высказался против ужесточения санкций в отношении КНДР, заявив об их «контрпродуктивности», что совпало с мнением Р. Галуччи. Одновременно с этим последовало разъяснение в СМИ российской позиции. Посол по особым поручениям МИДа РФ Г. Логвинов, в частности, отметил, что, хотя «ситуация непростая», пока «мосты» не сожжены и есть «возможность для выхода». Российские ди-

пломаты призвали «не поддаваться эмоциям..., а продумывать пути выхода из создавшейся ситуации» [3, 02.04.2009].

Следующим шагом российской дипломатии стал визит в конце апреля 2009 г. министра иностранных дел С.В. Лаврова в Пхеньян, а затем в Сеул в целях разъяснения российской позиции и согласования действий на дипломатическом уровне. Ожидалось, что результатом этой поездки будет возобновление шестисторонних переговоров с участием делегации КНДР. После завершения визита С.В. Лавров констатировал, что обсуждение вопросов с северокорейским министром иностранных дел Пак Ы Чуном выявили «неготовность КНДР вернуться за стол переговоров». Тем не менее, по мнению С.В. Лаврова, ситуация «сложная, но не безнадежная» и доводы российской стороны о «необходимости возобновления шестистороннего процесса услышаны в Пхеньяне». В связи с этим он предостерег всех участников шестисторонних переговоров от поспешности и предложил «не предаваться эмоциям, не совершать резких движений, которые могут усугубить положение» [2, с. 48]. Для северокорейской стороны явилось важным заявление С.В. Лаврова о том, что Россия «выступает против введения всеобъемлющих санкций ООН в отношении КНДР» и приняла во внимание позицию КНДР, позволяющую «любой стране обладать суверенным правом на запуск спутников».

В середине 2009 г. дипломаты пяти стран – участниц шестисторонних встреч попытались скоординировать свои действия и общими усилиями убедить Пхеньян вернуться к переговорному процессу. В июне 2009 г. в Сеуле состоялась встреча послов России, США, Китая, Республики Корея и Японии, в ходе которой они обменялись мнениями о путях урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове. В июле 2009 г. китайский представитель на шестисторонних переговорах У Давэй посетил столицы России, США, Японии и Республики Корея, где провёл консультации по вопросу их возобновления. Между тем власти КНДР длительное время не проявляли заинтересованность в проведении многосторонних переговоров, а запуск 3 июля 2009 г. трёх ракет среднего радиуса действия продемонстрировал их намерение и далее укреплять обороноспособность страны военными средствами.

Наряду с этим в августе 2009 г. состоялся частный визит бывшего американского президента Б. Клинтона в Пхеньян, где он провёл трёхчасовые переговоры с северокорейским лидером Ким Чен Иром. Подробности переговоров не разглашались. В результате поездки Б. Клинтона были освобождены две американские журналистки, ранее нарушившие северокорейскую границу и осуждённые на 12 лет каторжных работ [11]. Этот факт мог свидетельствовать о некотором смягчении позиции Пхеньяна и возможном возврате КНДР за стол переговоров. В таком случае можно было бы ожидать, что политические консультации, в том числе проведённые российскими дипломатами, достигли своей цели. Однако северокорейские СМИ оценили приезд Б. Клинтона как «визит с белым флагом», как «признание КНДР ядерной державой...» [4, с. 32], что в действительности не подразумевало такой подтекст. В результате поездки Б. Клинтона в Пхеньян не привела к возобновлению шестисторонних переговоров.

За период времени, прошедший после подписания Рамочного соглашения 1994 г., США так и не сумели наладить плодотворные переговоры с КНДР, договориться о прекращении северокорейского проекта по созданию ядерного оружия. Силовые методы американской политики усугубили ситуацию на Корейском полуострове, вызвали стойкое беспокойство КНДР за свой суверенитет. Правительство КНДР в процессе переговоров с США настаивало на полном дипломатическом признании своей страны и заключении договора о ненападении, который прекра-

тил бы противостояние на Корейском полуострове. Это требование не выходило за рамки международного права и всецело поддерживалось Россией.

Отказ США по этим двум пунктам Пхеньян расценил как угрозу своей безопасности. Вряд ли США уронили бы международный престиж, заключив с КНДР договор о ненападении и признав её суверенным государством. При администрации Б. Клинтона уже рассматривался такой вариант, а сам президент планировал посетить КНДР с официальным визитом. Политика президента Б. Клинтона в отношении КНДР была более конструктивной и гибкой, чем президента Дж. Буша-мл., который не считал необходимым продолжить ранее начатое. Восемь лет правления республиканской администрации завершились без каких-либо существенных решений по урегулированию ядерного кризиса на Корейском полуострове. Нет существенных подвижек по этому вопросу и у администрации президента Б. Обамы.

В результате международная обстановка в Северо-Восточной Азии продолжала оставаться напряжённой во многом из-за непреклонной позиции правительств КНДР и США. Противоборствующим сторонам следовало учитывать, что помимо силового существуют политические и дипломатические способы решения спорных вопросов. Россия была готова взять на себя роль посредника на американо-северокорейских переговорах, поскольку она имеет опыт консультаций с обеими соперничающими сторонами и заинтересована в сохранении мира на Корейском полуострове.

В период глобализации мировых процессов на первый план должны выйти принципы сотрудничества, взаимопомощи и толерантности. По всей видимости, именно толерантности не хватало администрации Дж. Буша-мл. в отношении КНДР. В случае смягчения американской позиции при президенте Б. Обаме можно ожидать, что КНДР значительно активизирует внешнеполитическую деятельность и экономические связи со странами Северо-Восточной Азии. Стать более открытой страной ей мешает отсутствие условий безопасного существования, без чего невозможно говорить о принципах нераспространения ядерного оружия. Ощущение военной опасности мешает экономическому развитию, расцвету культуры и общественным обменам не только КНДР, но и других стран Северо-Восточной Азии.

Учитывая неопределённость северокорейской позиции в отношении участия в шестисторонних переговорах, российские дипломаты провели в конце 2009 г. ряд консультаций с представителями других стран, заинтересованных в их возобновлении и скорейшем разрешении ядерного кризиса на Корейском полуострове: 14 декабря 2009 г. министр иностранных дел С.В. Лавров провёл беседу со спецпосланником американского президента С. Босуортом, на следующий день – с представителем французского президента Жаком Лангом. 17 декабря 2009 г. заместитель министра иностранных дел А.В. Бородавкин, представлявший Россию на шестисторонних переговорах, встретился с южнокорейским коллегой Ви Сон Лаком и рассмотрел вопросы мирного урегулирования ядерного кризиса. В ходе этих переговоров обсуждались позиции сторон и пути решения ядерного кризиса на Корейском полуострове.

Поскольку в первой половине 2010 г. шестисторонние переговоры так и не возобновились, российские дипломаты продолжили консультации с зарубежными коллегами, прежде всего с китайскими. 22 апреля 2010 г. в Пекине на встрече заместителя министра иностранных дел А.В. Бородавкина с китайским министром иностранных дел Ян Цзечи и заместителем министра иностранных дел У Да Вэем, стороны ещё раз подтвердили своё намерение возобновить шестисторонние переговоры и

выполнять все условия соглашения от 19 сентября 2005 г. [10]. В ходе консультаций с зарубежными коллегами российские дипломаты провели работу по координации совместных действий и разъяснили позицию России, состоящую в стремлении к мирному, без давления на КНДР урегулированию ядерного кризиса на Корейском полуострове.

В период межкорейского кризиса, возникшего после гибели южнокорейского корвета «Чхонан», Россия, учтя отсутствие прямых доказательств о причастности к этому северокорейских военных, заняла нейтральную позицию и не присоединилась к группе стран, обвинивших КНДР в нападении на южнокорейский корабль. Кроме того, российские дипломаты провели переговоры с официальными лицами КНДР и Республики Корея, стремясь предотвратить эскалацию вооружённого конфликта на Корейском полуострове. Российские действия были с одобрением восприняты зарубежными СМИ, оценившими их «как более сбалансированные и открытые, чем китайские» [8]. Вышеуказанные факты свидетельствуют об активной позиции России и её конструктивном влиянии на ход переговорного процесса по мирному решению возникающих вопросов в международных делах Северо-Восточной Азии.

Таким образом, можно сделать вывод, что российская политика в отношении стран Корейского полуострова открыта и миролюбива. Россия последовательно выступает за снижение военно-политической конфронтации в Северо-Восточной Азии и решение всех возникающих вопросов мирным дипломатическим путём, без применения военных угроз и политического давления. Ключевые подходы российской политики в отношении КНДР состоят в конструктивном решении острых вопросов международных отношений на Корейском полуострове.

Открытость и невмешательство российской политики проявились в вопросах поддержания статус-кво и укрепления доверия между странами Северо-Восточной Азии. Россия выступает за мирное, демократическое, без вмешательства извне объединение Кореи, полагая, что воссоединение корейской нации ликвидирует очаг напряжённости и будет способствовать укреплению доверия в регионе.

Миролюбивая российская политика привела к значительному улучшению российско-северокорейских связей, состоялся ряд встреч между руководителями двух стран и обмен мнениями о необходимости продолжения многостороннего обсуждения ядерной проблемы на Корейском полуострове.

В 2010-2011 гг. лидер КНДР Ким Чен Ир неоднократно заявлял о готовности своей страны участвовать в шестисторонних переговорах. Однако руководство РК поставило ряд условий, без выполнения которых не соглашалось в них участвовать. Это затягивало процесс по подготовке нового раунда переговоров. Неожиданная смерть Ким Чен Ира 17 декабря 2011 г. и приход к власти в КНДР Ким Чен Ына отодвинули вопрос о продолжении переговоров на неопределённый срок. Потребуется время на вхождение во власть молодого северокорейского лидера и определение им новых внешнеполитических приоритетов.

Заключение

Россия разделяет стремление других стран Северо-Восточной Азии убедить КНДР прекратить развитие ядерной программы в военных целях, одновременно предоставив Пхеньяну гарантии безопасности его суверенитета и невмешательства во внутренние дела. В рамках шестисторонних переговоров Россия успешно сотрудничает с другими государствами в целях урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове бесконфликтным путём и возвращения КНДР в ДНЯО и

МАГАТЭ в качестве неядерного государства. Российская позиция на шестисторонних переговорах конструктивна и служит укреплению взаимопонимания между странами Северо-Восточной Азии.

Обращает на себя внимание активизация политики Китая в решении проблем безопасности и урегулирования ядерной проблемы на Корейском полуострове. Китай видит в России потенциального союзника по этому вопросу. Китайские руководители одобрительно относятся к расширению российско-северокорейского политического, дипломатического и экономического сотрудничества.

Исходя из существующих международных предпосылок, ближайшая задача России состоит в активизации деятельности по созданию системы коллективной безопасности в Северо-Восточной Азии, что подразумевает учёт интересов не только великих держав, но и малых стран региона. Российское правительство могло бы выступить инициатором проведения на Дальнем Востоке России международных форумов, научных конференций по изучению и широкому обсуждению проблем безопасности и стать посредником на переговорах между представителями КНДР и Республики Корея, а также КНДР и США.

Литература

1. Кутахов, В. Последствия запуска ракеты в КНДР // Компас (ИТАР/ТАСС). 2009. № 16. С. 11-15.
2. Кутахов, В. Таинственная трагедия в Жёлтом море // Компас (ИТАР/ТАСС). 2010. № 17. С. 48-51.
3. Пульс планеты. Азиатско-тихоокеанский регион (ИТАР/ТАСС). М. 1996-2010.
4. Чжан Ляньгуй. 2010: баньдао цзюйши «нуань дунци»? = 2010: “холодная война” на полуострове ? // Ляован. Пекин. 2010. № 1. С. 30-34.
5. Чичин, Д. Возобновление ядерной программы КНДР: блеф или реальная угроза ? // Компас (ИТАР/ТАСС). 2009. № 17. С. 13-15.
6. Holslag, J. Why China will continue to back Pyongyang ?, [Электронный ресурс]. URL: <http://search.japantimes.co.jp/print/eo20090426a1.html> [Дата обращения: 18.04.2009]
7. Klinger, B. The Regional Security Implication of North Korea's Missile Launch // KWA. Fall 2006. Vol. 30. No. 3. Pp. 344-360.
8. Kwon Yong. Russia takes keen Interest, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atimes.com> [Дата обращения: 20.07.2010]
9. Lankov, A. North Korea Turns Back the Clock, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nautilus.org/fora/security/06107Lankov.html> [Дата обращения: 22.12.2006]
10. Materials of Nautilus Institute, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nautilus.org> [Дата обращения: 23.04.2010]
11. Plate, T. North Korea's Role in U.S. – China relations, [Электронный ресурс]. URL: <http://japantimes.co.jp/print20080425tp.html> [Дата обращения: 25.04.2008]
12. Przystup, J. North Korea's Rocket Test and the Road Ahead, [Электронный ресурс]. URL: <http://search.japantimes.co.jp/print/eo20090419a1.html> [Дата обращения: 17.04.2009]

13. Sign of weakness in Pyongyang ? [Электронный ресурс]. URL: <http://search.japantimes.co.jp/print/ed20090515a1.html> [Дата обращения: 15.05.2009]
14. Snyder, S. Keep pressing Pyongyang, [Электронный ресурс]. URL: <http://japantimes.co.jp/print/eo20080721a2.html> [Дата обращения: 29.08.2008]
15. Toloraya, G. The New Korean Cold War and the Possibility of Thaw // The Asia – Pacific Journal. Vol. 19 – 1 – 09, May 9, 2009, [Электронный ресурс]. URL: http://japanfocus.org/articles/print_article/3136 [Дата обращения: 09.05.2009]

УДК 321.71(519)

Зыков А.А.
Zykov A.A.**КНДР в условиях смены политического руководства****Democratic People's Republic of Korea in the conditions of change
of the political leadership**

В статье рассмотрена специфика эволюции политической системы Корейской Народной Демократической Республики в условиях смены национального лидера. Проводится сравнительный анализ наследования власти Ким Чен Ира и его преемника Ким Чен Ына. Особое внимание уделено взаимозависимости внутренних политико-экономических процессов КНДР и международной обстановки.

Ключевые слова: *политический процесс КНДР, Ким Чен Ир, преемственность власти, Ким Чен Ын, реформа социалистической системы*

In article specificity of evolution of political system of the Korean National Democratic Republic in the conditions of change of the national leader is considered. The comparative analysis of inheritance of the power of Kim Jong Il and its successor Kim Jong Woon is carried out. The special attention is given interdependence of internal political-economical processes of Democratic People's Republic of Korea and an international situation.

Key words: *political process of DPRK, Kim Jong Il, continuity of the power, Kim Jong Woon, reform of socialist system*

Под конец прошедшего 2011 года такое важное политическое событие, как смерть лидера Корейской Народной Демократической Республики (далее КНДР или Северная Корея) Ким Чен Ира привлекло пристальное внимание мировой общественности. Большой общественный резонанс события обусловлен ядерным потенциалом и центральным положением КНДР в Северо-Восточной Азии. Смена высшего руководства страны, особенно незапланированная, автоматически влечёт за собой изменение политико-экономической системы. В случае негативного развития событий (т.е. потеря контроля над ситуацией новым руководством) последствия технологической и/или социально-экономической катастрофы незамедлительно скажутся на соседних государствах.

Страхи подогревает тотальная закрытость общественно-политической системы КНДР. По меткому замечанию А.Н. Ланькова, КНДР является уникальным примером «герметичного» в информационном отношении общества [10, с. 260]. Отсутствие доступа у иностранных учёных и специалистов к достоверной и официальной информации о те-

ЗЫКОВ Александр Александрович, зав. лабораторией кафедры частного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток).
E-mail: sunych_84@mail.ru

кущем положении дел в стране создаёт представление о непредсказуемости развития событий в КНДР и их последствий для международного окружения. Новостные и аналитические агентства зачастую используют информацию неизвестной степени достоверности (т.е. слухи), получаемую от перебежчиков, лиц бывавших в КНДР и имевших разовые встречи с северокорейскими руководителями, обладающей отрывочной либо не профильной информацией (прислуга, журналисты и т.д.). Многие СМИ в своих материалах о КНДР ссылаются на японские и южнокорейские разведывательные источники, анонимные источники из дипломатического корпуса и правительства. К сожалению, само наличие и достоверность таких источников не всегда очевидно. Большого доверия вызывает заявления неправительственных организаций занимающихся гуманитарной помощью на территории КНДР.

У России благодаря богатой истории тесного сотрудничества с Северной Кореей сложилась достаточная сильная школа фундаментальных и прикладных исследований КНДР. Среди наиболее авторитетных и плодотворных авторов следует отметить А.В. Торкунова [14], В.И. Денисова [4], А.З. Жебина [5], А.Н. Ланьков [10], Л.В. Забровская [6], И.А. Толстокулакова [13]. Некоторым из них ещё в советское время удалось побывать в командировке или стажировке в КНДР, что дало возможность наблюдать и общаться с северокорейскими гражданами. Собственный советский период истории является неоценимым опытом, дающим умение отслеживать по внешним церемониальным проявлениям изменения политической ситуации в стране и расстановке сил во власти.

С распадом СССР изменилась оценка политического режима и лидеров КНДР с однозначно позитивной до крайне критической. Яркий пример телевизионные фильмы и публицистические работы Л.М. Млечина [12]. Помимо прочего, это было обусловлено ещё и появлением возможности общаться с бывшими гражданами КНДР, бежавшими по политическим и экономическим причинам в Южную Корею, Китай, Японию, страны запада. Которые естественно были критически настроены по отношению к политическому режиму КНДР.

Цель данной работы дать по возможности объективный анализ состояния социально-политическую жизнь страны в условиях смены государственного руководства.

Часто общее состояние организации персонифицируется в общественном сознании, социально-экономические, культурные и политические условия просто не учитываются. Яркий пример такого восприятия продемонстрировало комментарий газете «Известия» озвученный бывшим сотрудником российского дипкорпуса в КНДР А.Ф. Склярком, в котором вся вина бедственного положения народа КНДР была возложена на национального лидера Ким Чен Ира. Чтобы избежать крайних оценок и навешивания клише необходимо принять в расчёт профессиональный опыт лидера и особенностей окружающей обстановки в период пребывания в руководстве.

Ким Чен Ир (1942 – 2011 гг.) человек с твёрдым характером жёсткого руководителя. Прежде чем занять высшие посты в государстве прошёл этапы становления в партийном и государственном аппарате. С 1970-х годов под надзором отца, основателя КНДР Ким Ир Сена, участвовал в повседневном руководстве страной. И только 24 декабря 1991 г. на 19-м Пленуме ЦК ТПК 6-го созыва получил первый высший государственный пост – Верховного Главнокомандующего Корейской Народной Армии (КНА).

Официальное закрепления Ким Чен Ира в политическом руководстве страны совпало с разгаром социально-экономического кризиса

в стране, что было вызвано, в том числе, крушением советского блока. Так А.З. Жебин пишет: «среди внешнеполитических причин возникшей ситуации было, бесспорно, резкое свёртывание торгово-экономических связей КНДР с СССР, а впоследствии с Россией, а также, хотя и в меньшей степени, с Китаем в связи с переходом этих двух основных торгово-экономических партнёров на расчёт в СКВ» [5, с. 138].

Далеко не самая богатая страна советского блока в условиях крушения восточно-европейских коммунистических режимов вызвала у политиков и экспертов напряжённые ожидания «конца истории» народно-демократического периода Северной Кореи. Одним из наиболее ожидаемых вариантов развития событий было слияние КНДР с Республикой Корея по германскому варианту. В условиях кардинального изменения глобального миропорядка никто уже не принимал в расчёт перспективы развития северокорейского режима. Смерть 8 июля 1994 г. бессменного руководителя КНДР с 1945 г. Ким Ир Сена могла послужить детонатором политического кризиса. Ситуацию отягощало тяжелейшее социально-экономическое положение страны, которое была вынуждена официально признать правящая партия на 21-м Пленуме ЦК ТПК 6-го созыва в декабре 1993 г. (было признано невыполнение 3-го 7-летнего плана экономического и социального развития на 1987-1993 гг.).

Однако перед угрозой национального коллапса, помимо указанных вызовов, обострённых ядерным кризисом на Корейском полуострове 1993-1996 гг. и обрушившимися в 1995-1996 гг. стихийными бедствиями (приведшие к парализации работы большей части экономики и острейшему продовольственному кризису), северокорейской элите удалось сплотиться.

Преодоление страной всеобъемлющего кризиса стало очевидно (особенно для стороннего наблюдения) в 1998 г. после оглашения постановления Постоянного совета ВНС КНДР о проведении после более чем 8-летнего перерыва выборов в ВНС КНДР. Политическое содержание и цель 2-х месячной предвыборной кампании, как и самих выборов, заключались, прежде всего, в обеспечении консолидации всех структур политической системы и всего общества вокруг фактического руководителя страны – Генерального секретаря правящей ТПК, Председателя Государственного комитета обороны (ГКО) КНДР, Верховного Главнокомандующего КНА Ким Чен Ира.

Укрепление на вертикали власти не означало отсутствие проблем для Ким Чен Ира, наиболее остро стояли две проблемы: необходимость реформирования экономической системы и внешнеполитическая угроза, наиболее чётко обозначившаяся после объявления Дж. Бушем-младшим борьбы со странами «оси зла». Американское давление, помимо потенциальной возможности реализации иракского варианта в корейских условиях, создавало напряжённость отношений с соседними странами (Южная Корея, Россия, Китай, Япония). Источником беспокойства соседей является ядерная программа КНДР, переговоры, о сворачивании которой демонстрируют психологическую стойкость северокорейского руководства, в частности Ким Чен Ира. Показательны в этом плане 5-й и 6-й раунды шестисторонних переговоров, на которых Россия и Китай выступали за свёртывание военных аспектов северокорейской ядерной программы и денуклеаризации всего Корейского полуострова. При этом подчёркивается, что без учёта потребностей КНДР в мирной энергетике, необходимой для нормального её экономического развития, достичь конструктивного результата на переговорах будет трудно. Иного взгляда придерживалась американская сторона. Её делегация, исключала компромиссы и какие-либо реальные компенсации требовала безоговорочного свёртывания всех ядерных программ в КНДР, закрытия реакто-

ра в Нёмбене, предоставления данных по другим соответствующим объектам. Одновременно американцы выступали инициаторами введения жёстких санкций против Пхеньяна в случае невыполнения им этих и ряда других требований [9, с. 142].

Но даже из такой сложной ситуации северокорейское руководство умудрялось извлекать выгоду, получая по различным каналам безвозмездные кредиты, энергетические поставки и гуманитарную помощь от своих ближайших соседей (в первую очередь РК и КНР) и стран Запада. Эксперты назвали такое политическое поведение северокорейской «западнѐй», которая заключается в том, что Пхеньян в начале нового президентского периода США сначала обостряет обстановку, поднимает «переговорную планку», а затем, играя на факторе «новых игроков» участников переговоров с американской стороны, в очередной раз и по всё большей цене «продаёт» свою «ядерную программу». Традиционный круг «северокорейской ловушки»: обострение обстановки, переговоры, видимость уступок со своей стороны взамен экономической помощи, новое обострение [11, с. 115].

Непопулярность и в целом негативные последствия смещения режима Садама Хусейна в Ираке, победа демократов на президентских выборах в США и мировой финансовый кризис отвлекли внимание международно-политического окружения от Корейского полуострова.

В этот период остро встала проблема преемственности власти – залога сохранения северокорейского режима в условиях ухудшающегося здоровья национального лидера Ким Чен Ира. Причём проблема несёт системный характер, помимо собственно персоны первого лица государства назрела необходимость смены в целом поколения северокорейского руководства перешагнувшего шестой десяток лет. Частично эта проблема решалась в рамках экономических реформ начавшихся с принятия в июле 2002 г. правительством КНДР Постановления о новом пути экономического развития республики. Началась подготовка новых кадров управленцев, при обучении которых упор делался не на усвоение постулатов идеологии чучхе, а на изучении функционирования рыночной экономики, разъяснения законов спроса и предложения и т.п. Правительственные органы и аппарат Трудовой Партии Кореи провели реорганизацию, сократив на 30% ряд постов и должностей [6, с. 21-22].

Тревожным звонком для правящей элиты стал 2008 год, когда Ким Чен Ир перенёс инсульт, это событие обозначило острую необходимость подготовки преемника национальному лидеру. С этого момента органы официальной пропаганды стали интенсивно распространять информацию «об удивительной мудрости и многообразных талантах Ким Чен Ына», младшего сына Ким Чен Ира. Летом 2009 года Ким Чен Ын был назначен главой службы безопасности своего отца, а также стал инспектором Государственного комитета обороны. Официальное назначение преемника состоялось в сентябре 2010 года на Третьей конференции Трудовой партии Кореи. Последний раз партконференция собиралась в 1966 году (на которой была принята линия на параллельное ведение хозяйственного и оборонного строительства в соответствии с требованиями действительности), что подчёркивает экстраординарный характер этого явления. Предыдущие утверждение назначения преемника проходило на съезде в 1980 году.

При этом ещё во время избрания членом Политкомитета ЦК ТПК на февральском пленуме в 1974 г. Ким Чен Ир был официально признан партийным руководством в качестве «наследника» вождя, на тот момент ему было 32 года. Новому лидеру ещё нет и 30 лет, у него нет возможности опереться на поддержку отца и нет лимита времени набраться партийного, хозяйственного и политического опыта в структурах власт-

ного аппарата.

Таким образом, можно рассматривать, возраст нового лидера как фактор неустойчивости его политических позиций. По мнению некоторых СМИ, «хотя имя северокорейского «престолонаследника» официально определено, молодому преемнику будет трудно удержать власть в своих руках». Отдельные эксперты утверждают что: «преемник подготовлен и образован» [2]. Под критерием «подготовлен», наверное, следует понимать знание природы властных отношений в КНДР и методов их реализации. Согласно сведениям японского информационного агентства «Kyodo», лидер КНДР Ким Чен Ын с начала 2011г. с санкции своего предшественника Ким Чен Ира методично устанавливал личный контроль над спецслужбами. В частности, были проведены чистки высшего командного состава страны [8]. В январе новый лидер Северной Кореи осуществил так называемую инспекцию управления охраны государственной безопасности. Далее в феврале – марте настал черёд министерства народной безопасности, в котором были смещены более 30 руководителей высшего звена. Был уволен и сам министр народной безопасности – Чу Сан Сон. По данным японской и южнокорейской разведок, Ким Чен Ын в течение года инспектировал также пограничные части, развёрнутые вдоль границы с Китаем, передаёт ИТАР-ТАСС. Ранее сообщалось, что после смерти Ким Чен Ира высокопоставленные сотрудники северокорейских зарубежных представительств, в первую очередь офицеры спецслужб, получили приказ о немедленном возвращении на родину. Можно сделать вывод, что чистки в силовых ведомствах предпринимались и продолжают предприниматься как во избежание внешнего влияния на ситуацию в КНДР, так и для укрепления единоличных властных позиций Ким Чен Ына.

Насколько эти мероприятия имели успех сегодня трудно сказать, но уже сейчас очевидна потребность Ким Чен Ына в подкреплении собственного авторитета. В контексте конфуцианской культуры, где возраст обеспечивает уважение, поддержка старших родственников, в первую очередь сестры Ким Чен Ира – Ким Ген Хи и её мужа Чан Сон Тхэк, придадут авторитетности молодому руководителю. Этой точке зрения, оппонирует ряд экспертов (в том числе А.Н. Ланьков): молодому преемнику придётся следовать в фарватере той политики, которую для него будут разрабатывать могущественные старые сановники. Уже на третий день после смерти Ким Чен Ира, информационные агентства, опираясь на компетентные и разведывательные источники, поспешили подтвердить вышеуказанное предположение [3]. Молодой наследник Ким Чен Ира не смог удержать власть в своих руках. Как утверждают информированные источники в Китае, возглавивший страну после смерти отца Ким Чен Ын добровольно поделился полномочиями со своим дядей и военными. В противном случае страну мог ждать военный переворот. Имя Чан Сон Тхэка ранее называлось наблюдателями как одного из потенциальных преемников Ким Чен Ира. Так, ещё два года назад The Guardian [16] утверждала, что фактическая власть в стране уже перешла в его руки. Сам Чан Сон Тхэк, назначенный в 2009 году на пост руководителя Трудовой партии, на родине успел прославиться умением «закручивать гайки» и даже заслужил звание «самого жуткого» последователя Ким Чен Ира и его отца – Ким Ир Сена.

По нашему мнению, две выше представленные позиции скорее дополняют друг друга, чем противоречат. Потому что до «высокопоставленной» отставки дяди или выдвижения нового преемника, нет основания для объявления утраты власти и влияния кем-либо. По словам К.Б. Пуликовского, в своё время Ким Чен Ир говорил, что все министры, руководители аппарата достались ему по наследству от отца [7]. Это не мешало

ему вести свою политику и принимать самостоятельные решения. Смена власти всегда увеличивает вероятность политических кризисов, но пока Ким Чен Ына выбрали именно для того, чтобы не допустить трансформации, влекущие за собой негативные последствия.

В условиях сохранения северокорейского режима и стабильности на корейском полуострове необходима консолидация руководства, в которой международное окружение заинтересовано не меньше чем граждане КНДР. Различия в восприятии северокорейского режима соседними государствами не мешают им поддерживать общую заинтересованность в сохранении стабильности на Корейском полуострове. Даже, несмотря на ожесточённую риторику, военные союзники США (прежде всего Япония и Республика Корея) не заинтересованы в силовом вмешательстве, ввиду как ядерной угрозы, так и (в большей степени) социально-экономических последствий крушения режима. Тем более что это нарушит баланс сил в регионе СВА.

При этом очевидна назревшая необходимость социально-экономических преобразований. Но за этими ожиданиями и рекомендациями стоят различные намерения, так США от экономических реформ КНДР ожидают «размягчение» режима, т.е. потерю политического контроля над ситуацией правящим кланом Кимов и ТПК, и как следствие слияние её территории с Республикой Корея.

Южнокорейское правительство готово оплачивать экономические эксперименты КНДР, с целью как можно дальше отодвинуть процесс объединения Корейского полуострова в единое государство и по возможности сократить разрыв с северокорейской экономикой. Доказательством общие «экономические» проекты (например, СЭЗ «Кэсон») и обсуждение экспертным и политическим сообществом Южной Кореи возможности введения налога на объединение Корейского полуострова.

По корейскому вопросу США активно контактируют с КНР, но цели этих двух держав сильно различаются. Пекин за рыночные реформы в КНДР и ослабление напряжённости на Корейском полуострове, но категорически против разрушения северокорейского государства и его поглощение Южной Кореей – военно-политическим союзником США. Китай заинтересован в сохранении буфера между своей территорией и американскими военными базами. Одновременно в Китае нарастает недовольство политикой КНДР. Пробуксовка шестистороннего процесса по ядерному разоружению Северной Кореи и провокационное поведение Пхеньяна, постоянно то обостряет обстановку на Корейском полуострове, то в обмен на помощь ослабляющего напряжённость, вызывает раздражение Пекина. Китайские эксперты всё более открыто характеризуют северокорейский режим как феодальный, не желающий идти по пути реформ и открытости и полагающийся только на внешнюю помощь [11, с. 115].

Россия также подталкивает руководство КНДР к экономическим реформам по китайскому или вьетнамскому образцу. В начале 2000-х годов Ким Чен Ир сделал несколько робких шагов в этом направлении (введение на предприятиях хозрасчёта, внедрение принципов экономической целесообразности и эффективности, вводятся ограниченный опыт частнопредпринимательской деятельности и т.п.), но остерегся двигаться дальше. Главный курс Ким Чен Ира на проведение осторожных экономических реформ не выходит за рамки социалистической системы хозяйствования.

По мнению В.В. Горчакова реформы далеко не продвинулись по ряду причин, среди которых в первую очередь следует выделить сдержанность в отношении реформ старшего поколения северокорейского руководства и их ядерные амбиции. Первая причина заключается в том,

что старшее поколение представителей армии опасалось потерять своё положение, как это произошло при распаде Советского Союза. Вторая причина – амбиции руководства страны, когда фактически интересы большой группы населения были забыты ради реализации ракетной и ядерной программ [1]. По нашему мнению, роль ядерной программы в развитии КНДР нельзя оценивать однозначно, так как само её наличие ограждает северокорейский режим от внешнего вмешательства (пример Ирака тому яркое доказательство).

Россия и её Дальний Восток особо заинтересованы в нормализации обстановки в КНДР, потому что нуждаются в закреплении договорённостей, достигнутых во время последнего визита Ким Чен Ира в РФ, состоявшегося в августе 2011 года. Речь идёт о планах постройки газопровода из России в Южную Корею через территорию КНДР, а также Транско-рейской железнодорожной магистрали, которая открыла бы возможность для транзита грузов из Восточной Азии в Европу через территорию РФ. Это крайне рискованные с политической точки зрения проекты, и их реализация требует твёрдых гарантий нового руководства КНДР [15].

Вполне естественно, ожидать изменений методов и подходов нового руководства к управлению страной и ведению переговоров с соседними государствами. Во-первых, потому что эволюционирует сама политическая система Северной Кореи в направлении коллективного руководства. Во-вторых, менталитет нового поколения отличается от старшего, у молодого лидера уже нет стольких точек соприкосновения с Россией в отличие от Ким Чен Ира. Следовательно, можно предположить поиск более тесных контактов с Западом (здесь могут сказать годы обучения Ким Чен Ына в Швейцарии) и более строгая ориентация на китайскую модель реформ. В-третьих, международная обстановка, обострённая второй волной экономического кризиса и вспышками протестных движений в разных уголках планеты, не создаёт дополнительного давления на КНДР, а значит, предоставляет необходимый лимит времени для плавного перехода к новому этапу развития страны.

Литература

1. Виктор Горчаков: У Приморья и КНДР есть много возможностей для сотрудничества // Информ. Агентство «Примамедиа». [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/asia/21.12.2011/184390/viktor-gorchakov-u-primorya-i-kndr-est-mnogozhnostey-dlya-sotrudnichestva.html> [Дата обращения: 21.12.2011].
2. Гриценко О. По заветам Кима // Взгляд. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/politics/2011/12/19/547940.html> [Дата обращения: 19.12.2011].
3. Гриценко О. Пришлось подвинуться // Взгляд. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/politics/2011/12/21/548636.html> [Дата обращения: 21.12.2011].
4. Денисов В.И. Политические системы государств Корейского полуострова / В.И. Денисов // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Восток-Запад, 2006. С.571-598.
5. Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен / А.З. Жебин. М.: «Русская панорама». 2006. 216 с.

6. Забровская Л.В. Корейская Народно-Демократическая Республика в эпоху глобализации: от затворничества к открытости: Монография / Л.В. Забровская. Владивосток: Изд-во ТЦСР, 2006. 168 с.

7. К. Пуликовский: «Бронепоезд Ким Чен Ира – это неудачная шутка нашей прессы» // Известия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izvestia.ru/news/510135> [Дата обращения: 21.12.2011].

8. Ким Чен Ын установил жёсткий контроль над спецслужбами // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2011/12/23/kin-chen-yn-anons.html> [Дата обращения: 23.12.2011].

9. Корейское урегулирование и интересы России / под ред. В.И. Денисова и А.З. Жебина. М.: ИДВ РАН, НП ИД «Русская панорама», 2008. 344 с.

10. Ланьков А.Н. КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи / А.Н. Ланьков. М.: Восток-Запад, 2005. 445 с.

11. Михеев В.В. В ожидании «утреней свежести»: корейский бином / В.В. Михеев // Мировая экономика и международные отношения. 2009. №6. С. 112-116.

12. Млечин Л.М. Красный император // Мои друзья – диктаторы / Л.М. Млечин. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 479-587.

13. Толстокулаков И.А. История общественно-политической мысли Кореи. Владивосток: ДВГУ, 2007. 368 с.

14. Торкунов А.В. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории / А.В. Торкунов, В.И. Денисов, Вл.Ф. Ли. М.: «Олма Медиа Групп». 2008. 544 с.

15. Тренин Д. Раунд Кима III // ИНОСМИ. [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/op_ed/20111219/180720118.html [Дата обращения: 19.12.2011].

16. The Guardian. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guardian.co.uk> [Дата обращения: 21.12.2011].

УДК 327:339.942:470+519.5(571.6)

*Козлов Л.Е., Реутов Д.А.
Kozlov L.E., Reutov D.A.*

Внешнеполитический контекст сотрудничества России и Республики Корея в промышленной модернизации Дальнего Востока

**Foreign policy context of cooperation between Russia and the Republic of Korea
in industrial modernization of the Far East**

В постсоветский период в экономике Дальнего Востока сложился комплекс проблем, негативно сказывающихся на социально-политической стабильности и международной безопасности России. Необходимым условием подъема экономики Дальнего Востока является кооперация с развитыми странами. Республика Корея рассматривается российским правительством в качестве основного партнера по промышленной модернизации Дальнего Востока. В статье анализируется реализация двусторонних промышленных проектов и то влияние, которое оказывает на них политическая ситуация на Корейском полуострове.

Ключевые слова: *международные отношения, внешняя политика, промышленная модернизация, региональное развитие, Дальний Восток, Корейский полуостров*

During the post-soviet period economy of the Russian Far East has faced a set of problems that affect social & political stability and international security of Russia. The cooperation with developed countries is essential for upsurge of Russia's Far East economy. Russian government considers the Republic of Korea to be the most significant partner in industrial modernization of the Far East. The article examines implementation of bilateral industrial projects and the influence that political situation on the Korean Peninsula exerts on them.

Key words: *international relations, foreign policy, industrial modernization, regional development, Far East, Korean Peninsula*

В экономике Дальнего Востока России в течение постсоветского периода развивается ряд проблем, негативно сказывающихся на социально-политической стабильности и международной безопасности России: крайнее упрощение хозяйственной структуры, зависимость ре-

КОЗЛОВ Леонид Евгеньевич, к. полит. н., доцент кафедры мировой экономики и экономической теории Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** leonidkozlov@yahoo.com

РЕУТОВ Дмитрий Александрович, менеджер отдела реализации инфраструктурных и нефтегазовых проектов ОАО «Дальзавод» (г. Владивосток). **E-mail:** reutov.dmitrii@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта Минобрнауки РФ №РНП.2.1.3/9622 «Региональная политика России на Дальнем Востоке: перспективы реализации в современных

гионального благосостояния от внешней торговли, технологическая отсталость от индустриально развитых стран. Эти проблемы порождают дефицит привлекательных рабочих мест. Наиболее квалифицированная часть постоянного населения эмигрирует, а низкооплачиваемые места заполняют иммигранты из-за рубежа, малознакомые с российской культурой и нелояльные российскому государству. В перспективе это грозит утратой политического влияния федерального центра на Дальнем Востоке, особенно опасной ввиду исторического ревизионизма восточноазиатских наций в отношении России.

Реформы последнего десятилетия не имели положительного влияния на структуру экономики или на демографическое положение Дальнего Востока. Напротив, в экспорте дальневосточных регионов неуклонно росла доля сырья и полуфабрикатов, а в импорте – доля готовых изделий. Отток постоянного населения продолжался: между Всероссийскими переписями 2002 и 2010 годов население Дальнего Востока сократилось на 6% [7, с. 8], хотя именно тогда Россия получала повышенные доходы от высоких нефтяных цен на мировом рынке, что позволило направить на модернизацию дальневосточной инфраструктуры значительные средства в рамках федеральных целевых программ.

Необходимым условием модернизации экономики Дальнего Востока – и, прежде всего, добывающей и обрабатывающей промышленности как наиболее доходной её части – представляется кооперация с иностранными партнёрами, поскольку ситуация в области НИОКР и управления высокотехнологичным производством в России складывается неблагоприятно. Между тем, внешнеполитическая ситуация на Тихом океане остаётся для России достаточно сложной. В 2010-2011 годах на фоне обострения Курильского вопроса стали откровенно недружественными отношения с Японией, из-за чего тормозится деловое взаимодействие, особенно, на уровне среднего бизнеса. С Китаем, несмотря на декларируемое стратегическое партнёрство, сформировался гигантский диспаритет по социально-экономическим показателям, позволяющий навязывать России невыгодные условия в совместных проектах, вроде нефтепровода ВСТО [2]. Кроме того, зависимость от Китая граничащих с ним дальневосточных и забайкальских регионов России настолько высока, что угрожает их экономической безопасности. Теоретически в качестве партнёра по развитию Дальнего Востока можно рассматривать США, но отношения России с этим государством традиционно характеризуются взаимной подозрительностью.

По мнению профессора Сеульского государственного университета Шин Бом Шик, российское руководство признало необходимость привлечения иностранных инвестиций для развития Дальнего Востока, однако, вопреки мировой практике, выбрало стратегию «строгостоятизма и ресурсного национализма». Такая стратегия исключила возможность широкого участия соседних стран в проектах по освоению энергетических и минеральных ресурсов России [16, с. 13]. Российское руководство полагает, что многостороннее участие может привести к потере контроля над проектами и снижению его политического влияния в регионе. Страны СВА, жёстко конкурирующие друг с другом, тоже склоняются к двусторонней модели взаимодействия с Россией, поэтому международные проекты – особенно, в энергетической сфере – планируются и осуществляются на Дальнем Востоке под потребности определённого клиента.

условиях», гранта Минобрнауки РФ № 6.1602.2011 «Государственное регулирование развития приграничных регионов: баланс потребностей национальной безопасности и экономического прогресса», гранта РГНФ №11-33-00361а2 «Интерференция внешней и региональной политики Российской Федерации».

Судя по событиям последних трёх лет, в качестве основного зарубежного партнёра по модернизации Дальнего Востока федеральное правительство рассматривает Республику Корея. Причины этого лежат на поверхности. Южная Корея уже сейчас находится в авангарде мировой экономики. По прогнозу американского банка «Goldman Sachs», к 2050 году она выйдет на второе место в мире по объёму ВВП на душу населения [17, р. 18]. Корейские корпорации прошли закалку в ходе международных финансовых кризисов 1998 и 2008 годов. Они уверенно конкурируют на внешних рынках с европейскими, американскими и японскими компаниями, владеют передовыми технологиями во многих секторах промышленного производства. В ряде отраслей, которые правительство России решило развивать на Дальнем Востоке, Южная Корея занимает лидирующие позиции, в первую очередь, в судостроении, автомобилестроении, нефтехимии и газохимии.

Южнокорейская сторона подчёркивает готовность к встречному сближению, реализуя специальную программу связей с регионами Сибири и Дальнего Востока. Республика Корея лидирует среди азиатских стран по объёму накопленных инвестиций в российский Дальний Восток. Двусторонним контактам благоприятствует наличие на Дальнем Востоке крупной и социально активной корейской диаспоры, зачастую выступающей в качестве организатора или посредника в совместных проектах.

В военно-политическом плане Южная Корея в наименьшей степени представляет угрозу России в СВА. Она стремится поддерживать добрососедские отношения, готова к компромиссам, испытывает острую потребность в поддержании региональной стабильности, развивает военно-техническое сотрудничество с Россией, не претендует на глобальное политическое лидерство и не владеет оружием массового уничтожения. Политический режим Южной Кореи обладает широкой общественной поддержкой и является достаточно предсказуемым – в отличие от КНДР – в принятии внешнеполитических решений.

Южнокорейские компании проводят активную экспансию за рубежом, преследуя не только экономическую выгоду, но и политические цели всей нации. Во-первых, их коммерческий успех повышает международный авторитет страны. Очевидно, что руководство Республики Корея продолжит использовать национальные компании в качестве внешнеполитического инструмента, чтобы сократить дистанцию между экономическими и политическими позициями в мировой политике. Во-вторых, экономическое сотрудничество укрепляет связь Кореи со странами, принимающими корейские инвестиции, и со странами, нанимающими корейские компании в качестве подрядчиков для выполнения определённых работ.

В случае привлечения южнокорейского капитала, существует прямая зависимость эффективности проекта от политической линии компаний и правительства Республики Корея. Если корейская компания участвует в статусе подрядчика, зависимость будет проявляться в необходимости дальнейшего обслуживания проекта, технической поддержки, обучения специалистов в Корее и др. Вероятнее всего, корейская роль в реализации проекта окажется ведущей. В условиях, когда руководство корейских корпораций тесно связано с национальным правительством, а корпоративные интересы часто отождествляются с государственными, их внешнеэкономическая деятельность, скорее всего, отвечает внешнеполитической стратегии официального Сеула. Специфика внешнеэкономической политики Южной Кореи заключается в готовности раскрывать используемые технологии и делиться опытом, рассчитывая на создание производств полного технологического цикла с высокой добавочной сто-

имостью (хотя сборка может рассматриваться в качестве начального этапа).

Участие в модернизации Дальнего Востока повышает шансы Южной Кореи на допуск к освоению углеводородов Охотского моря и к их дальнейшей транспортировке. Собственными углеводородами Корея не обладает, поэтому вынуждена импортировать нефть и газ почти в полном объёме [15]. Необходимость диверсификации поставок обострилась в связи с политической напряжённостью на Ближнем Востоке в 2011 году и вокруг Ирана в начале 2012 года, откуда, в основном, экспортируются углеводороды в Корею. В пользу России играет политическая стабильность и географическая близость, поэтому интерес корейских компаний к сахалинскому и камчатскому шельфу и присутствие на Дальнем Востоке компании «КОГАЗ» (крупнейшей корейской компании в этом секторе) вполне закономерны.

После некоторой стагнации российско-южнокорейских отношений в период президентства Владимира Путина и Но Му Хёна, Дмитрий Медведев и Ли Мён Бак существенно активизировали контакты на высшем уровне. Одним из сигналов о межгосударственном сближении стала взаимная либерализация визового режима и продолжение дипломатических консультаций о полной отмене визового контроля. В 2008 году, когда Ли Мён Бак посетил Россию с официальным визитом, главы двух стран договорились поднять взаимодействие до уровня стратегического партнёрства, привлечь деловые круги Республики Корея к сотрудничеству в Сибири и на Дальнем Востоке, в том числе с учётом федеральной программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья» [12].

С этого момента сотрудничество России и Республики Корея на Дальнем Востоке стало распространяться на принципиально новые секторы экономики. К числу действующих или планирующихся к реализации направлений сегодня относятся судостроение, транспортировка газа, газохимия, машиностроение, авиатранспорт, космонавтика, сельское хозяйство и пищевая промышленность. Не все из них имеют ясные перспективы, но, в сравнении с китайскими и японскими проектами, корейские инициативы продвигаются гораздо быстрее. Например, в сентябре 2010 года «Федеральная сетевая компания» (оператор магистральных электрических сетей России), администрация Приморского края и корейская корпорация «Hyundai Heavy Industries» подписали меморандум о взаимопонимании по строительству завода электротехнического оборудования в Приморье. Уже в июне 2011 года был согласован выбор земельного участка для его строительства в г. Артём [13].

В соответствии с соглашением, корейская компания осуществляет проектирование, строительство и последующую эксплуатацию завода. Источником финансирования проекта являются собственные и привлечённые средства «Hyundai», на первоначальном этапе около 50 млн долларов США. «Федеральная сетевая компания» намерена заключить с «Hyundai» на конкурсной основе долгосрочный договор на поставку оборудования, изготавливаемого данным заводом [14]. Создание такого производства в Приморском крае обусловлено тем, что электрическое хозяйство Дальнего Востока проходит комплексную модернизацию в рамках программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья» и Энергетической стратегии России.

В 2008 году правительство России привлекло южнокорейскую корпорацию «Daewoo» к реализации федеральной программы развития судостроения на Дальнем Востоке. «Daewoo» вошла в проект на самых благоприятных условиях: работая на средства из федерального бюджета, имея гарантированный сбыт посредством заказа от государственных

корпораций. В качестве потенциальных заказчиков её судов рассматриваются «Газпром», «Роснефть», «Транснефть» и крупные судоходные компании. Крупнейший в России танкерный перевозчик «Совкомфлот» подписал контракт на строительство шести танкеров до 2014 года. Непосредственно в России под ключ будут построены лишь два танкера данного заказа. Ещё для двух на верфи «Звезда – DSME», совместном предприятии «Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering Co. Ltd». и «Объединённой судостроительной корпорации», будет проведена часть работ. Первые суда «Daewoo» построит на мощностях в Корее, поскольку верфь в Приморском крае начнёт работу не ранее лета 2012 года [11].

Согласно официальной информации, верфь будет изготавливать большегрузные танкеры для транспортировки сырой нефти и нефтепродуктов, суда для перевозки сжиженного природного газа (мембранного типа), верхние основания и модули платформ для морского шельфа, заводов по добыче, переработке, хранению и отгрузки сжиженного природного газа. От реализации проекта Россия ожидает получить высокотехнологичное производство, повышение квалификации персонала, создание большого числа рабочих мест в смежных отраслях. Для Кореи это означает привлечение инвестиционных средств, появление нового перспективного партнёра, возможность вовлечения в инфраструктурные проекты, в первую очередь, связанные с освоением шельфа Охотского моря, а также обеспечение занятости специалистов судостроения. По предварительной оценке, объём финансирования проекта составляет 1,2 млрд долларов США, а на строительстве верфи будет задействовано до 5200 специалистов [1].

Для корейского автомобилестроения Россия представляется перспективным рынком сбыта. Таможенная политика федерального правительства нацеливает иностранные компании на размещение сборочных производств внутри России. Корейские инициативы российское руководство явно поддерживает, например, в 2009 году владивостокское предприятие ОАО «Дальзавод» было вынуждено продать несколько функционирующих цехов, включая оснащённый новейшим оборудованием и прошедший ремонт цех металлоконструкций, российской автосборочной компании «Соллерс», имеющей эксклюзивные права на дистрибуцию в России южнокорейских автомобилей «SsangYong». Логистические преимущества, то есть близость к Корее и портовый причал, при этом назывались руководством «Соллерс» одной из главных причин размещения сборочного завода во Владивостоке [4].

Эксперты, опрошенные авторским коллективом в рамках научного проекта Минобрнауки РФ «Региональная политика России на Дальнем Востоке: перспективы реализации в современных условиях», сомневаются в оформлении союзнических отношений России и Южной Кореи даже посредством устной договорённости (интервью проведены в течение 2010 года). Они считают, что рассматриваемая тенденция обусловлена исключительно грамотным маркетингом корейских корпораций и просчётами зарубежных конкурентов. Вот мнение А.Ю. Рассомахина, бывшего генерального директора судостроительного завода «Звезда»: «Скажем так, южнокорейские ребята оказались чуть подвижнее, чем все остальные. <...> Я не думаю, что остальные государства Азиатско-Тихоокеанского региона не хотели бы в этом участвовать. Просто все занимали позиции ожидания, а они решили рискнуть».

И.И. Меламед, генеральный директор Международного центра развития регионов, руководивший подготовкой государственного проекта «Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года», высказался следующим образом: «Они же [корейцы] очень быстро развиваются. Им, действительно, нужны и нефть, и газ, и электроэнер-

**Фото 1. Текущее состояние железной дороги Уссурийск – Хасан
(фото Л.Е. Козлова)**

гия. Ничего своего нет. Простые ресурсы позарез нужны. Китайцы, им очень много надо, но они организовались по всему миру. Крупнейшие – их компании, которые сейчас везде работают. В конце концов, лишние 15-20 млн тонн нефти при потреблении в 400, не являются такими критичными. <...> Японский бизнес очень долго раскачивался. Потом, к сожалению, за 90-ые годы у японцев сложился стереотип, что Россия слабая, а мы такие сильные, и прочее».

Всё же полное отрицание взаимосвязи экономики и политики в данном случае представляется неверным. Том Армбрустер, генеральный консул США во Владивостоке, согласился с наблюдением, что экономическое развитие Дальнего Востока определяется политической волей российского правительства: «В идеале хорошо, когда бизнес – это бизнес, а политика – это политика, и они не смешиваются друг с другом. И пока в России я не вижу эту тенденцию. Пока политика и бизнес всегда смешиваются. И так как нет политических трудностей между Южной Кореей и Россией, конечно, Корея – естественный и хороший партнёр».

Президент Ассоциации добытчиков минтая Герман Зверев в своих выступлениях постоянно указывает на большие лоббистские возможности, которые имеют в России южнокорейские рыболовные компании. В конце 2009 года между Россией и Южной Кореей было подписано соглашение о несообщаемом и нерегулируемом промысле живых морских ресурсов, увеличивающее квоту корейских компаний на вылов минтая в исключительной экономической зоне России на 75% (подразумевается, прежде всего, Охотское море). Рыболовные компании Дальнего Востока выступают категорически против допуска иностранцев во внутренние российские моря, но предполагают, что корейская квота будет и далее расширяться [6].

По мнению Шин Бом Шик, для максимизации синергетического эффекта развития Дальнего Востока и регионального сотрудничества в

СВА необходимо признать взаимосвязь экономического сотрудничества в регионе с урегулированием ситуации на Корейском полуострове. Этот процесс тесно связан с реформированием КНДР и её открытием внешнему миру. С точки зрения корейских специалистов, ключевой задачей развития Дальнего Востока России является оживление энергетических и транспортных коридоров, которые упираются в вопрос «открытия» Северной Кореи [16, с. 14].

Официальная позиция России согласуется с данным подходом, провозглашая трёхсторонние проекты важным средством нормализации межкорейских отношений, восстановления доверия после инцидента с корветом «Чхонан» и возобновления работы Пекинской шестёрки. В качестве таковых рассматриваются газопровод и линия электропередачи из России в Южную Корею через территорию КНДР, а также соединение Транскорейских железных дорог с Транссибирской магистралью через ветку Уссурийск – Хасан [3]. Все они, в случае реализации, окажут прямое влияние на экономику Дальнего Востока и, скорее всего, будут задействовать ресурсы работающих российско-южнокорейских проектов. Нормализация межкорейских отношений благотворно скажется на двусторонних проектах России с южнокорейскими компаниями в Приморском крае, поскольку отсутствие прямой связи по железной дороге и враждебное отношение КНДР к заходу иностранных судов в её территориальные воды удорожает транспортное сообщение, а вероятность вовлечения региона в вооружённый конфликт повышает инвестиционные риски.

Отношения с КНДР являются сегодня главной проблемой внешней политики Республики Корея. Сеул осознаёт, что самостоятельно разрешить данный вопрос не в состоянии, и пытается заручиться максимальной поддержкой крупных держав, прежде всего, вовлечённых в шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР. Поддержка России как одного из участников Пекинской шестёрки является для Южной Кореи весьма полезной. На руку Сеулу играет то, что в экономическом плане КНДР в отдельности неинтересна России, ввиду мизерного объёма контактов: в 2010 году торговля между Россией и КНДР составила всего 101 млн долларов [5].

Для Сеула Россия представляет интерес в вопросе о денуклеаризации Кореи тем, что не прерывает политических контактов с КНДР и способна, в отличие от США и Японии, вести прямой диалог с её руководством на различные темы, включая трёхстороннее экономическое взаимодействие. Среди южнокорейских специалистов преобладает мнение, что вовлечение Севера в подобные проекты повысит шансы на его объединение с Югом. Отметим, что технологическая деградация и отсутствие финансовых резервов в КНДР делает необходимым полное финансирование и технологическое сопровождение работ на её территории иностранными участниками.

Вектор на промышленную кооперацию с Республикой Корея и реализацию трёхсторонних проектов содержит для России определённые риски в отношениях с другими великими державами, вовлечёнными в корейское урегулирование. В обеспечении военной безопасности Республика Корея до сих пор сильно зависит от США. В связи с обострением ситуации вокруг КНДР в 2010 году военные ведомства США, Республики Корея и Японии активизировали усилия по формированию тройственного союза, до тех пор не особо успешные из-за исторических противоречий между Токио и Сеулом. Америке, по нашему мнению, этот союз необходим, чтобы оказывать психологическое давление, прежде всего, на Китай, а не на КНДР. Явное сближение России с американским союзником вызовет недовольство Китая, что, несомненно, осложнит

российско-китайское партнёрство. Кроме того, обострение межкорейских отношений усиливает влияние военных кругов на принятие внешнеполитических решений в Южной Корее, в то время как интересам России отвечает усиление сотрудничающих с ней корпораций.

Судьба гипотетического газопровода из России в Корею демонстрирует, что внешняя и внешнеэкономическая политика России на Дальнем Востоке неизбежно будет подвергаться воздействию групп давления с различными, в том числе противоположными интересами. Владимир Путин ещё в 2009 году заявил, что в Приморье будет построен завод по сжижению газа. В 2010 году в ходе визита Дмитрия Медведева в Сеул было заключено соглашение между компаниями «Газпром» и «КОГАЗ» о ежегодных поставках российского газа в Южную Корею с 2017 года в объёме не менее 10 млрд кубометров, что составит 22% корейского газового импорта [10].

В рамках этих переговоров обсуждался и способ доставки углеводородов. Стороны согласились с тем, что предпочтительным вариантом является строительство трубопровода [11]. Политические риски, сопряжённые со строительством и эксплуатацией газопровода через территорию КНДР, крайне велики. Поэтому было бы логично ожидать, что вышеупомянутый завод обеспечит поставки в Корею. Однако Япония после аварии на АЭС «Фукусима» стала активно искать новые источники энергоснабжения, достигла предварительной договорённости с «Газпромом» о строительстве в Приморском крае завода, ориентированного на поставки газа в Японию, и уже к началу 2012 года представила его проект на согласование российской стороне [8].

В заключение отметим, что Республика Корея в сложившейся внешнеполитической ситуации является для России наиболее перспективным партнёром по экономическому сотрудничеству на Дальнем Востоке. Территориальные претензии Японии к соседним странам, а также политическое и экономическое возвышение Китая, покровительствующего Северной Корее, подталкивают Россию и Южную Корею к сближению. При этом российскому правительству и государственным компаниям следует учитывать динамичное развитие международных отношений в СВА, которое накладывает на данное сотрудничество определённые ограничения и требует чёткого представления о возможных переменах в политической ситуации.

Литература

1. Звезда – ДСМЕ // Дальневосточный центр судостроения и судоремонта. Владивосток, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://dcss.ru/projects/zvezda-dsme.html> [Дата обращения: 20.01.2012].

2. Зубов А. ДФО – КНР: Рядом с гигантом / А. Зубов // Дальневосточный капитал. Владивосток, 2011. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zrpress.ru/dk/2011/6/44113/> [Дата обращения: 20.01.2012].

3. Интервью Посла по особым поручениям А.А. Тимонина газете «Коммерсантъ» // Министерство иностранных дел РФ. М., 2011. – 30 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/c32577ca00174586442579590022c7ab!OpenDocument> [Дата обращения: 20.01.2012].

4. Клименко О. Sollers пересел с Fiat на Ford / О. Клименко // Золотой Рог. Владивосток, 2011. №13. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zrpress.ru/zr/2011/13/41279/> [Дата обращения: 20.01.2012].

5. КНДР. Связи с Россией и СНГ // Полпред. М., 2011. 27 мая. [Электронный ресурс]. URL: http://www.polpred.com/?ns=1&ns_id=332160 [Дата обращения: 20.01.2012].

6. Нурмухаметов Ю. Пустить корейца в Охотское море / Ю. Нурмухаметов // Золотой Рог. Владивосток, 2010. №95. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zrpress.ru/zr/2010/95/39970/> [Дата обращения: 20.01.2012].

7. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат. сб. / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2011. 87 с.

8. Россия и Япония планируют построить завод СПГ во Владивостоке // Forbes.Ru. М., 2012. 8 января. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/news/78214-rossiya-i-yaponiya-planiruyut-postroit-zavod-spg-vo-vladivostoke> [Дата обращения: 20.01.2012].

9. РФ и Корея могут провести трубопровод для поставки допобъемов газа // РИА Новости. М., 2010. 10 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/economy/20101110/294527131.html> [Дата обращения: 20.01.2012].

10. РФ с 2017 года будет поставлять в Южную Корею 10 млрд кубов газа в год // РИА Новости. М., 2011. 10 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/economy/20101110/294527474.html> [Дата обращения: 20.01.2012].

11. Совкомфлот и ОСК подписали соглашение о строительстве серии судов типоразмеров Афрамекс и LR2 // Совкомфлот. М., 2010. 28 октября. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sovcomflot.ru/npage.aspx?ln=RU&did=74801&cid=113> [Дата обращения: 20.01.2012].

12. Совместное Заявление Российской Федерации и Республики Корея 29 сентября 2008 года // Президент России. М., 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/237 [Дата обращения: 20.01.2012].

13. «Hyundai Heavy Industries» начинает строительство завода по производству КРУЭ во Владивостоке // АЭИ «Прайм»: Пресс-релизы. М., 2011. 16 июня. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prime-tass.ru/news/pressreleases/> [Дата обращения: 20.01.2012].

14. «Hyundai» начала строительство завода по производству электрооборудования в Приморье // ГТРК «Владивосток» – Вести: Приморье. Владивосток, 2011. 16 июня. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ptr-vlad.ru/news/economics/47707-hyundai-nachala-stroitelstvo-zavoda-po-proizvodstvu-elektrooborudovaniya-v-primore.html> [Дата обращения: 20.01.2012].

15. Oil&Gas security. Emergency response of IEA countries: Republic of Korea, 2011 // International Energy Agency. Paris, 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iea.org/papers/security/korea_2011.pdf [Дата обращения: 20.01.2012].

16. Shin, Beom-Shik. The Development of Russian Far East: Its Strategic Meaning for Northeast Asian and Asia-Pacific Regional Cooperation / Beom-Shik Shin // Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество: Корея и Россия – национальные интересы, роли, перспективы / Отв. ред. А.А. Бреславец. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2010. С.12-14.

17. Wilson D. The N-11: More Than an Acronym / D. Wilson, A. Stupnytska // Global Economics Paper. Issue 153 / Goldman Sachs. New York, 2007. March 28. 23 p.

УДК 327

*Эсаулова Д.Е.
Esaulova D.E.*

Сеул-Токио: попытки преодоления прошлого (2000 – 2011 гг.)

Seoul-Tokyo: attempts to overcome history (2000 – 2011)

Япония и Республика Корея являются одними из ключевых акторов политики в АТР. От их двусторонних отношений во многом зависит политическая ситуация и безопасность в АТР в целом. Кроме того, они являются стратегическими партнёрами США в регионе. На процесс складывания отношений Сеула и Токио оказывают влияние события периода аннексии Кореи Японией, рассмотрению которых и посвящена данная статья.

Ключевые слова: *корейско-японские отношения, аннексия, дзайнити, Докдо, Такэсима, территориальный спор*

Japan and Republic of Korea are key actors of international relations in Asia. Their bilateral relations influence regional politics and security. Moreover, the two states are the USA's strategic partners in the Asia Pacific region. The bilateral relations formation process was affected by historical events that took place in the annexation and colonization period. These events are under consideration in this article.

Key words: *Japan-Korea relations, annexation, Dokdo, Takeshima, zainichi, territorial dispute*

Проблема «прошлого» является актуальной для международных отношений в Восточной Азии. Суть её заключается в особенностях политической культуры стран региона и специфике национального историцирования.

Применительно к японо-корейским отношениям отправной точкой в возникновении этой проблемы является период колониализма (1910 – 1945 гг.). 35-летний период колонизации, называемый в Корее «потерянными годами», оказал существенное влияние на взаимовосприятие двух народов и формирование «политики памяти» в Корее. Подобного же рода проблемы значимы для целого ряда государств Восточной Азии, пострадавших от агрессивной внешней политики Японии во время Второй мировой войны. Таким образом, в настоящее время одним из факторов развития двусторонних отношений Японии и Кореи является «историческая память». Требования корейцев принести официальные извинения за период колонизации предъявляются каждому новоизбранному премьер-министру Японии.

ЭСАУЛОВА Дарья Евгеньевна, аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск). **E-mail:** daria.esaulova@gmail.com

Причины «политики памяти» (или «исторической политики») кроются в особенностях национально-культурного сознания, менталитета народов и находят своё отражение в политической культуре. Говоря о корейцах, стоит принять во внимание два фактора: конфуцианское основание корейской культуры и корейский национализм. Первое здесь важно в том аспекте, что почитание предков, почтительное отношение к прошлому являются ключевыми положениями конфуцианства.

«Политика памяти» не теряет своей актуальности и в настоящее время. В ходе японо-корейского саммита, проходившего 18 декабря 2011 г., премьер-министром Японии Ёсихико Нода и президентом Республики Корея Ли Мёнбак обсуждались такие проблемы, как итоги работы группы по совместному исследованию истории, экономическому взаимодействию, культурным обменам и ситуация на Корейском полуострове [17].

Кроме того, по итогам предыдущих переговоров, японское правительство одобрило передачу корейских архивных материалов, которые в настоящее время хранятся в Японии, в Корею с тем условием, что японским гражданам и японцам, постоянно проживающим на территории РК, будет предоставлен полный доступ к этим материалам. Премьер-министр Ё. Нода указал на то, что этот акт является символом японо-корейской дружбы и выразил надежду, что это поспособствует дальнейшему расширению сотрудничества и обменов в сфере культуры. Подобные действия со стороны Японии можно расценить как ещё один шаг в сторону преодоления проблем прошлого.

Что касается современного состояния японо-корейских отношений, то такие проблемы, проистекающие из событий колониального периода, как выплата компенсаций «женщинам для утешения», правовой статус дзайнити (корейцев, постоянно проживающих в Японии), интерпретация событий прошлого в школьных учебниках по истории и посещение японскими официальными лицами храма Ясукуни по-прежнему оказывают влияние на развитие политического диалога. Особое место среди них занимает территориальный спор вокруг островов Докдо (Такэсима). В ходе саммита лидерами двух стран констатировалась актуальность этих вопросов в настоящее время и подчёркивалась необходимость их скорейшего разрешения.

Ввиду важности проблем исторического прошлого для развития двусторонних отношений целесообразно рассмотреть генезис и эволюцию каждой из них, а также выявить элементы «исторической политики».

Одним из наиболее болезненных для японо-корейских отношений является вопрос о выплате компенсаций «женщинам для утешения». Эти женщины (ианфу – япон., вианбу – кор.) нанимались японскими офицерами и представителями деловых кругов для привлечения к оказанию услуг интимного характера солдатам японской армии. Были обнародованы материалы, доказывающую причастность высшего офицерства армии Японской империи к данной деятельности, что вызвало волну скандалов не только в странах, пострадавших от действий Японии в годы Второй мировой войны, но и в самом японском обществе [24].

В июле 1992 г. правительство премьер-министра Миядзава опубликовало доклад, в котором признавалось систематическое привлечение корейцев к подобной деятельности, и подчёркивалось, что нет доказательств того, что оно носило насильственный характер. Миядзава заявил о готовности принять некоторые меры, помимо извинений, чтобы уладить сложившуюся ситуацию. Тем не менее, это не привело к ослаблению антияпонских настроений в корейском обществе, они продолжали усиливаться [18].

С целью разрешения этой щепетильной проблемы в Японии были учреждены Фонд женщин Азии (в 1995 г.) [12], а также 3 совместных японско-корейских научных рабочих группы, в чью компетенцию входит подробное изучение истории двусторонних отношений колониального периода (итоги деятельности Второго комитета были подведены в октябре 2011 г., а в декабре 2011 г. на японо-корейском саммите было решено учредить Третий проект совместных исследований по истории [17]).

Что касается храма Ясукуни, то его посещение японскими премьер-министрами вызывает бурную негативную реакцию за рубежом [23, с. 198]. Это связано с тем, что храм считается символом японского милитаризма, поскольку там захоронен прах воинов, убитых в боях во имя императора, считавшегося в Японии «живым богом». После поражения Японии во Второй мировой войне перед Верховной ставкой союзных держав стал вопрос о «государственном синтоизме», об отделении религии от государства. Решение этого вопроса было закреплено в статье 20 Конституции Японии 1947 г. [8]. Статус Ясукуни был понижен до обычного религиозного учреждения. Поэтому посещение премьер-министрами или императором этого храма воспринимается японской интеллигенцией как нарушение одного из демократических принципов – отделения религии от государства. Для народов же США оно означает отказ принять ответственность за развязывание войны, служит символом японского милитаризма и колониализма. Особое недовольство за рубежом вызывал тот факт, что в этом храме с 17 октября 1978 г. почитается память и 14 военных преступников класса «А», совершивших преступления против мира [16, с. 207].

Первым премьер-министром, посетившим храм Ясукуни с целью поклонения погибшим воинам, стал Мики Такео (1974 г.), что вызвало волну протестов в Корее. Т. Мики, в свою очередь, заявил, что он делал это не в качестве премьер-министра, а как частное лицо [16, с. 278]. Его примеру 15 августа 1980 г. последовал и Я. Накасонэ, аргументировав свой поступок тем, что тем самым он отдаёт дань погибшим за родину [23, с. 199-200]. Неоднократно наносил визиты в храм премьер-министр Д. Коидзуми, что приводило к открытым конфликтам с Сеулом, особенно в 2005 г. [16, с. 208].

Для Кореи этот вопрос имеет особую важность, поскольку неразрывно связан с «политикой памяти». Тот факт, что в синтоистском храме-символе милитаризма похоронены корейцы (более 20 тысяч человек) [23, с. 211], оскорбляет корейское общество и задевает национальную гордость. В период колониального господства генерал-губернатор Японии в Корее насильно принуждал корейцев посещать синтоистские храмы, которые были построены по всей стране, и выражать тем самым лояльность японскому императору. Неповиновение жестоко каралось. Известно несколько случаев, когда семьи корейцев, чей прах захоронен в храме Ясукуни, требовали их перезахоронения в Корее и вычёркивания из списков храма, подавали иски в суды Токио и Осака, но эти иски не были удовлетворены [23, с. 212].

Наиболее явно «историческая политика» проявляется в сфере образования. И для Японии, и для Кореи период с конца XIX века до окончания Второй мировой войны является особым в плане его влияния на национальный менталитет, самовосприятие. Для корейцев период колониализма – это «35 потерянных лет», один из тяжелейших периодов корейской истории. В это время родные язык, история, культура были под запретом, вместо них насильно насаждалось «всё японское», вплоть до обращения всех корейцев в сугубо японскую религию – синтоизм. Что касается японцев и японского национального сознания, то поражение Японии во Второй мировой войне, признание императора о том, что он

не является «живым богом», привели к разрушению национальной идеи, поискам новых концепций, что заслуживает отдельного рассмотрения. В Японии существует тенденция к позиционированию себя не как страны, развязавшей войну на Тихом океане, а только как жертвы атомных бомбардировок.

Таким образом, этот период истории в Корее и в Японии вызывает противоположные интерпретации и осуждается в школьных учебниках с целью формирования соответствующего национального сознания. Этот тезис подтверждается результатами опроса, проведённого среди японских и корейских школьников второго года старшей школы и студентов ВУЗов [3]. По результатам этого исследования устроители опроса сделали вывод, что японская молодёжь, в отличие от корейской, больше интересуется современной корейской массовой культурой, в то время как политические аспекты отношений двух стран её интересуют мало.

Что касается южнокорейских школьников, то большинство из них негативно относятся к Японии. 61% корейских школьников оценивают нынешнее состояние корейско-японских отношений как плохое, а 22% – как очень плохое. В качестве главных причин, осложняющих двусторонние отношения, ими были упомянуты необъективная интерпретация исторических событий Японией и антияпонские настроения в Корее. На вопрос «С чем у вас с первую очередь ассоциируется Япония?», 62% упомянули политико-исторические аспекты, и 28% – массовую культуру. Опрос наглядно показывает, каким аспектам истории страны уделяется основное внимание в процессе разработки школьных программ.

Конфликт вокруг изданных в Японии и одобренных японским Министерством образования школьных учебников по истории, произошедший между президентом Республики Корея Но Мухёном и премьер-министром Японии Д. Коидзуми, повлиял и на сознание рядовых граждан двух стран [13, с. 229]. Причиной разногласий является содержание параграфов, посвящённых колонизации Кореи и Второй мировой войне, в которых действия Японии тракуются как законные. Аналогичные заявления ранее были сделаны министром образования Фудзиро Масаюки, который оправдывал действия Японии в 1910 – 1945 гг. [2, с. 35].

Другая немаловажная проблема двусторонних отношений – юридический статус дзайнити. В настоящее время их насчитывается более 700 000 человек. В основном это потомки корейцев, которые были насильно переселены из Кореи в Японию в колониальный период. В 1980-х – 1990-х гг. они подвергались социальной и правовой дискриминации: были обязаны всегда иметь при себе паспорт (ID card) и каждые 5 лет проходить процедуру проверки отпечатков пальцев. Последнее вызывало недовольства Сеула. Сначала Япония согласилась отменить это требование только в отношении корейцев в третьем поколении, но позже корейскому правительству удалось добиться отмены такой процедуры и для всех остальных [18, с. 135]. Обострилась и другая проблема, связанная с дзайнити – выплата Японией компенсаций корейцам, пострадавшим при ядерной бомбардировке Хиросима и Нагасаки (20 тыс. человек) и тем, кто был насильно отправлен на о. Сахалин после поражения Японии во Второй мировой войне (около 43 тыс. человек) [9, с. 130].

В 2009 г. на двусторонней встрече глав государств президент РК Ли Мёнбак обратился к премьер-министру Японии Таро Асо с просьбой предоставить избирательные права корейцам, постоянно проживающим в Японии [21]. Однако этот вопрос по-прежнему остаётся нерешённым.

Актуальными для японо-корейских отношений являются и две проблемы территориального характера. Одной из них выступает вопрос о названии Японского [6] (с точки зрения Японии) или Восточного [14] (соответственно, Корея) моря.

Так как выход к данному морю имеют не только Корея и Япония, но ещё и Россия, то в такой ситуации решение о названии, согласно Технической Резолюции А.4.2.6. Международной гидрографической организации и Резолюции ООН по стандартизации географических названий III/20 [14], должно быть согласовано в ходе консультаций этих стран или должны использоваться названия, принятые в каждой из этих стран, одновременно. Попытки Кореи проводить такие консультации с Японией были безрезультатны. Поэтому, следуя международным картографическим принципам, Корея выступает за использование одновременно двух наименований. Корейскую позицию по закреплению обоих названий стало поддерживать всё большее количество стран, в результате чего, на картах, изданных в Европе и США после 2000 г. стали употребляться оба названия.

Второй проблемой служит территориальный спор между Японией и Республикой Корея по поводу принадлежности островов Докдо/Такэсима. Этот спор является одной из острых тем региональной безопасности в Северо-Восточной Азии и фактором, оказывающим наиболее существенное влияние на состояние двусторонних отношений Сеула и Токио.

Данный географический объект имеет несколько названий – Докдо (Одинокий остров) в Республике Корея, Такэсима (Бамбуковый остров) в Японии, в США и странах Западной Европы в период подготовки Сан-Францисской конференции – Скалы Лянкур (Лианкур). Российские моряки называли их «Менелай» и «Оливуца» (в честь названий русских корветов), отмечая принадлежность их Корею.

С точки зрения международного права важно, что Докдо/Такэсима является именно архипелагом, а не одинокой скалой в море или рифом, так как архипелаг, в отличие от скалы, не может являться ничейной территорией [7, с. 42]. Территориально Докдо/Такэсима в 2 раза ближе к территории Кореи (о. Уллын), чем к Японии (о. Оки).

Как Япония, так и РК приводят в доказательство своей правоты «10 фактов, доказывающих принадлежность Такэсима/Докдо Японии [10] /Республике Корея [5]» соответственно.

Можно сказать, что корни территориальных претензий Японии к Корею также восходят к периоду колониализма. На собрании японского правительственного кабинета, 28 января 1905 г., было принято решение о включении Докдо в состав Японии [16, с. 72]. Докдо/Такэсима в одностороннем порядке был провозглашён японской территорией. 22 февраля 1905 года правитель префектуры Симанэ в Извещении № 40 заявил о том, что Докдо считается частью территории острова Оки. В своих требованиях Япония ссылается на данное Извещение как наиболее важный доказательный документ.

В 1952 г. Ли Сынман в одностороннем порядке объявил о создании «линии Ли Сынмана», проходящей на расстоянии 60 морских миль от корейского побережья и контроле Кореи над морем в пределах этой линии. Япония заявила, что не признаёт претензий на острова. Считается, что именно с этого времени появилась территориальная проблема между Сеулом и Токио [19, с. 32].

Территориальный спор не был урегулирован и Договором об основах отношений, была только достигнута договорённость о мирном решении конфликта дипломатическими методами [1, с. 64]. Однако корейский японоведа профессор Нам Кичжон приводит цитату президента Пак Чжонхи, который сказал, что «Проблема принадлежности Докдо – это не вопрос, который должен обсуждаться в ходе переговоров по нормализации отношений. Она должна быть решена после нормализации дипломатических отношений» [19, с. 33].

И Япония, и Южная Корея подписали Конвенцию по морскому праву 1982 г., согласно которой государства, имеющие выход к морю, имеют право устанавливать исключительную экономическую зону в пределах 200 морских миль от побережья. Оба государства создали свои особые экономические зоны, в которые были включены эти острова. Таким образом, данный территориальный спор имеет и экономический аспект – вокруг островов достаточно много рыбы, кроме того, здесь сосредоточены запасы природного газа.

После объявления 22 февраля «Днём Такэсима» в Японии в 2005 г. в двусторонних отношениях возник кризис. Южнокорейские власти резко отреагировали на претензии Японии в отношении островов Докдо. Президент РК Но Мухён заявил о решимости его правительства предпринять «любые необходимые меры, невзирая ни на какие расходы и жертвы», чтобы отстоять территориальную целостность страны. Правительство РК приняло специальный план хозяйственного освоения островов Докдо (до 2010 г.), выделив на эти цели из бюджета более 35 млн. долларов [4, с. 212]. Эти средства предусматривалось расходовать на исследования экологической системы островов и прилегающих к ним морских территорий, разведку полезных ископаемых, реконструкцию построенных там сооружений (военный пост и соответствующая инфраструктура). В правительственном заявлении подчёркивалось, что Докдо является «драгоценным национальным достоянием».

Нерешённость вопроса о принадлежности этих островов порождает и другую не менее серьёзную проблему – проблему границы особой экономической зоны.

В июле 2008 г., спустя 3 месяца после объявления курса на «зрелое партнёрство» разгорелся новый дипломатический скандал, причиной которого вновь стали острова. В Токио было издано методическое пособие для учителей, в котором говорилось, что Такэсима – исконно японские острова. Реакция Сеула была незамедлительной [22]. Посол РК в Токио был отозван на родину для консультаций. Действия Японии были осуждены всеми политическими силами РК. Премьер-министр РК Хан Сынсу посетил острова в связи с очередной годовщиной сооружения на этой территории монумента, символизирующего корейский суверенитет. ВМС РК провели учения «защита Докдо» с целью отражения вторжения противника в территориальные воды [4, с. 216-217].

Один из наиболее важных аргументов в пользу того, что эти острова должны принадлежать Корее заключается в том, что в настоящее время *de facto* они находятся под юрисдикцией РК [4, с. 217]. С 1990-х гг. РК активно занимается хозяйственным освоением островов: был сооружён завод по опреснению воды, чтобы обеспечить население питьевой водой; построены объекты инфраструктуры, маяк, упрощён доступ к острову. С 1956 г. на Докдо размещается постоянный сторожевой пост морской полиции РК, маяк, вышка связи, дизельная станция, общежитие для полицейских и других служащих, жилое помещение для рыбаков. Кроме того, рыбаки, ведущие промысел в районе островов, прописаны на Докдо. Корейцы пытались восстановить флору и фауну островов, так как после захвата Японией островов в 1905 г. японцы полностью истребили морских львов, обитавших здесь [26, с. 15].

Вслед за префектурой Симанэ, в Южной Корее также был введён «День Докдо», который отмечается 25 октября в день провозглашения императором Коджоном суверенитета Кореи над Докдо [15].

Ещё один довод в пользу РК приводят корейские учёные. Профессор Пак Пэкын, проанализировав работы японских юристов-международников, обнаружил, что в период за последнее десятилетие ими было опубликовано не более 4 работ, касающихся проблемы Докдо/

Такэсима [20, с. 21]. В качестве причин этого он называет, во-первых, то, что большее внимание Япония уделяет аналогичным спорам с РФ и КНР, а во-вторых, осознавая то, что у Японии практически нет оснований на обладание этими территориями, авторы уклоняются писать научные статьи, опираясь на необъективные факты и доводы. Те из них, кто уверен в правоте Японии, ссылаются на 2 статьи Сан-Францисского договора. Один из японских юристов-международников, профессор Сэ-рита, предложил признать Докдо корейской территорией и объявить его и прилегающее морское пространство природным заповедником, где могли бы проводить научные исследования специалисты со всего мира.

По мнению корейского политолога Чжин Чансу, если Япония продолжит реализацию существующего внешнеполитического курса в отношении Южной Кореи и не изменит стратегию поведения в территориальных спорах с соседями, то это существенно затруднит развитие политического диалога [25, с. 20].

Существует мнение, что японское правительство усилило нажим на Сеул по причине того, что оно потерпело поражение в аналогичном споре с КНР [11].

Таким образом, можно сделать вывод, что «историческая память» является ключевым фактором, оказывающим влияние на развитие двусторонних отношений Японии и Южной Кореи. Оба государства осознают важность преодоления проблем прошлого, и этот вопрос поднимался на регулярных двусторонних саммитах. Однако решить его так и не удалось в силу особенностей политической культуры каждого из государств и противоположных подходов к интерпретации исторических событий. Следовательно, есть основания предполагать, что разрешение этих проблем займёт длительное время.

Основным препятствием в двусторонних отношениях является территориальная проблема, решения которой в ближайшем будущем вряд ли можно ожидать. Решение территориальной проблемы в пользу Кореи станет прецедентом и несомненно приведёт к эскалации аналогичных конфликтов с РФ и КНР.

Литература

1. Арешидзе Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии: угрозы и надежды. М.: Международные отношения, 2007. 296 с.
2. Вербичкий С.И. Япония в поисках новой роли в мировой политике. М., 1992. 271 с.
3. Гуенков В. Отношения Сеула и Токио глазами корейских и японских школьников // Сеульский вестник. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.kr/world/540.html> [Дата обращения: 18.01.2012].
4. Денисов В.И. Япония и две Кореи. Проблемы и перспективы отношений // Япония в Восточной Азии: внутреннее и внешнее измерения. Сб. Статей / Институт международных исследований. М.: МГИМО – Университет, 2009.
5. Докдо: Территория Кореи. Принципиальная позиция правительства Республики Корея по поводу острова Докдо // Министерство иностранных дел и торговли Республики Корея. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofat.go.kr/mofat/popup/2008_dokdo/lang/rus.pdf [Дата обращения: 18.01.2012].

6. Единственное название, привычное для международного сообщества – Японское море // Министерство иностранных дел Японии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/maritime/japan/pamph0903-r.pdf> [Дата обращения: 18.01.2012].

7. Золотов Е.У. К вопросу о ситуации вокруг острова Докдо // Проблемы Дальнего Востока. 2006. №5. С.42.

8. Конституция Японии 1947г. // "The World and Japan" [Электронный документ]. URL: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/docs/19461103.01E.html> [Дата обращения: 18.01.2012].

9. Мацуда Тосихико. Всё о проблемах корейского национального меньшинства в Японии. Сеул: Самин, 2003. (на яп.яз.).

10. Такэсима: 10 пунктов для понимания проблемы о-вов Такэсима // Министерство иностранных дел Японии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/takeshima/pamphlet_r.pdf [Дата обращения: 18.01.2012].

11. Терехов В. Ф. Япония: внутренние и внешние проблемы правительства Наото Кана // Российский институт стратегических исследований [Электронный ресурс]. URL: http://www.riss.ru/aktualnye_kommentarii/?commentsId=110/ [Дата обращения: 18.01.2012].

12. Asian Women Fund. URL: <http://www.awf.or.jp/> [Дата обращения: 18.01.2012].

13. Chung Jae-jeong. Historical Conflicts between Korea and Japan: with the Focus on the current issue concerning Japanese Historical textbooks // The historical perceptions of Korea and Japan. Pajubook city.: Nanam publishing house, 2008. 465 с.

14. East Sea // Министерство иностранных дел и торговли Республики Корея – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofat.go.kr/english/political/hotissues/eastsea/index.jsp> [Дата обращения: 18.01.2012].

15. Groups declare Dokdo Day. // The Korea Herald [Электронный ресурс]. URL: <http://www.koreaherald.com/national/Detail.jsp?newsMLId=20101025000789> [Дата обращения: 18.01.2012].

16. Hyun Daesong. The historical perceptions of Korea and Japan. Pajubook city.: Nanam publishing house, 2008. 465 с.

17. Japan-Republic of Korea Summit Meeting (Summary)// Ministry of Foreign Affairs of Japan [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/korea/summit_1112.html [Дата обращения: 18.01.2012].

18. Kim Hongnack. Japan's policy towards the Two Koreas in the Post-Cold War Era. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ewri.org/pdf/1997/chapter6.pdf>. [Дата обращения: 18.01.2012].

19. Nam Kijeong. The origin of Dokdo issue: having another look at the San Francisco Peace Treaty // Dokdo Research Journal. Autumn 2010. Volume 11. С. 32-33.

20. Park Paekeun. Studies on Dokdo problem by Japanese international law scholars // Dokdo Research Journal. 2010. Autumn, vol.11.

21. ROK-Japan Summit talks. (01.07.2009) [Электронный документ]. URL: http://www.mofat.go.kr/english/press/MinistryNews/20090701/1_8732.jsp [Дата обращения: 18.01.2012].

22. Spokesperson's Briefing on the Issue of Japan's Handbook on the New Guidelines for Middle School Social Studies // Министерство иностранных дел и торговли Республики Корея. [Электронный документ]. URL: <http://www.mofat.go.kr/english/help/search/index.jsp> [Дата обращения: 18.01.2012].

23. Takahashi Tetsuya. Yasukuni Shrine: a controversial historical issue involving Japan and Korea // The historical perceptions of Korea and Japan. Korea, Pajubook city.: Nanam publishing house, 2008. 465 с.

24. 秦郁彦. 軍ファシズム運動史. (Хата Икухико. История военного фашизма.) Токио, 1980. 369 с. [Электронный документ] URL: <http://www32.ocn.ne.jp/~modernh/paper44.htm> [Дата обращения: 18.01.2012].

25. 진창수.간 나오토 정권의 딜레마와 외교정책 (Чжин Чхангсу. Проблемы и внешнеполитический курс правительства Кан Наото) // Dokdo research journal. Winter 2010. vol. 12. С. 16-20.

26. 최봉태. 하토야마 정권 출범 이후 독도문제를 어떻게 풀 것인가 (Чой Понгдэю. Как изменится проблема Докдо после прихода к власти кабинета Хатояма?) // Dokdo Research Journal. 2008. Winter, vol.8. С. 15-18.

Научно-методический семинар «Инфраструктурные проекты на Корейском полуострове: современное состояние и перспективы»

23 ноября 2011 г. в гг. Владивостоке и Находке состоялся очередной ежегодный научно-методический семинар, организаторами которого являются Находкинский филиал ВГУЭС и журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Тема этого, второго по счёту, семинара была сформулирована как «Инфраструктурные проекты на Корейском полуострове: современное состояние и перспективы». Организаторы семинара ставили перед собой цель ознакомления научно-образовательного, политико-административного и делового сообщества Приморского края с современными тенденциями развития международного сотрудничества в сфере совершенствования инфраструктуры на Корейском полуострове.

Участие в научном мероприятии (состоявшемся вопреки резко ухудшившейся в этот день в обоих городах погоде) приняли преподаватели и студенты ВГУЭС, ДВФУ и филиала ВГУЭС в г. Находка, а также представители консульств Южной Кореи и Китая в г. Владивостоке. Ведущими семинара, проводившегося как и ранее в режиме видеоконференции, были к.полит.н., доцент ВГУЭС В.А. Бурлаков (в г. Владивостоке) и зам. директора Находкинского филиала ВГУЭС, к.соц.н., доцент А.В. Винокурова (в г. Находка).

В настоящей рубрике мы публикуем тексты некоторых докладов, которые были включены в программу семинара. Текст доклада профессора С.В. Севастьянова публикуется в расширенном варианте.

*Со Чон Хо
So Chon Ho*

Транспортная инфраструктура Республики Корея как основа международного сотрудничества

**Transport Infrastructure of the Republic of Korea
as a basis for international cooperation**

Когда мы говорим об инфраструктуре, то имеем в виду железные и автомобильные дороги, портовые сооружения, линии электропередачи и другие объекты. В своём докладе я ограничусь рассмотрением объектов транспортной инфраструктуры Кореи. В начале, хотелось бы сделать небольшой экскурс в историю, и рассказать о том, что представляла собой Корея в начале 60-х гг. XX в. и как развивалась инфраструктура страны в связи с переориентацией корейской экономики на экспорт. В 1963 г. показатель ВВП страны на душу населения составлял 87 долларов США. Природных ресурсов на территории южной части Корейского полуострова, в отличие от России, практически не было. Корейская экономика в начале 60-х гг. пребывала в крайне удручающем состоянии. Поэтому нам пришлось принять экспортноориентированную модель нашего дальнейшего развития, которая заключалась в покупке на внешнем рынке сырья, переработке его в готовую продукцию и вывозе её в третьи страны. Такая направленность экономики требовала создания соответствующей транспортно-логистической инфраструктуры и её развития. Корею ничего не оставалось, как развивать свои автомобильные и железные дороги, морские и воздушные порты.

99,7% всех товаров, производимых в Республике Корея (РК), вывозится через морские порты. Через них в страну поступает и сырьё. Все основные экспортные и импортные потоки проходят через порт Пусан. Соответственно главная автомобильная дорога страны соединяет Сеул и Пусан. Кроме того, эти два города связывает железная дорога. В 70-е гг. вопрос о необходимости строительства скоростной автострады между Сеулом и Пусаном вызывал острые дискуссии. В обществе в тот период было распространено негативное отношение к строительству данной дороги. Оппоненты проекта утверждали, что в стране нет такого количества грузов, для перевозки которого могла бы понадобиться столь дорогостоящая трасса. Тем не менее, тогдашний президент РК Пак Чжонхи принял решение о начале строительства этой дороги, на которое были выделены значительные средства. Общество ощутило эффект от строительства трассы только через 30 – 40 лет.

Поскольку корейская экономика, как я уже сказал, является экспортноориентированной, важное значение для неё имеет доля транспортной составляющей в общей себестоимости товара. Недостаточная развитость инфраструктуры ведёт к повышению стоимости транспортировки товара из района его производства в порт вывоза, что, в конечном

Со Чон Хо, консул по экономическим вопросам Генерального консульства Республики Корея в г. Владивостоке

Перевод с корейского: Чепусов С.Б.

счёте, сказывается на экспортной цене. Именно поэтому правительство РК не могло не уделять большого внимания развитию инфраструктуры.

Следующая часть моего доклада будет посвящена автомобильным и иным сухопутным дорогам, а также общественному транспорту. Приведу некоторые цифры, которые характеризуют эту часть инфраструктуры. Общая протяжённость дорог в РК составляет порядка 104 тыс. км. Несмотря на то, что центральное правительство и местные власти постоянно ведут строительство новых дорог, тем не менее, количество автомобилей, которые ездят по этим дорогам, растёт быстрее: так, в 90-е гг. оно составляло 3 млн. 600 тыс., а к 2009 г. достигло 17 млн. Если в 90-е гг. на 1 автомобиль приходилось 16,7 м. дорожного полотна, то в 2009 г. только немногим более 6 м. Это говорит о том, что, несмотря на большие вложения, строительство автодорог отстаёт от развития парка автотранспорта.

Если говорить о скоростных дорогах, то в настоящее время в Корее существует 32 таких дороги и их общая протяжённость составляет 3860 км. Также в стране есть дороги государственного значения, их насчитывается 51, а их протяжённость составляет 13 812 км.

Ранее политика правительства РК в области развития дорог была направлена исключительно на их строительство, создание новых дорог и расширение уже существующих. Безопасности и эффективности использования дорог, вопросам охраны окружающей среды уделялось мало внимания. Это сказывалось на конечных пользователях дорожной сети, водителях различных транспортных средств. Недавно была принята долгосрочная программа, предусматривающая, помимо строительства и содержания дорог, меры по повышению эффективности их использования. Она рассчитана на 2011 – 2020 гг. До 2020 г. РК должна будет дополнительно построить на своей территории более 6 тыс. км. дорожной сети.

Для реализации этой программы предполагается применение различных форм частно-государственного партнёрства. Если бы у правительства было достаточно средств для самостоятельного осуществления данной программы, это, конечно, облегчило бы её выполнение. Однако ресурсы государственного бюджета обычно не позволяют вести столь масштабное дорожное строительство, поэтому государство привлекает частные инвестиции. Ввиду подобной практики в Корее существует достаточно много дорог, построенных на средства частных инвесторов. Конечно, такие дороги являются платными: проезд по ним оплачивается владельцами автомобилей. Деньги, получаемые за пользование платными дорогами, направляются на их дальнейшее благоустройство и улучшение экологической обстановки. Кроме того, за счёт этих средств увеличивается количество дорожек для велосипедистов и внедряется новое асфальтовое покрытие, которое выделяет меньше углекислого газа.

Корея намеревается занять ведущее место в мире в сфере развития систем интеллектуального управления транспортом. Примером использования интеллектуального управления транспортом являются остановки в Сеуле, на которых установлены экраны, позволяющие следить за движением автобуса по городу. Эта информация также может быть получена каждым пассажиром на свой смартфон.

Государство продолжает развивать сеульский метрополитен, для того чтобы снизить нагрузку на общественный транспорт и городскую среду в целом. В настоящее время строительство метро происходит в таких центрах как Сеул, Пусан, Тегу, Инчхон и других, т.е. всего в 18 городах страны.

Говоря о городском транспорте Республики Корея, следует разде-

лить его на две части. В крупных городах Кореи есть специально выделенные полосы исключительно для движения общественного транспорта, прежде всего автобусов. Благодаря появлению таких специальных полос удалось повысить среднюю скорость движения с 16,6 до 21,6 км./ч. Чем быстрее движется общественный транспорт, тем меньше потребность горожан в пользовании своими личными автомобилями. Таким образом, выделение полосы проезжей части для общественного транспорта позволяет снизить нагрузку на данную дорогу в целом. Кроме того, в Корее внедрена система карточной оплаты проезда в общественном транспорте. Электронная карта может использоваться для оплаты проезда по железной дороге в пределах города, в метро, в автобусах и даже в такси. Эту систему оплаты можно назвать дружественной по отношению к клиенту.

Следующая часть моего доклада посвящена железным дорогам РК. Крупнейшие города страны соединяет линия скоростной железной дороги, которую называют Корейским экспрессом (КТХ). Эта дорога позволяет переезжать из одного конца страны в другой за 1,5 часа. В настоящее время поезд КТХ развивает скорость до 350 км./ч. При этом сейчас мы испытываем четвёртое поколение таких поездов, которые смогут развивать скорость до 430 км./ч. Кроме того, мы планируем увеличить протяжённость скоростных железных дорог в стране с нынешних 368 км. до 2362 км. в 2020 г.

Скажу также несколько слов об авиации и аэропортах Кореи. Рынок авиаперевозок в РК достаточно динамично развивается. По итогам 2010 г. РК находится на 6-ом месте в мире по объёму авиаперевозок. В Корею действуют 286 авиамаршрутов в 46 стран мира. Внутри Кореи и за рубеж осуществляют 2550 полётов в неделю.

Самым известным корейским аэропортом является международный аэропорт Инчхон. Его развитие прошло несколько этапов. Генеральный план развития этого аэропорта был принят в 1992 г. Инчхонский аэропорт был построен на острове, соединённом с материком мостом. Во время его строительства возникали сомнения в выборе островной территории: многие опасались постоянных туманов, способных затруднить авиационные перевозки. Однако последующая работа аэропорта показала необоснованность подобных опасений. Кроме того, аэропорт расположен на большом удалении от городов и не оказывает негативного влияния на их население. Открытие этого объекта состоялось в 2001 г., его строительство заняло 100 месяцев. Если говорить об качестве Инчхонского аэропорта, то в течение 10 лет с момента сдачи в эксплуатацию, он входил в число лучших аэропортов мира, либо возглавлял этот список. Последние шесть лет этот аэропорт остаётся лучшим в мире по рейтингу «Ридерс Дайджест», основанному на оценках самих пассажиров. Он является вторым в мире по количеству перевозимых коммерческих грузов, и занимает восьмое место по пассажиропотоку.

Я бы хотел обратить внимание аудитории на те особенности, которые делают Инчхон одним из самых лучших аэропортов мира. Одним из важных показателей работы аэропорта является количество времени, необходимое для прохождения всех регистрационных, иммиграционных и иных процедур при прибытии или при посадке. По стандартам Международной ассоциации гражданских авиаперевозчиков, время, затрачиваемое на посадку пассажиров в самолёт, должно составлять 60 мин. В аэропорту Инчхон все пассажиры поднимаются на борт воздушного судна за 18 мин. При въезде в страну, при стандартном времени высадки в 45 мин., в Инчхоне затрачивается 13 мин. На принятие и отправку самолёта в общей сложности действующие стандарты выделяют 120 мин. В Инчхонском аэропорту на это уходит 45 мин. Ещё одной особенно-

стью является использование работающими в аэропорту службами т.н. «умных» технологий. Через специальный терминал, расположенный в здании аэропорта, любой пассажир может зарегистрироваться на рейс.

Заключительная часть доклада будет посвящена развитию морских портов и припортовых территорий. Как я уже сказал, самым крупным портом РК является Пусан. Если рассмотреть перевалку контейнеров в порту Пусан, то в 2010 г. было перевезено 14 млн. 190 тыс. контейнеров. Порт Пусан занимает пятое место в мире, после Шанхая, Сингапура, Гонконга и Шеньжэня. Особенностью этого порта является исключительно выгодное географическое положение. Пусан находится на середине пути между Америкой и Европой. Кроме того, он расположен посередине маршрута, соединяющего Японию и Китай. В связи с этим количество контейнеров, переваливаемых через порт Пусан, постоянно увеличивается. Интересным и требующим дальнейшего развития направлением является налаживание отношений между Пусаном и дальневосточными портами, в частности портами Южного Приморья.

Сам порт Пусан состоит из двух частей – старой (северной) и новой территорий. Если раньше контейнерные перевозки осуществлялись в основном через Северный порт Пусана, то сейчас вся масса контейнеров идёт через Новый порт. В настоящее время в Новом порту установлено 18 перевалочных кранов, но их количество постоянно увеличивается. К 2020 г. мы планируем дополнительно построить в этом порту ещё 35 причалов. Кроме того, за счёт дноуглубительных работ глубина возле причальной стенки будет увеличена до 17 метров, после чего к ней смогут подходить любые крупногабаритные суда.

В соответствии с происходящими изменениями в политике морских грузоперевозок, суда не останавливаются сейчас в каждом коммерческом порту, но делают остановки только в основных портах. Крупный контейнеровоз выгружает часть своего груза в большом порту (хабе), после чего контейнеры развозятся судами меньшего размера в соседние порты. Таким образом, хабы постоянно растут и повышают свою конкурентоспособность. Приведу несколько цифр, касающихся развития порта Пусан. Общая стоимость этого проекта составляет 9,8 млрд. долл. США. Мы рассчитываем увеличить количество контейнеров, переваливаемых этим портом в год, до 15 млн. Кроме того, в дальнейшем мы планируем расширить территорию порта.

Остановлюсь также на существующих в порту Пусан логистических парках. Площадь этих логистических парков достигает в общей сложности 6,7 млн. кв.м. На территории данных парков осуществляют свою деятельность 30 логистических компаний. Так как все эти парки объединены зоной свободной торговли, их резиденты освобождены от налогов и имеет некоторые другие преференции. На территории логистических парков оказываются такие услуги как сборка и сортировка, упаковка, хранение товаров, а также их выгрузка и погрузка. Что касается прилегающих к ним территорий, которые мы также развиваем, то они сдаются в аренду на 50 лет и стоимость аренды одного кв. м. для логистических компаний составляет от 4 до 15 центов в месяц. Эта стратегия позволяет нам привлекать иностранных инвесторов для дальнейшего развития данных территорий.

Таким образом, вкратце я рассказал о том, как создавалась и что представляет собой сегодня инфраструктура РК, а также как мы привлекаем инвестиции для её развития. Конечно, как было сказано, инфраструктура Кореи включает и много других составляющих, но поскольку время не позволяет мне охватить их все, я воспользуюсь возможностью рассказать об остальных её элементах в следующий раз. Спасибо.

*Севастьянов С.В.
Sevastyanov S.V.*

Роль новых российских инфраструктурных проектов в обеспечении энергетической безопасности Северо-Восточной Азии

**The role of the new Russian infrastructure development projects in supporting
Northeast Asia's energy security**

В XXI веке центр мировой экономической и политической активности всё больше смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, где особую значимость имеет Северо-Восточная Азия (СВА), в которой сходятся интересы таких ведущих современных мировых держав, как Китай, Россия, Япония, США и других. При этом страны СВА (в – первую очередь, Китай, Япония, РК) являются крупнейшими мировыми потребителями энергетических ресурсов, без стабильного доступа к которым невозможно дальнейшее опережающее экономическое развитие этого региона.

В этой связи во вступительной части статьи необходимо прояснить два базовых понятия: что представляет собой Северо-Восточная Азия (СВА) как регион, и что подразумевается под региональной энергетической безопасностью.

Автор разделяет классическую российскую академическую позицию, в соответствии с которой в СВА входят: КНР, Япония, РК, КНДР, Монголия и Дальний Восток России. В то же время, в силу различий геополитических интересов и рассматриваемых аспектов межгосударственного взаимодействия, границы Северо-Восточной Азии, как и многих других регионов, подвижны. Так, обсуждая энергетическую проблематику, эксперты обычно расширяют российскую компоненту за счёт подключения Восточной Сибири (то есть речь, по сути, идёт о Тихоокеанской России).

Из стран СВА наиболее значимую роль в энергетике играют четыре: Китай, Россия, Япония и РК. На периферии региональной энергетической проблематике продолжает оставаться Монголия (под давлением Пекина Москва согласилась исключить территорию Монголию при прокладке нефтепроводов и газопроводов из России в Китай) и до недавнего времени находилась КНДР. Однако в отношении последней наметились позитивные изменения, что особенно важно, так как нерешённость проблем безопасности на Корейском полуострове блокирует практическое выполнение много лет обсуждаемых международных проектов прокладки через её территорию газопроводов, высоковольтных энергетических линий и других объектов инфраструктуры, что препятствует реализации РФ своих интересов в СВА [6].

Наконец, в региональном энергетическом уравнении есть и внешние игроки. В этом качестве традиционно выступают США, а с недавнего времени к ним следует добавлять Индию, проявляющую серьёзный интерес к энергетическим ресурсам региона. Теперь о понятии энерге-

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич, д.полит. н., профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** ssevastyanov@hotmail.com

тической безопасности СВА. Под ним подразумевается возможность обеспечения в страны региона стабильных, долгосрочных, обоснованных по ценам и достаточных по объёмам поставок энергетических ресурсов. Реализация этого условия является ключевой предпосылкой для того, чтобы современная СВА продолжила экономический рост, по темпам которого она опережает другие регионы мира. И наоборот, недостаток ресурсов затормозит социально-экономическое развитие региона и сформирует у стран чувство энергетической уязвимости, способное вызвать нездоровую конкуренцию за ресурсы и усиление политической напряжённости, что, в свою очередь, препятствует налаживанию многостороннего сотрудничества в энергетической сфере.

В этом контексте очень важную роль играет Россия – единственная страна СВА, обладающая большими объёмами разнообразных энергетических ресурсов, достаточных для удовлетворения значительной части энергетического импорта остальных стран региона. Выступая в роли крупного и надёжного поставщика энергетических ресурсов, РФ способна внести исключительно весомый вклад в энергетическую безопасность СВА. При этом немаловажно, что одновременно реализация этих проектов способствует социально-экономическому развитию Восточной Сибири и Российского Дальнего Востока (РДВ). Особый интерес при этом вызывает российский природный газ, так как, по сравнению с углём и нефтью, его потребление вызывает меньше экологических проблем. Страны СВА заинтересованы в качественном улучшении энергетического баланса за счёт существенного увеличения объёмов экспорта российского газа.

В то же время, для понимания сложностей в налаживании энергетического сотрудничества в СВА, важно прояснить существенную разницу в подходах к понятию энергетической безопасности со стороны России (в первую очередь она сфокусирована на гарантированном обеспечении спроса на ресурсы) и тем, как рассматривают её Китай, Япония, РК и США (главное для них – гарантированное обеспечение поставок ресурсов). То есть, очевидно, что интересы России и остальных участников энергетического сотрудничества в СВА совпадают не во всём.

Уместно напомнить, что во время своего второго президентского срока (2004 – 2008), Владимир Путин сформулировал так называемую Новую Энергетическую Политику (НЭП). Среди её наиболее важных постулатов следует выделить такие, как: диверсификация рынка поставок энергетических ресурсов, сохранение Москвой суверенного контроля при принятии решений по вопросам добычи и транспортировки нефти и газа, регулирование доступа иностранных компаний к этим ресурсам. Наконец, с целью снижения воздействия периодических резких скачков цен на нефть и газ, в соответствии с НЭП Россия выражает готовность инвестировать в международные инфраструктурные проекты в энергетике только в том случае, если страны – импортёры согласятся подписать долговременные (на 20 – 30 лет) контракты по поставкам ресурсов.

Диверсификацию энергетических рынков планируется обеспечить за счёт существенного увеличения объёмов российского экспорта в Азию. Так, в июле 2006 г. В. Путин заявил, что в течение 15 лет доля Азии в российском энергетическом экспорте вырастет с нынешних 3% до 30%. Это означает, что к 2020 г. Россия должна быть способна ежегодно экспортировать в Азию не менее 60 млн. тонн нефти и 65 млрд. куб. метров газа [2]. Ряд российских экспертов считают, что для достижения столь амбициозной цели в стране отсутствует экономическая база. Они полагают, что к 2020 г. максимальная доля Азии в российском экспорте может составить 15%, и в этом случае к 2020 г. Россия будет ежегодно экспортировать в Азию порядка 40 млн. тонн нефти и 40 млрд. куб. метров газа

[1]. В странах региона растёт беспокойство по поводу того, что нехватка энергетических ресурсов ограничит его социально-экономическое развитие. Так, энергетической безопасности США угрожает совокупное воздействие целой группы негативных тенденций: – быстрый рост спроса на энергию (особенно в Китае, где ожидается, что к 2020 г. потребление нефти вырастет в два раза, а газа – в четыре раза), – высокая степень зависимости от нефти (Япония – 47%, РК – 46% от общего энергетического баланса страны) как от вида топлива в целом и от её поставок из региона Ближнего Востока в частности, – высокая зависимость Китая от угля (67% в общем энергетическом балансе) [5].

Далее рассмотрим страновые энергетические балансы и прогнозы на 2020-ый год. В Китае основным источником энергии в стране до 2020 г. останется уголь (но его доля упадёт с нынешних 67 до 60%), потребление нефти будет удерживаться на нынешнем уровне порядка 25% (в мире уже недостаточно приемлемых по цене возможностей для его наращивания), при этом ожидается существенный рост в энергетическом балансе доли природного газа (с 5% до 7-8%). Опережающими темпами будет развиваться и ядерная энергетика, хотя её доля в общем балансе будет оставаться небольшой.

В Японии в силу ряда объективных причин совокупный объём потребляемой энергии будет снижаться. Сегодня главную роль в энергетическом балансе страны играет нефть (47%), атомная энергия – 20%, уголь – 19%, газ – 12%. В перспективе нефть останется главным источником, но её доля будет постепенно падать. С учётом трагических последствий недавней аварии на АЭС «Фукусима» будет снижаться и доля атомной энергии в энергетическом балансе. В этой ситуации более чем вдвое возрастёт доля природного газа (до 28 – 30%).

Современный энергетический баланс РК близок с японским: нефть – те же 47%, уголь – 24%, газ – 13%, атомная энергия – 15%. Но есть и существенная разница в перспективах развития энергетики. В отличие от Японии, объём потребляемой энергии в РК в ближайшие 10-15 лет будет расти, но, безусловно, не такими высокими темпами, как в Китае. При этом он будет определяться главным образом наращиванием закупок сжиженного природного газа (СПГ) и ускоренным развитием атомной энергетики.

Из особенностей энергетического рынка США важно отметить следующие:

1. В нефтяной и газовой отраслях возрастает роль национальных государственных (а не частных) компаний, что постепенно подрывает бывшее доминирование таких гигантов как Exxon Mobil, BP, Total, Royal Dutch Shell, что, в свою очередь, сильно политизирует взаимоотношения участников рынка, которые выстраиваются с учётом стратегического характера межгосударственных связей. Такие страны как Китай, Индия, Япония, РК, Россия активно субсидируют деятельность своих государственных ТНК, которые вкладывают колоссальные финансовые ресурсы в приобретение и разработку новых газовых и нефтяных месторождений за границей. Таким путём эти государства страхуются от возможных рисков в области национальной энергетической безопасности.

2. Главной ударной силой в реализации подобных стратегий выступает Пекин, политика которого будет определять положение в энергетике в регионе на перспективу. Согласно прогнозам, уровень энергопотребления Китая к 2020 году в совокупных показателях стран США вырастет с нынешних 40% до порядка 50% (доля Японии сократится с 24% до 17%, а РК останется без изменений на уровне 8% – 9%).

При прямой поддержке Пекина за последние годы три ведущие китайские государственные компании (CNPC, Sinopec и CNOOC) сде-

ляли колоссальные вложения и подписали множество долговременных контрактов во всех регионах мира (около 200 проектов в 50 странах), направленных на экспорт нефти и газа, используя в том числе межправительственные займы, предоставленные китайскими государственными банками.

Для более оперативной реализации капиталоемких проектов по освоению новых газовых и нефтяных месторождений и строительству газо- и нефтепроводов страны региона готовы оказать РФ помощь, как финансовую (Китай, РК), так и технологическую (Япония, РК). Но на практике не всё так просто. Россия по различным причинам ограничивает участие иностранных компаний в нефте- и газодобыче на своей территории, при этом сама вкладывает не так много средств на развитие новых месторождений, в результате часть их них, как, например, гигантское Ковыктинское в Восточной Сибири, не развивается, что тормозит реализацию международных проектов. Как следствие, государства США направляют свой взор и более активно вкладывают средства в развитие новых месторождений в Центральной Азии, Австралии, Африке.

С точки зрения оказания влияния на ситуацию в США, особо следует отметить уже реализованные китайскими компаниями стратегические производственные и инфраструктурные проекты по налаживанию добычи и доставке в западный Китай крупных объемов нефти из Казахстана и газа из Туркменистана. Для Пекина они были приоритетом, учитывая географическую близость этих регионов. Поставки нефти из Казахстана не стали для Китая альтернативой российской нефти из Сибири, но сыграли свою роль в диверсификации поставок трубопроводной сырой нефти.

Что же касается поставок крупного объема трубопроводного газа из Туркменистана (40 млрд. куб м в год) с перспективой их наращивания, то реализация Китаем этого проекта подорвала монопольное положение Газпрома на газовом рынке Центральной Азии, позволила Пекину диверсифицировать импорт трубопроводного газа, а также усилить давление на Газпром в вопросе цены будущих поставок газа по проекту «Алтай».

Важную роль с точки зрения постепенного снижения цен на сжиженный газ сыграли недавние большие финансовые вложения ТНК стран США в разработку крупнейших газовых месторождений и строительство заводов по производству сжиженного газа в Австралии, Папуа Новой Гвинее, Индонезии, Малайзии и др. С недавнего времени китайские ТНК стали проявлять интерес и к разработке шельфового газа, например, в Канаде.

Необходимость этих и других финансовых вложений объясняется тем, что, согласно прогнозам, уже в 2015 г. Китай планирует импортировать 347 млн. тонн нефти (в 2009 г. было импортировано 203 млн. тонн нефти). Что касается газа, то потребности страны в этом виде топлива в 2020 г. составят порядка 300 млрд. куб.м, из которых не менее половины будет импортироваться. Порядка 100 млрд. в этом балансе может составить трубопроводный газ (из Центральной Азии – 60 – 65, России – 30, Мьянмы – 10), а 50 млрд. – сжиженный газ из целого ряда государств, включая Россию.

В настоящее время у Газпрома достаточно месторождений в Восточной Сибири (даже без ресурсов замороженного Ковыктинского месторождения), чтобы с середины этого десятилетия ежегодно поставлять Китаю 30 млрд. куб.м. трубопроводного газа. Однако трудно решается вопрос с ценой, так как Пекин играет на понижение, не желая платить за российский газ по европейским ценам, привязанным к цене на нефть, а в качестве альтернативы рассматривает возможность нарастить объемы

поставок трубопроводного газа из Средней Азии с 40 до 65 млрд. куб.м. [4]. Кроме того, существует вероятность постепенного роста объёмов добычи шельфового газа в самом Китае, как это уже произошло в США, что также может влиять на снижение цены на газ.

Теперь рассмотрим роль, которую играют в энергетической безопасности США Япония и РК. Япония на 100% зависима от импорта газа, нефти и угля, и для обеспечения зарубежных поставок этих ресурсов достаточно давно использует крупные государственные компании, в первую очередь, Japan National Oil Company (JNOC) и the Japan Oil, Gas, and Metals National Corporation (JOGMEC). В последние годы японские компании неоднократно вступали в прямую конкуренцию с китайскими ТНК, и, как правило, уступали последним. Действуя в финансовом плане более агрессивно, китайские ТНК переиграли японцев в приобретении прав на разработку крупного нефтяного месторождения в Иране (Azadegan), а также получили приоритет в использовании нефти по российскому проекту ВСТО. Острота проблем энергетической безопасности региона обусловлена также территориальным спором между Китаем и Японией за острова в Восточно-Китайском море (Senkaku / Diaoyu islands). Недалеко от этих островов на шельфе ВКМ Китай ведёт разработку небольшого месторождения газа (Chunxiao field), однако, по мнению Токио, этот район входит в эксклюзивную экономическую зону Японии. В результате в этом районе имели место столкновения между японскими гидрографическими судами и катерами китайских ВМФ, а межгосударственные переговоры по выработке механизма совместной разработки месторождений в этом районе пока ни к чему не привели.

Токио более успешен в обеспечении контроля над поставками СПГ. Японские частные компании Мицубиси, Марубени и Мицуи по сути изобрели и внедрили этот бизнес в 70-е годы, и с тех пор являются основными игроками на рынке СПГ по всему АТР, а также в Персидском заливе.

При оценке недавних событий на АЭС «Фукусима» важны два принципиальных обстоятельства. Во-первых, японское правительство признало, что ядерная инфраструктура страны не была рассчитана на крупные стихийные бедствия, и заявило о необходимости фундаментального пересмотра стандартов ядерной безопасности, в том числе было принято решение о создании в стране независимого агентства по ядерной энергетике, так как существующие органы не смогли оперативно отреагировать на тяжёлую аварию на АЭС.

Во-вторых, эти события привели к снижению интереса к дальнейшему развитию атомной энергетики, как в Японии, так и в ряде других государств. Наиболее перспективным источником на замену выпадающей доли атомной энергии в энергетическом балансе выглядит СПГ, который стал вполне приемлемым по цене. Япония уже обеспечила себе крупные объёмы зарубежных поставок СПГ из различных регионов мира, и будет и дальше наращивать его долю в энергетическом балансе.

Энергетические дилеммы РК, которая на 100% зависима от импорта нефти и газа, схожи с Японией, и, соответственно, подходы корейцев к обеспечению энергетической безопасности также напоминают японские. Задача обеспечения импорта нефти и газа возложена на две ведущие государственные компании Korea National Oil Company (KNOC) и Korean Gas Company (KOGAS). Обе компании покупают права на разработку и добычу нефти и газа по всему миру. При этом корейские государственные компании менее конкурентоспособны в борьбе за иностранные сырьевые ресурсы по сравнению с китайскими государственными ТНК, так как: во-первых, объёмы их государственного финансирования более

ограничены (хотя Сеул аккумулировал специальный правительственный счёт для финансирования подобных энергетических проектов за рубежом – Energy Project Special Account), а во вторых, они должны обеспечить рыночную прибыль от реализации этих проектов, в то время как для китайских ТНК главной целью часто является обеспечение доступа к большему объёму энергетических ресурсов.

KOGAS является крупнейшим импортёром СПГ в мире (в 2009 г. им было приобретено 24 млн. тонн). В настоящее время эта корейская ТНК имеет 15 долго- и среднесрочных контактов в 10 странах мира countries (ведущим поставщиком является Катар с объёмом в 7 млн. тонн в год).

Что касается США, то, как известно, в этой стране нет национальных государственных компаний в нефтяной и газовой сфере. В результате США строят свою стратегию энергетической безопасности на основе принципов обеспечения свободного доступа к энергетическим ресурсам на основе рыночной конкуренции. В этом контексте американское правительство и законодатели рассматривают субсидируемую государством энергетическую политику Пекина как угрозу для обеспечения свободного доступа к энергоресурсам для других основных импортёров, что ведёт к политизации процессов обеспечения энергетической безопасности, в том числе в США.

Кроме того, необходимо отметить одну важную тенденцию: с 2006 г. в США начался резкий рост добычи газа за счёт бумажной добычи на сланцевых месторождениях. В результате США сократили импорт газа (и даже начали заниматься реэкспортом), а топливо из Африки, с Ближнего Востока и из Азии было перенаправлено в Европу.

Далее переходим к оценке роли России в обеспечении энергетической безопасности США. С 2007 г. две государственных компании (Газпром и Роснефть) получили эксклюзивное право на добычу газа и нефти на континентальном шельфе России. В результате этого решения, как иностранные, так и российские частные компании потеряли право стать основными участниками этих проектов, и в перспективе единственной возможностью для них участвовать в подобных проектах станет получение приглашения от Газпрома или Роснефти по совместной разработке шельфовых ресурсов.

РДВ является критически важным регионом для расширения инвестиционной программы Газпрома. Первые экспортные поставки российского газа с Дальнего Востока начались в 2009 г., когда Газпром начал продавать СПГ в Японию и РК в рамках проекта Сахалин-2. Общий объём добычи газа на Сахалине в 2011 г. достиг 25,5 млрд. куб. метров (рост на 0,8 млрд. куб. метров по сравнению с 2010 г.), при этом доля проекта Сахалин-1 в этом объёме составила 9,1 млрд. куб. метров, а Сахалин-2 – 15,4 млрд. куб. метров.

В 2011 г. Газпром завершил строительство первой очереди магистрального газопровода «Сахалин – Хабаровск – Владивосток». Основная задача проекта – обеспечить газоснабжение Хабаровского края, Сахалинской области и Приморья, в том числе к саммиту АТЭС 2012 года. Кроме того, с помощью газопровода Россия планирует поставлять топливо с Сахалина в страны АТР, и в этой связи следующим шагом Газпрома станет строительство в районе Владивостоке завода по производству СПГ. «Сахалин-Хабаровск-Владивосток» является одним из крупнейших проектов «Газпрома». После завершения всех работ протяжённость трубопровода составит более 1800 километров, а его пропускная способность – 30 миллиардов кубометров газа в год. Мощность открытой в сентябре первой очереди достигает шести миллиардов кубометров газа в год.

В ближайшей перспективе для обеспечения своих российских и зарубежных потребителей Газпром принял решение в качестве основного

источника сырья использовать газ, который будет добываться в рамках проекта Сахалин-3. Последний состоит из четырёх крупных газовых и нефтяных месторождений, совокупные подтверждённые запасы которых составляют 700 млн. тонн нефти и 1.3 трлн. куб. метров газа. Для сравнения, совокупные запасы нефти и газа с месторождений, входящих в проекты Сахалин-1 и Сахалин-2, составляют порядка 450 млн. тонн нефти и одного трлн. куб. метров газа. Выбор Газпромом проекта Сахалин-3 в качестве основного направления инвестиционных ресурсов и производственных усилий подчёркивает приоритетность для компании Сахалинских проектов в целом, при этом добыча газа с Ковыктинского месторождения рассматривается только в качестве долгосрочной цели.

Современные перспективы крупномасштабных американских и японских инвестиций в развитие РДВ не велики. Особенно слабо используется потенциал сотрудничества между РДВ и США, и, по сути, единственным примером крупных американских инвестиций в этом регионе является участие американской ТНК Экссон Мобил в проекте Сахалин-1. Однако между представителями Экссон и российской стороной возникли противоречия по поводу того, кому должны в первую очередь поставляться добываемые ресурсы. В результате американское бизнес-сообщество настороженно наблюдает за развитием событий в проекте, и каких-то новых крупных инициатив в этой сфере не ожидается.

Следует отметить, что Япония сохраняет интерес к проектам добычи и переработки нефти и газа в нашей стране. Так, компания JOGMEC приобрела права на исследование и разработку нефти в Восточной Сибири, а японские ТНК Мицубиси и Мицуи активно работают в формате проекта Сахалин-2. Японские компании подписали соглашения с российской стороной, в соответствии с которыми в течение 23 лет 98% производимого на Сахалинском заводе СПГ будет поставляться в Японию.

Что касается РК, то она имеет твёрдые планы увеличить импорт нефти и газа из РФ в интересах диверсификации поставок энергоресурсов. С 2010 г. начались поставки в РК восточносибирской нефти через новый нефтепорт Козьмино. Корейская национальная нефтяная компания ведёт разведку на камчатском шельфе, планируя начать добычу нефти в 2012 г.

Демонстрируя действительное желание добиваться поставленных целей, в июне 2009 г. KOGAS создал в дальневосточном Хабаровске компанию KOGAS Vostok. Её главной задачей является поиск деловых партнёров на РДВ (Приморский край, Хабаровский край, Сахалинская область, Республика Саха-Якутия) для реализации совместных проектов со своей материнской компанией – KOGAS.

В соответствии с долгосрочными контрактами, подписанными по состоянию на 2010-й год, Россия занимает 6% газового импорта РК (в 2005 г. KOGAS подписал долгосрочный контракт на покупку 1,5 млн. тонн СПГ в год, производимого в рамках проекта Сахалин-2). Но при благоприятном развитии событий к 2017 г. объём российского газового экспорта в РК может достичь 7,5 млн. тонн. В этом случае Россия станет самым крупным поставщиком газа в Корею, доля которого в общем объёме газового импорта РК может вырасти до 30%.

Основным центром роста поставок российского газа в РК станет Приморский край и город Владивосток. Теоретически существует несколько моделей доставки российского газа из Владивостока к потребителям в РК, в том числе: природного газа по трубопроводу (через территорию КНДР или по дну Японского моря) или СПГ судами-газовозами. Строительство подводного газопровода не оправдано с экономической точки зрения. Много лет проект поставки природного газа через территорию КНДР обсуждался, но был не возможен по политическим причи-

нам, однако визит лидера КНДР Ким Чен Ира во Владивосток в августе 2011 г. изменил диспозицию по этому вопросу.

В ходе переговоров северокорейский лидер выразил готовность без выдвижения предварительных условий вернуться к формату Шестисторонних переговоров по безопасности Корейского полуострова, и в процессе дальнейших переговоров объявить мораторий на ядерные испытания и производство материалов для разработки ядерного оружия. С учётом этих обязательств руководителями двух стран было принято принципиальное решение по разработке проекта строительства газопровода из Приморского края через территорию КНДР в Республику Корея. В течение нескольких недель после переговоров лидеров РФ и КНДР президент Газпрома Миллер провёл встречу с министром нефти КНДР Ким Хи Еном, по итогам которой был подписан меморандум о взаимопонимании между «Газпромом» и северокорейским министерством. Кроме того, стороны договорились создать совместную рабочую группу для реализации проекта. Одновременно президент Газпром Миллер и руководитель Kogas Чжу Кан Су подписали дорожную карту по проекту поставок газа в Южную Корею, объёмы которых должны составить на первом этапе порядка 10 млрд. куб. метров газа в год. Общая длина газопровода должна составить около 1100 км, из них 700 км пройдёт по территории КНДР.

Разумеется, перспективы практической реализации этого масштабного трёхстороннего проекта не очевидны, что вызвано рядом политических, технических и прочих проблем. Так, в Сеуле полагают, что при современном низком уровне отношений между КНДР и РК это не возможно, и что газопровод не будет построен до тех пор, пока Северная Корея сама не попросит об этом Южную Корею, при этом руководство Kogas больше склоняется к участию в новом проекте по строительству завода для прямых поставок СПГ из РФ в РК, минуя КНДР. Некоторых, например, США, не устраивает механизм компенсации, которую Пхеньян будет получать за газовый транзит. Дело в том, что в КНДР нет газораспределительной системы для доставки газа потребителям. Поэтому Пхеньян планирует получать плату за транзит в денежном выражении, но в этом случае сохраняется опасность того, что деньги будут использованы на дальнейшую разработку ядерного оружия. Недавняя смерть Ким Чен-ира и переход власти к его сыну Ким Чен-уну также не добавляют ясности в этом вопросе.

С учётом этих и других обстоятельств (например, того, что транспортировка СПГ из Владивостока в порты РК займёт менее двух суток), автор считает, что в качестве приоритетного (но не исключającego предыдущий) варианта следует по-прежнему рассматривать долговременные финансовые и технологические инвестиции Газпрома, а также его иностранных партнёров (РК или Японии) в строительство нового современного завода по производству СПГ под Владивостоком.

Тем не менее, следует констатировать, что в силу объективного действия целого ряда геополитических факторов (географии, политики, экономики, демографии и др.), в энергетической сфере только Китай может рассматриваться в качестве основного партнёра России в СВА. Спрос на энергетические ресурсы в КНР растёт очень быстро, и уже в 2010 г. эта страна превзошла США по объёму потреблённой энергии. Таким образом, активное освоение китайского энергетического рынка является ключевым аспектом для достижения Россией целей своей энергетической стратегии.

Российско-китайское сотрудничество базируется на твёрдой межправительственной основе (Российско-китайское стратегическое партнёрство) и развитых деловых контактах (заключена целая серия двусторонних соглашений между Газпромом и Роснефтью с российской стороны,

и таким крупнейшими ТНК, как CNPC, Sinorec и другими, с китайской стороны). Однако в этих двусторонних отношениях существует критическая проблема, так как при покупке российских ресурсов Пекин требует существенной скидки. В результате в выстраивании энергетической политики Москва не может принять такой сценарий, при котором Китай станет монопольным покупателем российских энергетических ресурсов в СВА, хотя эта страна, безусловно, является самым крупным рынком сбыта для России.

Согласно договору, подписанному в 2009 г., Китай предоставил кредиты «Роснефти» и «Транснефти» на общую сумму в \$25 млрд., а российские компании обязались поставлять китайской государственной нефтяной компании CNPC по 15 млн. т нефти ежегодно в течение 20 лет. Формула цены на поставляемую в КНР нефть была привязана к её рыночным котировкам в порту Козьмино. Сюда включался и тариф на прокачку нефти по ВСТО: он установлен правительством РФ в размере 1815 руб. за тонну. Но поскольку путь до китайской границы существенно ближе, чем до дальневосточного побережья, китайцы просили сделать им скидку. «Транснефть» отказалась, и тогда CNPC в одностороннем порядке уменьшила суммы, перечисляемые за российскую нефть. Образовался долг в \$250 млн, который российские компании готовы были отстаивать в Лондонском арбитраже. Но Китай всё же начал погашать задолженность, а российская сторона согласилась на некоторые уступки по величине транспортного тарифа.

С газом всё сложнее. Ещё в 2004 г. Россия предложила построить два газопровода в Китай (система Алтай): слева и справа от Монголии. Западный маршрут может быть проложен и пущен в эксплуатацию уже к 2015 году. В «Газпроме» уверены, что сырьевая база для этой трубы мощностью 30 млрд. кубометров в год в наличии. Это месторождения Западной Сибири, на газ которых ранее претендовала только Европа (не считая внутренних потребителей). В 2010 г. стороны согласовали основные положения 30-летнего контракта на поставку российского газа, однако в ходе визита в Россию Председателя КНР Ху Цзиньтао в июне 2011 г. из-за разногласий по цене он так и не был подписан. Не ясны пока и некоторые другие вопросы, например, в какой последовательности будут строиться газопроводы. Так, вице-премьер РФ И. Сечин настаивал на том, что западный маршрут будет реализован первым. В то же время министр энергетики Китая Лю Тенань полагал, что восточное и западное направление должны развиваться параллельно, то есть китайская сторона выступает за ускоренную реализацию обоих проектов.

Для оценки энергетической безопасности СВА и будущего вклада России в её решение необходимо проанализировать финансовые обязательства, взятые на себя российским правительством в последние годы в сфере добычи и экспорта нефти и газа, и попытаться оценить достаточно ли у Роснефти, Транснефти и Газпрома технических и других ресурсов для выполнения этой амбициозной долговременной программы. В октябре 2010 г. Премьер-министр РФ В. Путин принял участие в работе двух важных совещаний, посвящённых обсуждению планов развития российской нефтяной и газовой индустрии. По поводу Генерального плана развития нефтяной отрасли до 2020 г. он заявил, что в течение следующих 10 лет Россия будет поддерживать ежегодную добычу нефти на её нынешнем уровне порядка 500 млн. тонн¹. То есть увеличение добычи перспективным планом не планируется. Тем не менее, чтобы удержать достигнутый уровень, в течение следующих 10 лет Москве необходимо инвестировать в нефтяную отрасль порядка 8,6 трлн. рублей (действую-

¹ В 2010 г. Россия добыла 505 млн. тонн нефти, из которой 242 млн. тонн было экспортировано.

щие нефтяные месторождения страны выработаны на 50%, а для новых месторождений в основном характерны технически трудные и дорогостоящие условия добычи).

На другом совещании, посвящённом обсуждению Генерального плана российской газовой отрасли до 20130 г., В. Путин подтвердил, что в обозримом будущем природный газ не имеет альтернативы как основной источник энергии. С учётом этого в ближайшие 20 лет Россия увеличит годовую добычу газа с 650 млрд. кубометров, добытых в 2010 г., до одного трлн. кубометров (примерно половина этого огромного объёма будет экспортироваться).

Для достижения этой стратегической цели новые районы газодобычи будут освоены на Ямале, в Восточной Сибири и на континентальном шельфе, будут построены более 25 тысячи километров новых газопроводов, а компании, производящие СПГ, получают налоговые льготы. Доля частных компаний в производстве газа должна вырасти с нынешних 20% до 30%, и это важно, так как государственный гигант Газпром является не самым эффективным производителем. Наконец, оценивая перспективы газовой отрасли, следует отметить, что российский природный газ является практически неисчерпаемым источником энергии (общие объёмы газовых ресурсов в стране оцениваются на уровне 165 трлн. кубометров).

Китай в силу быстро растущих объёмов энергопотребления является и останется в будущем ключевым фактором, определяющим энергетическую безопасность США. Высокая энергетическая уязвимость Китая обусловлена многими причинами, в том числе критической зависимостью от нефти, импортируемой из стран Ближнего Востока. При этом недавние интервенции США дестабилизировали обстановку в этом регионе, что позволяет полагать, что мировые цены на нефть будут ещё длительное время оставаться высокими.

Россия способна довести ежегодные поставки нефти в Китай к 2020 г. до 30 – 35 млн. тонн, но её возможности в будущем качественно изменить ситуацию в этой сфере ограничены (в Восточной Сибири не осталось новых крупных месторождений легко доступной нефти, дальнейшее существенное наращивание объёмов нефтедобычи потребует несоразмерно больших финансовых ресурсов и производственных усилий).

К 2035 году мировое потребление газа вырастет более чем на 50 процентов по сравнению с 2010 годом и составит более 5 триллионов кубометров. Через четверть века Китай будет потреблять столько газа, сколько весь Евросоюз в 2010 году. Чтобы удовлетворить этот спрос, мировая добыча газа должна вырасти на 1,8 триллиона кубометров – это в три раза больше, чем добывалось в России в прошлом году. При этом «плановая» задержка Газпрома с освоением Ковыктинского месторождения снижает возможности по наращиванию объёмов экспорта российского газа в страны США, то есть речь идёт, как минимум, об упущенной экономической выгоде, а, как максимум, о возможных проблемах с достижением РФ долговременных целей по экспорту газа. В 2011 добыча газа Газпромом составила 520 миллиардов кубометров (в целом по России – 671 млрд. куб. метров), а на 2014 год она запланирована для Газпрома в объёме 570 миллиардов кубометров, а в целом по отрасли – 741 млрд. куб. метров [3]. Основной прирост, как ожидает Минэкономразвития, обеспечат независимые производители газа.

При этом для обеспечения к 2014 г. даже таких умеренных темпов роста уже в 2012 году Газпрому нужно вводить в эксплуатацию месторождения на Ямале, что пока не очевидно. Но даже достижение этих плановых цифр можно рассматривать как медленный рост.

Следует учитывать, что во многих регионах мира за последние годы обнаружены стратегические по объёмам запасы газа, и уже подписаны договоры на поставки колоссальных объёмов СПГ в Китай, Японию и другие страны СВА. То есть конкуренция в этой сфере очень велика. Характеризуя ключевое для энергетической безопасности СВА российско-китайское энергетическое партнёрство, следует отметить, что оно опирается на устойчивую межправительственную и деловую основу. При этом Китай принял и не без выгоды для себя играет по правилам, предложенным российской НЭП. В первую очередь, речь идёт о готовности заключать долговременные контракты с иностранными партнёрами по условиям разработки и добычи российских энергетических ресурсов. За последние несколько лет Китай либо уже подписал, либо достиг принципиального соглашения с Россией по нефти, углю и газу, используя одну и ту же модель – путём предложения очень крупных финансовых кредитов в качестве гарантии будущих долговременных поставок крупных объёмов энергетических ресурсов. Во-первых, в 2009 г. Китай предоставил Роснефти и Транснефти кредит на \$25 млрд., и получил гарантии поставок российской нефти на 20 лет. Во-вторых, в 2010 г. Китай предоставил России кредит в объёме \$6 млрд. в качестве гарантии долговременных поставок угля. Наконец, в финальной стадии находится согласование многомиллиардной сделки между Газпромом и CNPC, на основе которой будут осуществляться поставки в Китай российского газа.

В результате такого положения дел в переговорах с Москвой о ценах на российские ресурсы Пекин может занять положение почти монопольного покупателя. Чтобы избежать этого, Москва должна иметь возможность продавать существенную часть энергоресурсов в Японию, РК, США и другие страны. В этом контексте опора на многосторонний подход в выстраивании энергетического сотрудничества в СВА имеет для России очевидные преимущества. Вот почему Россия вошла в число стран-основателей Межправительственного механизма взаимодействия по энергетическому сотрудничеству (Intergovernmental Collaborative Mechanism on Energy Cooperation) в СВА. К сожалению, пока работа этого межправительственного механизма не принесла существенных результатов в силу, как его ограниченных ресурсов, так и недостаточного вклада со стороны стран-участниц, во взаимоотношениях между которыми, прежде всего, между Китаем с одной стороны, и США и Японией с другой стороны, возникают политические проблемы.

Оценивая возможности двустороннего формата отношений между странами СВА, автор полагает, что в перспективе российско-кореюское взаимодействие в энергетической сфере является наиболее многообещающим и необходимым дополнением (но, конечно, не альтернативой) к объективно доминирующему российско-китайскому энергетическому сотрудничеству. Что касается Японии, то у России нет свободных ресурсов для быстрого восполнения дефицита энергии, возникшей в связи с аварией на АЭС «Фукусима-1». В перспективе же доля этой страны в общем балансе потребляемой энергии в СВА будет только падать.

Принимая во внимание, что успешная реализация так называемой «восточной газовой программы» до 2030 года стала приоритетной геополитической задачей для руководства России, автор полагает, что при благоприятных политических и экономических условиях существенное увеличение объёмов добычи газа на РДВ и в Восточной Сибири и его экспорта в СВА вполне возможно, что станет критически важным вкладом России в обеспечение энергетической безопасности региона.

В то же время надо трезво оценивать возможные риски и ограничения, которые могут замедлить достижение этой стратегической цели, например, такие как:

- ♦ резкое падение мировых цен на нефть и газ, что может ограничить возможности правительства РФ финансировать эту программу в целом, и субсидировать её реализацию Газпромом и Роснефтью в частности;

- ♦ недостаточные технические и производственные возможности Газпрома по освоению новых газовых месторождений и строительству газотранспортной системы внутри страны и за её пределами в условиях «географического и монопольного перенапряжения», возникающего из-за реализации, в основном, собственными силами столь большого числа проектов в различных странах мира и в России;

- ♦ предложение иностранными ТНК, быстро осваивающими новые месторождения в других регионах мира (Индонезия, Австралия и др.), более выгодных для стран СВА условий поставки газа, в первую очередь, СПГ;

- ♦ дальнейшее откладывание подписания официальных соглашений Газпрома с CNPC и KOGAS по условиям поставок российского газа.

Длительные задержки поставок российского трубопроводного газа в Китай не позволяют последнему реализовать свой важнейший приоритет – увеличение объёмов и доли потребляемого газа в энергетическом балансе страны. Это жизненно необходимо для снижения доли угля в этом балансе, что позитивно скажется на улучшении экологической ситуации в стране и СВА в целом. Неудовлетворённость Пекина сложившимся положением ведёт к тому, что он будет прилагать усилия для замещения этих объёмов либо за счёт трубопроводного газа из Центральной Азии, либо СПГ из стран АТР.

Реализация крупномасштабных газовых проектов в восточной части РФ с выходом в страны СВА является колоссальным вызовом для Газпрома. Для повышения возможностей по их реализации с учётом европейского опыта ему необходимо установить более тесные связи с иностранными ТНК, что позволит объединить производственные возможности, разделить общую экономическую ответственность и финансовое бремя, задействовать самые новые технологии и т.д.

Наиболее перспективными кандидатами для установления Газпромом более тесных партнёрских отношений в СВА автор считает китайскую CNPC и корейскую KOGAS. Перед Газпромом стоит грандиозная задача – построить новую газотранспортную систему от якутских газовых месторождений (Чаяндинское и ряд других) до Хабаровска, где она будет соединена с газопроводом Сахалин – Хабаровск – Владивосток, формируя восточный маршрут системы «Алтай». Расходы на это строительство в млрд. долларов будут выражаться двузначной цифрой, и ограниченный в собственных финансовых средствах Газпром будет вынужден занять эти деньги либо у Правительства РФ, либо на международном финансовом рынке. В то же время подключение к этому проекту китайских и корейских ТНК в качестве не только потребителей газа, но и прямых финансовых инвесторов могло бы облегчить решение многих проблем по его реализации. Подобный подход мог бы стать первым примером многостороннего сотрудничества в области энергетики СВА, о необходимости которого уже многие годы говорят эксперты.

Ещё одна возможность многостороннего сотрудничества в СВА в этой сфере – реализация в рамках всем известного «Тумангана» (ныне – «Большая Туманганская Инициатива» – БТИ) проекта строительства на китайской территории хранилища стратегических запасов нефти. Его ведущими участниками могли бы выступить Китай, Россия и РК. Реали-

зация этого взаимовыгодного проекта могла бы задать новый импульс для развития БТИ, а также повысить экономическую роль России в регионе.

В целом, значимость вышеупомянутых проектов многостороннего сотрудничества очевидна, так как они способствуют росту доверия между странами и служат важнейшей цели укрепления энергетической безопасности СВА.

Литература

1. Милов В. Отчёт о встрече членов международного дискуссионного клуба «Валдай» с российскими экспертами 06 сентября 2006, Ханты-Мансийск. URL: <http://www.lenta.ru>
2. Путин В. Отчёт о третьей встрече Президента РФ В. Путина с членами международного дискуссионного клуба «Валдай» 09 сентября 2006, Москва. URL: <http://www.kremlin.ru>.
3. Россия вновь уступила США лидерство на мировом газовом рынке. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lenta.ru> [Дата обращения 09.06.2011г.]
4. Туркмения повысит экспорт газа в Китай до 65 млрд кубометров в год – Reuters, 23.11.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lenta.ru> [Дата обращения 23.11.2011г.]
5. Baseline Study for Energy Cooperation in Northeast Asia. 2007, Seoul: Korea Energy Economic Institute
6. Sevastianov S. Business and Investments Opportunities in Northeast Asia and Greater Tumen Region: Russian Perspective. Proceedings of the Investments Forum “Greater Tumen Initiative – Gateway to Northeast Asia”. Vladivostok, RF (pp. 1-3). 2007, Beijing: Tumen Secretariat.

*Бурлаков В.А.
Burlakov V.A.*

Перспективы развития Туманганской инициативы в контексте геополитических процессов в СВА

Prospects of development of Tumen Initiative in the context of the geopolitical processes in Northeast Asia

Очередное обращение к проблеме Туманганского проекта можно назвать оправданным. С момента своего возникновения в 1991 году проект стал единственной формой регионального экономического сотрудничества, перешедшей из состояния теоретической концепции в стадию практической (с некоторыми оговорками, конечно) реализации. Более того, заключённые в 1995 году межправительственные соглашения сделали проект «Туманган» единственным действующим институтом региональной экономической интеграции в Северо-Восточной Азии.

В отличие от государств Юго-Восточной Азии, страны СВА никогда не рассматривали проблему всесторонней экономической интеграции в регионе в качестве приоритетной. Основное внимание всегда уделялось развитию двусторонних контактов или сотрудничеству в рамках реализации каких-либо международных проектов. При этом территории, прилегающие к бассейну реки Туманной, или территории Япономорского кольца фактически рассматривались в качестве экономической периферии. Для Китая традиционной формой регионального экономического сотрудничества стала ориентация на страны и территории с чисто китайским населением или на страны с преобладающим китайским капиталом (этнических китайцев – хуацяо). Эти страны, составляющие так называемую зону «Большого Китая», располагаются в южной части Восточной Азии. Для Японии приоритетными внешнеэкономическими партнёрами всегда оставались США, страны Юго-Восточной Азии и страны Евросоюза. Важнейшими торговыми партнёрами Южной Кореи были США, Япония и Китай. Для России восточноазиатский вектор внешнеэкономических отношений никогда не рассматривался в качестве значимого.

В этих условиях проект «Туманган» изначально рассматривался в качестве основного средства, стимулирующего региональное экономическое сотрудничество между территориями, выступающими периферийными по отношению к другим территориям стран СВА. Институционализация проекта давала надежду на его превращение в будущем в ядро региональных интеграционных процессов. Однако существенные геополитические, социально-экономические и политические противоречия между странами Северо-Восточной Азии не позволили оправдаться радужным надеждам начала 1990-х гг. Отношения в рамках Программы развития бассейна реки Туманной переросли в форму небольших по объёму, как правило, двусторонних проектов.

БУРЛАКОВ Виктор Алексеевич, к. полит. н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). E-mail: viktor_burlakov@mail.ru

К началу XXI века интерес к проекту утратили все его участники, за исключением Китая, который продолжил его реализацию на своей территории – в префектуре Янбянь (провинция Цзилинь). Основные средства были направлены на строительство и модернизацию действующих железных дорог, аэропортов, шоссе и магистралей.

Другие непосредственные участники проекта «Туманган» такой активности не проявляли. Именно поэтому модернизация портов в северокорейской экономической зоне Раджин-Сонбон и российском посёлке Зарубино не имела успеха. Изначально Программа развития района реки Туманная предусматривала три стадии реализации:

1. создание транспортного коридора в районе реки Туманной;
2. открытие экономического коридора между странами-участниками проекта на основе интенсификации взаимных торговых и инвестиционных связей;
3. формирование треугольника экономического роста на основе сравнительных преимуществ сторон и их взаимодополняемости.

Однако к середине 2005 года, года окончания действия межправительственных соглашений, заключённых в 1995 года в рамках проекта «Туманган», некоторые успехи были достигнуты только в направлении создания транспортного коридора. Дальнейшие перспективы реализации проекта оставались при этом весьма туманными. Стороны так и не смогли выработать сколько-нибудь единое понимание ситуации в рамках проекта и сформулировать общие региональные интересы.

На восьмой встрече Консультативной Комиссии Программы развития района реки Туманной, прошедшей в сентябре 2005 г. в Чанчуне (КНР), были приняты так называемые Чанчуньские договорённости, кардинально изменившие форму сотрудничества в рамках Туманганского проекта. Во-первых, ещё на десять лет было продлено действие базовых соглашений 1995 г. по формату взаимодействия в рамках Туманганского региона. Во-вторых, Программа развития района реки Туманная была переименована в Расширенную Туманганскую Инициативу (РТИ) (Greater Tumen Initiative – GTI), цель которой была определена, как дальнейшее расширение регионального сотрудничества и кооперации для стимулирования экономического роста и устойчивого развития в Северо-Восточной Азии и Расширенном Туманганском регионе. В-третьих, географические рамки РТИ были расширены за счёт включения в неё китайских провинций Цзилинь, Хэйлунцзян и Ляонин и автономного района Внутренняя Монголия, восточных провинций Монголии, восточных портов Республики Корея, северокорейской экономической зоны Раджин-Сонбон и Приморского края со стороны России. В-четвёртых, для привлечения частного сектора в деятельность РТИ было предложено создать Деловой Консультативный Совет, работающий при руководстве РТИ. И, в-пятых, было решено расширить возможности постоянно действующего Секретариата для продвижения региональных проектов в основных сферах сотрудничества – транспорт, энергетика, туризм и инвестиции, плюс сотрудничество в рамках охраны окружающей среды как связующее направление.

Данные договорённости кардинально изменили саму сущность Туманганского проекта. Программа развития района реки Туманная представляла собой чётко структурированный и выверенный по времени проект, результатом которого должна была стать определённая форма экономических отношений между её странами-членами. Проект «Туманган» первоначально достаточно конкретно, а затем более абстрактно определял конечную цель движения и задавал параметры достижения данной цели. Такой целью было формирование специфической между-

народной зоны экономического сотрудничества на стыке границ трёх государств в районе устья реки Туманган.

Формат Расширенной Туманганской Инициативы предполагает лишь интенсификацию экономического сотрудничества. По сути, РТИ – это площадка для представления и обсуждения проектов в ряде приоритетных направлений. В этой связи любая временная привязка становится бессмысленной. Значение имеет сам процесс сотрудничества.

В ходе двух следующих встреч Консультативной Комиссии была уточнена структура руководящих органов РТИ. Так, на 9-й встрече, прошедшей в ноябре 2007 года во Владивостоке, были официально созданы Департамент по энергетике, Департамент по туризму и Департамент по окружающей среде, был открыт Деловой Консультативный Совет и проведён 1-й Инвестиционный форум в рамках РТИ. На 10-й встрече в Улан-Баторе (Монголия) в марте 2009 г. был создан Департамент по транспорту и Комитет РТИ по содействию торговле.

К сожалению, с 5 ноября 2009 года Корейская Народно-Демократическая Республика прекратила своё членство в Расширенной Туманганской Инициативе и отозвала своих представителей из Консультативной Комиссии.

К настоящему времени институциональное оформление РТИ выглядит следующим образом. Главной структурой РТИ является Консультативная Комиссия (GTI Consultative Commission), созданная межправительственными соглашениями 1995 г. Комиссия состоит из представителей стран-членов Расширенной Туманганской Инициативы (КНР, Монголии, Республики Корея и России) в ранге не ниже заместителя министра. Деятельность Комиссии на национальном уровне курируется следующими правительственными учреждениями: министерством коммерции Китая, министерством стратегии и финансов Республики Корея, министерством финансов Монголии и министерством экономического развития России. Комиссию возглавляет председатель, который выбирается из числа её членов на основе ротации. Свои полномочия председатель осуществляет между очередными встречами Комиссии.

Консультативная Комиссия периодически (с 2010 г. – ежегодно) собирается на официальные встречи для решения всех проблем экономического сотрудничества в рамках РТИ. Комиссия правомочна принимать решения по всем вопросам деятельности РТИ.

Начиная с владивостокской встречи 2007 г. параллельно со встречами Комиссии проходит Инвестиционный форум, целью которого является обмен деловой информацией между частными структурами и правительственными учреждениями для стимулирования деловой активности в Северо-Восточной Азии и повышения инвестиционной привлекательности регионов, составляющих Расширенную Туманганскую Инициативу.

Для стимулирования участия частного сектора в работе РТИ при Комиссии с 2007 г. действует Деловой Консультативный Совет (ДКС) (Business Advisory Council – BAC), который проводит ежегодные встречи приуроченные, когда это возможно, к встрече Комиссии РТИ. Как определялось на первой встрече Совета, его основными целями являются:

- ♦ содействие развитию экономической деятельности в регионе РТИ;
- ♦ выработка рекомендаций и предложений в области экономического сотрудничества в рамках РТИ для государственных органов стран-участниц;
- ♦ содействие формированию благоприятного инвестиционного климата в регионе РТИ;

- ◆ содействие привлечению инвестиций в регион;
- ◆ разработка механизма финансирования и определение приоритетов для финансирования;
- ◆ разработка схемы сотрудничества с новыми инвесторами.

С октября 2009 г. в Пекине начал действовать Исполнительный Комитет Совета (ВАС Executive Committee), призванный координировать работу его членов.

Постоянно действующим органом РТИ является Секретариат (Tumen Secretariat), призванный координировать деятельность всех органов РТИ и осуществлять взаимодействие между странами-членами через национальных координаторов. Секретариат базируется в Пекине. Кроме основной функции, Секретариат осуществляет руководство над структурами, созданными по приоритетным направлениям: Департамент по туризму (Tourism Board), Департамент по транспорту (Transport Board), Департамент по энергетике (Energy Board), Департамент по окружающей среде (Environment Board) и Комитет РТИ по содействию торговле (GTI Trade Facilitation Committee).

Изначально Чанчуньскими договорённостями были определены пять основных направлений сотрудничества в рамках Расширенной Туманганской Инициативы: транспорт, туризм, энергетика, торговля и инвестиции, а также сотрудничество в рамках охраны окружающей среды как связующее направление. Сотрудничество в сфере туризма предполагало выработку странами-участницами РТИ единых подходов к формулированию политики в данной области, упрощение процедурных формальностей при пересечении границы и предложение туристических продуктов различного назначения. Перспективным представлялся и процесс регионального сотрудничества в энергетической сфере. Неравномерность насыщения источниками энергетических ресурсов является основной особенностью региона СВА. Основные их потребители – Китай и Япония – практически лишены энергоресурсов, тогда как Россия выступает в качестве единственного их поставщика. В таких условиях успешное развитие региональных отношений напрямую зависит от способности стран-участниц РТИ к выработке сбалансированной энергетической политики и стратегии. Усилия РТИ также должны привести к стимулированию трансграничной торговли и повышению объёма торговых обменов между странами региона. Принципиальным также представляется вопрос охраны окружающей среды и особенно консолидация усилий приграничных стран в этом вопросе. Район бассейна реки Туманной всегда позиционировался как район с уникальной экосистемой (особенно на территории России), а потому любое расширение сотрудничества здесь требует значительных усилий по минимизации негативных последствий.

Наиболее значимым направлением сотрудничества в рамках Расширенной Туманганской Инициативы всё же представляется сфера транспорта. Проект «Туманган» образца 1991 г. задумывался во многом как транспортный узел. И сегодня транспортная составляющая РТИ, пожалуй, одна из наиболее значимых. Естественно, что развитие транспортной инфраструктуры и снижение пограничных барьеров являются необходимыми условиями для стимулирования торговли и развитию других форм региональной интеграции. Традиционно ключевой стороной, форсирующей данную составляющую РТИ, выступает Китай, нуждающийся в морских портах для транзита продукции своих северо-восточных провинций. Также традиционно в этом вопросе Монголия поддерживает все усилия Китая.

В этой связи совершенно естественно, что транспортная сфера сотрудничества в рамках РТИ представлена наибольшим количеством проектов. К их числу относятся:

- ◆ создание в СВА системы автомобильных паромных переправ;
- ◆ модернизация порта Зарубино;
- ◆ строительство железнодорожного пути из Монголии в Китай;
- ◆ завершение строительства железнодорожной ветки Махалино (Краскино) – Хуньчунь;
- ◆ проект строительства дороги и гавани на границе между Китаем и Северной Кореей.

Следует сказать, что в подобном контексте Расширенная Туманганская Инициатива становится во многом схожа с проектом «Туманган» со всеми его внутренними противоречиями и потенциальными конфликтами. Безусловно, РТИ – это уже другая форма регионального сотрудничества, но она несёт в себе многие пороки своего предшественника. И главный из них – это разнонаправленность геополитических интересов стран-участников РТИ. Страны региона до сих пор видят свои приоритеты не в форсировании интеграционных процессов, что, по сути, должно было бы максимизировать выгоды регионального сотрудничества, а в решении собственных транспортных и энергетических проблем за счёт геополитической экспансии в отношении соседей.

Стратегии стали более тонкими и изящными, но сохранили свою направленность. Так, Китай готов к компромиссам, но не готов отказываться от основных своих геополитических устремлений в отношении транзитных коридоров в сторону Японского моря. Монголия усиливает своё присутствие в регионе Северо-Восточная Азия и стремится позиционировать себя в качестве равноправного игрока. Республика Корея продолжает решать свою ключевую геополитическую задачу – объединение Кореи под властью Сеула и, исходя именно из этой стратегии, строит все свои отношения с КНДР. Северная Корея стремится минимизировать своё участие во всех сомнительных с её точки зрения проектах, справедливо полагая, что её экономический потенциал никак не может конкурировать ни с одной экономикой региона.

Существенно изменилась позиция России. Если на первоначальном этапе функционирования проекта «Туманган», в 1990-е гг., России приходилось в значительной мере дистанцироваться от подобных проектов, то сегодняшнее состояние страны позволяет проводить более гибкую политику в вопросе регионального сотрудничества. Ряд проектов в выработке электроэнергии (например, введение в эксплуатацию Бурейской ГЭС), добыче полезных ископаемых (проекты «Сахалин-1», «Сахалин-2») и развитии инфраструктуры (строительство трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан») значительно усилили экономический потенциал Дальнего Востока. Конечно, Россия и тем более её Дальний Восток ещё далеки от того, чтобы на равных конкурировать с экономиками Китая, Южной Кореи или Японии, но современное состояние страны позволяет в существенной мере влиять на региональные экономические процессы и диверсифицировать своё участие в таких проектах, как РТИ. Предложения по поставкам нефти и газа в страны региона, а также значимые проекты трансконтинентального транзита заставляют воспринимать Россию как серьёзного экономического игрока в Северо-Восточной Азии.

Подводя итог, следует сказать, что проект «Туманган» в форме ли Программы развития района реки Туманной или в форме Расширенной Туманганской Инициативы не утратил своего значения, и ещё будет определять экономические и отчасти политические отношения в регионе СВА. Его роль в системе регионального сотрудничества сегодня также

не однозначна, как и десять лет назад. Ориентация стран на реализацию собственных интересов за счёт соседа, а также возможно невольное восприятие СВА как региона контакта периферий существенно снижает экономический потенциал данной территории. В данных условиях РТИ остаётся единственной межправительственной площадкой, в рамках которой можно корректировать усилия государств региона и особенно территорий, прилегающих к Туманганскому треугольнику, с целью решения проблем экономического сотрудничества.

Спасибо за внимание!

УДК 323.1

Кузнецов А.М.
Kuznetsov A.M.

Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы

Some problems and prospects for the ethnic politics in the Russian Far East

В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с определением этнического состава населения Дальнего Востока России, включая коренное население, и перспективами этнической политики в регионе.

Ключевые слова: население, этнические общности, коренные малочисленные народы, мигрантские диаспоры, национальные меньшинства, этническая политика

Some problems of ethnic groups identification and their interaction in the Russian Far East, including the current situation with aboriginal groups and migrants diasporas, are discussed in this paper.

Key words: population, ethnic groups, aboriginal groups, migrant diasporas, national minorities, ethnic politics

1. *Что предлагается обсуждать?* Поставленная тема включает три основных аспекта анализа: собственно этнический, его включённость в определённые политические обстоятельства и региональный вариант их репрезентации (реализация на конкретной территории). В соответствии со сложившейся методологической практикой мы должны принять какие-то концепты и величины за *известные* (постоянные) единицы анализа и на их основе рассматривать то, что признаём *мало изученным* или *вообще неисследованным*. Правда, следует сразу оговориться, что очень часто сугубо *искусственная* процедура *принятия* подобных *оснований* несёт в себе опасность *приписывания* им подобного статуса как обусловленного их *реальным состоянием*. В нашем конкретном случае можно более или менее полагать достаточную определённость термина *Дальний Восток России*. Однако, вновь появляющиеся попытки его обоснования, дебаты вокруг Тихоокеанской России, создание такого нового образования как Дальневосточный федеральный округ (ДФО) или принятие государственных Программ развития, объединяющих Дальний Восток с Забайкальем и другими регионами страны, показывают – и здесь не всё ещё так однозначно [2; 30]. Поэтому в данной работе интересующий нас регион иногда будет рассматриваться в традиционном географическом понимании – без Республики Саха (Якутия). Но, если возникает такая необходимость, он будет расширен до границ Дальневосточного феде-

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: akuzn@vimo.dvgu.ru

рального округа.

Достаточно хорошо зафиксированными можно считать два интересующих нас измерения нашего округа – территориальное и демографическое. Позволю себе напомнить, что, площадь ДФО составляет 6215,9 тыс. кв. км. (36,4% территории всей страны). В то же время численность населения округа, согласно официальным данным, составила на момент фиксации 6291 тыс. человек (4,9% населения страны). Для разного рода оценок следует также учитывать ещё более существенный дисбаланс между размером территории Якутии (3103,2 тыс. кв.км.) и количеством её населения (958,3 тыс. чел.) [7; 13]. Ещё раз приходится повторить, что *масштабность территории* и сравнительно *слабая её заселённость* во многом определяли и определяют ситуацию и региона, и всего округа. Не случайно, из 40 утверждённых в стране **коренных малочисленных народов** почти половина (19) приходится на ДФО: алеуты, алыторцы, ительмены, камчадалы, керекы, коряки, нанайцы, негидальцы, нивхи, ороки (ульта), орочи, тазы, удэгейцы, ульчи, чукчи, эвенки, эвены, эскимосы, юкагиры [26]. Ещё одно слишком хорошо известное обстоятельство, которое, тем не менее, приходится ещё раз озвучить заключается в *отрицательной демографической динамике* региона. С 1970 по 1989 г. численность населения Дальнего Востока (т.е. без Якутии) возростала с 5100 тыс. чел. до 8057 тыс. чел. Последующие же двадцать лет привели к современной картине [6; 20; 33, с. 96; 50].

Впрочем, и по рассматриваемому поводу существуют альтернативные точки зрения, которые положительно оценивают эти тенденции в демографии региона поскольку: «Сегодняшняя Сибирь (сюда, конечно, попадает и большая часть Дальнего Востока – А.К.) – олицетворение экономического наследия ГУЛАГа и советского планирования ... *Треть населения страдает от дополнительных трудностей*, связанных с проживанием и работой в чрезвычайно суровых климатических условиях. *Каждый десятый живёт и работает в холодных крупных городах Сибири* – местах, где средняя январская температура колеблется в амплитуде от -15° до -45° С... Прежняя система централизованного планирования привела к тому, что *Россия в большей степени обременена проблемами и расходами, связанными с размерами её территории и холодом, чем любые другие крупные государства*, и в том числе расположенные в северных широтах – Канада, США или скандинавские страны» [43, с. 13]. Поэтому авторы, руководствуясь, бесспорно, самыми благими намерениями предложили срочно переселить население столь неблагоприятных территорий в более приемлемую для жизни европейскую часть России. Поскольку по критериям данных авторов даже Хабаровск явно не подходит для нормальной жизни, делаем выводы...

Но, если об указанных обстоятельствах не высказался только ленивый, то другие характерные черты и особенности формирования и состава населения региона гораздо реже принимается во внимание и специалистами и широкой общественностью. Следует учитывать изначальную *малочисленность коренного населения* региона и сравнительно позднее российское освоение его наиболее населённой южной части. Свою роль в последующих событиях сыграл происходивший наряду с притоком постоянного оттока части населения региона, вызвавшие здесь возникновение явления, получившего определение «*проточной культуры*». В результате даже формирование доминирующего *локального сообщества* оказалось здесь *не полностью завершённым* [9]. В силу этой и ряда других причин регион остаётся *полиэтничным* по составу населения с низким уровнем консолидации отдельных его групп. Поэтому вывод американских специалистов о том, что «регионы Дальнего Востока России являются в основном славянскими, поэтому здесь нет стимула для развития

этнического сепаратизма, в своё время приведшего к распаду Советского Союза» – представляется не вполне корректным [53, p. 48].

Однако выяснение этнического состава населения Дальневосточного округа оказывается гораздо более сложной проблемой, в сравнении с демографическими его обстоятельствами. В большинстве региональных публикаций можно встретить констатацию *многонационального* состава населения Дальнего Востока. Распространены также утверждения о проживании в регионе большого числа *национальностей* [17]. А известный специалист утверждает: «В Хабаровском крае проживает около 20 тысяч коренных малочисленных народов, в Амурской области – 1400 [35]. Конечно, здесь налицо явная нелепица, скорее всего, механическая ошибка, но и она очень показательна для ситуации с определением сущности *этнического феномена*. Ведь подобные *национально-народные* формулировки провоцируют закономерный вопрос, а причём тут собственно этническая составляющая? Близкий к интересующему нас термин всё же можно найти в некоторых официальных документах, например: «на территории Приморского края признаются и гарантируются неотъемлемые права проживающих в нём *народов, малочисленных этнических общностей* на сохранение самобытности, культуры, языка, обычаев и традиций» [36]. Следовательно, этнические общности – это те же коренные малочисленные народы? Но уже в другом случае при обсуждении вопросов *этнокультурного взаимодействия* речь ведётся уже только об отношениях с китайцами, американцами и некоторыми другими иностранцами [8].

Все эти термины собирает вместе другой документ, на этот раз авторитетной общественной организации Ассамблея народов России. С одной стороны, это обращение пытается убедить нас: «*Этнический фактор* – это не миф, а *суть нашей социальности, духовности* и даже *государственности*. Он автоматически превращается в фактор этнополитический, националистический, взрывоопасный, если пренебрегать им. А на его перевод в постконфликтное, эволюционное русло нужны десятилетия» [22]. Но затем и его авторы почему-то предпочли обсуждать более привычный для нас термин: «*Нации* являются коллективными формами существования людей в самобытных, историко-культурных формах общности. Это свойственно для человеческого сообщества в целом... Поэтому мы рассматриваем *многонациональность* России как наше важное историческое достижение, а не недостаток, как твердят противники сохранения *национальных особенностей народов*». Но не стоит торопиться отождествлять этносы с нациями. Далее было сделано важное заявление: «*Нации-этносы* – это *исторические общности с самобытным социальным и культурным опытом развития и сотрудничества*. Они представляют собой не автономные образования, а столетиями являются составными частями единой социальной, духовной и государственной общности России... Важно учитывать, что *нации в России составляют многонациональность, а многонациональность пронизывает жизнь каждой российской национальности*. Именно это и определяет основополагающие цели национальной политики» [22]. Поэтому существуют *нации и нации*.

Представленная в данном документе примечательная дихотомия *этнос-нация* является очень показательной для предпринимаемых в нашей стране попыток обсуждения этнических проблем. Но, как показал известный московский этнополитолог С.В. Соколовский: «... в различных в текстах современного конституционного права России обнаруживается около 20 терминов (начиная со сталинской триады «племя-народность-нация» и заканчивая нечётко определёнными «национальными группами», «малочисленными этническими общностями»

и «диаспорами») *весьма бессистемно употребляемых для обозначения субъектов и объектов (этно)национальной политики»* [34, с. 14]. Где же в приведённом ряду терминов и слов место собственно этнических образований сказать трудно. Приходится констатировать, что, несмотря на некоторое признание термина этнос и его производных его значение не всегда очевидно даже для тех авторов, которые его использует. Причину происходящего ещё раньше отметил другой московский исследователь В.Р. Филиппов. Он справедливо указал, прежде всего, на *этноисторическое* содержание концепта нация, которое хорошо отработано в зарубежной, прежде всего, англоязычной литературе, но практически не учитывается у нас [39, с. 39-41]. В соответствии с данной трактовкой, *нацией* можно определяться только *общность людей на уровне всего государства*, т.е. *население целой страны* (идея *гражданской нации*). Насколько мне удалось установить, в мире есть только три страны, признающие *многонациональную природу своего населения*: Россия, Канада и Китайская Народная Республика. К чему приводит такое допущение можно понять на примере дискуссий, возникших в Китае, в связи с определением статуса этнических монголов – почему они могут считаться в Китае частью *китайской нации*, в то время как в Монголии они остаются монголами? [19, с. 166]. Следовательно, заявки на существование на Дальнем Востоке России отдельной нации (наций) могли бы быть приемлемы во времена существования Дальневосточной республики как самостоятельного государства. *В настоящее время же мы должны твёрдо усвоить, что все общности и группы населения российского Дальнего Востока являются частью общегражданской российской нации, единство которой обусловлено фактом существования государства Российская Федерация. К собственно этнизированным образованиям, как полагают многие зарубежные специалисты, должны относиться в первую очередь общности, известные как «аборигенное население» или «коренные малочисленные народы».* Такой вывод представляется тем более правомерным, что именно эта часть населения традиционно является объектом науки – *этнографии*.

2. *«Коренные малочисленные народы» Дальнего Востока и некоторые проблемы «этнокультурных общностей».* В последнее время общности, определяемые подобным образом, вообще получили особое место в мире и в нашей стране. Их права защищает такой влиятельный орган как Организация Объединённых Наций [11] и собственные организации, в том числе Всемирный союз коренных народов. В соответствии с принятыми международными обязательствами и с «духом времени» Российская Федерация принимает свои законы по охране малочисленных коренных народов [37; 38 и др.]. Их делами в нашей стране занимаются общественные организации, например, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока или же административные учреждения вроде Экспертно-консультативного совета по делам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе. Поскольку некоторые из общностей подобного рода оказались в разных государствах, например, нанайцы и эскимосы (инуиты), то к вопросам их повседневной жизни могут обращаться непосредственно главы государств [25]. Подобные начинания можно рассматривать как *внедрение нового курса по отношению к коренному населению*.

Как известно, в течение предшествующего времени практиковались две основные стратегии решения проблем данных общностей. Первая, получившая воплощение, прежде всего, в США, была связана с созданием *резерваций*. Но, как констатировали в начале 1980-х гг. американ-

ские исследователи, её результатом явилось превращение этих осколков *индейских территорий в настоящий аналог «третьего мира» в самих Соединённых Штатах [48, 1984, р. 230]*. Свои сложности в отношениях с коренным населением испытывает и Канада, в которой насчитывается до 600 различных групп такого рода. Другую стратегию, более известную как *некапиталистический путь развития*, реализовал СССР. Несмотря на определённые успехи в этой области, нельзя сказать, что она привела к полному решению поставленных перед ней задач. Новый этап демократического транзита в мире, проявившийся в последней трети прошлого века, осмысление опыта прежней этнической политики заставили искать новые пути в отношениях с рассматриваемой частью населения своих стран. Современные подходы в данной сфере, в частности, предусматривают *защиту территориальных прав коренного населения и предоставление его общностям более широкого самоуправления [47]*. Тем не менее, принятые меры не снимают вопроса о дальнейших судьбах коренного населения мира и перспективах его интеграции в основное общество своих стран.

Свой вклад в решение обозначенных проблем постарались внести и дальневосточные философы. В рамках разработки идеи *метакультуры* некоторые из них видят выход из сохраняющейся неопределённости с положением «коренных малочисленных народов» через очередное преобразование их культуры. Полагая, что «главным признаком *растворения культуры в окружающей среде, является отсутствие творческих произведений на языке данной культуры»*, они дают рекомендацию по преодолению этого недостатка [45, с. 163 прим.]. В общих чертах она сводится к спасению «малой» культуры через «введение в неё *символов (прежде всего символов священного) иной более масштабной культуры, но на её родном языке» [45, с. 164]*. Приверженцы такого подхода признают, что «большую роль в формировании *идеи коренных малочисленных народов* могла бы сыграть *этнография, переосмысленная как метакультурная форма бескорыстного интереса к другому*». Однако это, по их убеждению, должна быть совершенно другая этнография, свойственная «*метакультурному сообществу*», которое «*возникает как ответ на переход культуры в новое состояние, когда в результате интенсификации связей между различными культурами последние выходят на ступень рефлексивного осознания своих отличий друг от друга и использования этих отличий в качестве отправных пунктов для взаимного развития» [24, с. 168-169]*.

Принимая в определённой степени «*культурологический посыл*» данных рекомендаций, хотелось бы отметить, что вся предыдущая история интенсификации связей между культурами «больших» и «малых» народов явилась *не формированием «отправных пунктов для взаимного развития», но катастрофической деградацией культур и самих общностей коренного населения*. Уже давно известные в этнографии/антропологии проблемы *аккультурации* подвигали представителей этой отрасли знаний как раз *к максимальному ограждению этих разных культур от интенсивных контактов*. Как отметил американский исследователь Д. Фишман: «*Антропология и социология, наконец, признали действительную обоснованность кошмара примордиалистов: народы, утратившие свой исторический язык и традиционно связанную с ним этнокультуру, испытывают на себе мучительный опыт пребывания «между жизнью и смертью». Они утрачивают сложившиеся представления о нравственности, добродетельной жизни, преимущества поколений, значимости прошлого, настоящего и будущего, заслуженного места в более важном замысле. Такая утрата происходит задолго до того, как происходит полное изложение, усвоение, установление*

и осуществление нового самостоятельного образа действий и нормативных ожиданий» [40, с. 120]. Поэтому хотелось бы ещё раз обратить внимание всех авторов, «отстранённо» подходящих к проблемам коренных малочисленных народов, на необходимость более осторожных и ответственно-компетентных рекомендаций. Оставляя в стороне конкретно профессиональную аргументацию, хотелось бы отметить, что коренные малочисленные народы представляют собой вообще *предэтнические общности – клановые объединения*. В условиях развития глобализационных процессов эти оставшиеся по своему укладу вне модерна объединения, действительно, нуждаются во всесторонней поддержке со стороны своего государства. При разработке соответствующих мер следовало бы учитывать, что такая поддержка не может ограничиваться, при всей их важности, только развитием профильного законодательства и развития инфраструктуры [2; 19]. Здесь нельзя не согласиться с нашими философами – важную роль в решении рассматриваемой проблемы должна сыграть определённая политика по поддержке и развитию традиционной культуры коренного населения региона.

3. Мигранты и диаспоры Дальнего Востока – решение демографических проблем или новые угрозы? Следующим претендентом на место собственно этнических образований могут выступать сообщества *иммигрантов*, особенно, так называемых, «видимых мигрантов» резко отличающихся от остального населения даже по внешнему облику, не говоря уже о культурных и т.д. различиях. Не случайно многие зарубежные авторы полагают, что этничность является характерным признаком и данных объединений [52]. В силу близости к Китаю тема миграции из этой страны также остаётся обострённо популярной для южной части Дальнего Востока России [например, 31; 47]. Действительно, наличие общей протяжённой границы создавало особые условия для китайских мигрантов на Дальнем Востоке конца XIX – начала XX вв. [1]. Однако, как показал в своей работе С. Хантингтон, *развитие современных средств транспорта и связи изменили положение мигрантских групп во всём мире. Теперь мигранты, фактически в любой части планеты могут не терять связи со своей родной страной*. В результате многие страны, включая КНР, Мексику, Филиппины и др., стали на государственном уровне поддерживать своих соотечественников, переселившихся в другие страны. Как следствие мигранты не теряют своей культурной самобытности и их ассимиляция сталкивается со значительными трудностями [41]. Сохранение мигрантами, подобно коренному населению, своей «инаковости» в странах прибытия, действительно, является основанием для признания за ними обладания свойством этничности.

В последнее время с китайской миграцией в регионе, похоже, начинает сравниваться, а в некоторых случаях уже может и превзойти её по своим масштабам поток переселенцев из разных государств Средней Азии, прежде всего, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. Причём, некоторые предварительные данные позволили констатировать перемещение, например, в Приморский край, прежде всего, выходцев из Узбекистана, на Сахалин – из Киргизии и т.д. Эти новые миграционные реалии только становятся предметом заинтересованного обсуждения, но сегодня они заслуживают не меньшего внимания, чем пресловутая «китайская угроза» [14]. Подобная постановка вопроса тем более правомерна, что она связана с распространением на Дальнем Востоке ислама в несопоставимых с прежними показателями масштабах. Ранее проявившаяся активность в регионе адептов различных нетрадиционных религий заставляет теперь рассматривать наш регион как многорелигиозный и поликонфессиональный. Однако, это отдельный аспект проблемы, анализ которого выходит за рамки данной работы. Тем не менее,

в любом случае хотелось бы, чтобы СМИ, которые наиболее оперативно освещают такие проблемы, были более ответственными в приводимых ими данных [например, 32].

Для оценки перспектив новых мигрантских объединений на Дальнем Востоке России следует обратиться к истории ранее сложившихся диаспор региона [28; 29 и др.]. Известно, что в освоении региона принимали участие отдельные представители и целые группы различных общностей России и некоторых других стран. В течение советского периода, особенно после провозглашения возникновения «новой исторической общности – советского народа», этноспецификация как-то стала уходить в тень. Однако в постсоветское время, когда быть «этническим» стало можно, а иногда даже выгодно, ситуация стала быстро меняться. В соответствии с действующим законодательством стали возникать объединения, получившие название *национально-культурные автономии*. Согласно опубликованным данным, на Дальнем Востоке действуют автономии: украинцев (Камчатский край); эвенков (Амурская область); евреев (Еврейская автономная область); евреев, корейцев, татар (Хабаровский край); белорусов, корейцев, украинцев, литовцев, евреев, немцев (Приморский край); эвенков, украинцев, татар (Сахалинская область); чеченцев, эвенков, немцев (Республика Саха (Якутия) [12, с. 110-117]. Говоря другими словами, получается, что, несмотря даже на длительное пребывание в регионе, ряд общностей сохранил представление о своей «этнокультурной» самобытности. Изменение же политических реалий в мире оказывает своё влияние на положение дальневосточных диаспор. Поэтому не всё так просто складывается сегодня и в сфере «славянского единства». Известно, что выходцы с Украины сыграли значительную роль в освоении юга Дальнего Востока. Причём на первых этапах освоения региона часть украинцев занимала здесь особую позицию [43]. В советское время в силу удалённости от родных краёв начиналось постепенное обрусение ряда общностей, в том числе и украинцев. Достаточно показательной является статистика, согласно которой на 1970 г. на Дальнем Востоке украинцы составили лишь около 8% населения [33]. После распада СССР, создания независимой Украины и внедрения новой «этнокультурной» политики мы вновь можем наблюдать активизацию украинских диаспор на Дальнем Востоке. Причём, свою роль в этом процессе играет открытое во Владивостоке Генеральное консульство Украины.

Заметная специфика сохраняется и в положении корейской диаспоры Сахалина, даже в сравнении со сходными образованиями, например, на территории того же Приморья. Дело в том, что она складывалась в период японской оккупации южной части Сахалина за счёт насильственного перемещения части населения преимущественно с юга Корейского полуострова. В свою очередь, приморская диаспора начала формироваться ещё во второй половине XIX в. после переселения корейцев с севера полуострова [5; 15]. Понятно, что совершенно особое место среди других диаспоральных образований региона занимает также еврейская общность, сохранившая в рамках Российской Федерации свой административно-территориальный статус [4].

Следует напомнить, что в течение длительного периода политика в отношении *мигрантов* была однозначно ориентирована на их *ассимиляцию* принимающим обществом. Успехи «плавильного тигля» в такой крупнейшей стране, основанной переселенцами, как Соединённые Штаты Америки, определили признание такой политики и другими странами. Однако развитие глобальной миграции после окончания второй мировой войны, а также трудности с ассимиляцией коренного населения и некоторых других общностей, например, афроамериканцев показали не-

эффективность прежнего курса. Произошедшая вскоре «революция прав человека» также сделала неприемлемыми некоторые прежние правила и установки. Новые условия заставили признать право мигрантов на сохранение своей «этнокультурной» самобытности, а прежняя политика в их отношении в 1970-е гг. сменилась политиками признания, положительных действий, идентичности и мультикультурализма [55]. Официально основной целью всех этих новых направлений политики была объявлена помощь иммигрантам в скорейшей интеграции в принимающее общество [53]. Сегодня, оценивая опыт мультикультурализма в Северной Америке, Австралии и Западной Европе, многие авторы сходятся во мнении, что подобные начинания не только не решили прежние проблемы, связанные с мигрантами, но и породили новые. В этой ситуации публичный отказ вслед за канцлером Германии и президентом Франции премьер-министра Великобритании Д. Камерона от политики мультикультурализма представляется очень знаменательным. Как заявил он в своей известной речи: «Под влиянием доктрины официального мультикультурализма мы позволили отдельным культурам существовать изолированно друг от друга и от основного общества. Мы потерпели неудачу в попытке внедрить такое видение общества, чтобы они почувствовали, что хотят к нему принадлежать. Мы даже потворствовали подобным сегрегированным общностям вести себя в разрез нашим ценностям» [54].

Так что, исторический опыт, в том числе нашего региона, и современные реалии показывают – *надеяться на скорую адаптацию, а тем более интеграцию в принимающее сообщество новых потоков мигрантов на Дальний Восток не приходится*. Более того, сегодня можно видеть всё больше примеров, когда отдельные диаспоры начинают играть всё более значительную роль, в том числе, и в политической жизни других государств [14]. Но, если ассимиляция уже не работает, а мультикультурализм себя не оправдал, какую же тогда политику вести в отношении мигрантов – вот вопрос, который пока не получил ответа. Для меня же в данной работе более важно отметить, что *диаспоры мигрантов являются уже эми, т.е. постэтническими образованиями*. Но в любом случае, игнорирование этнической составляющей мигрантских диаспор, характерное для большинства пишущих о них авторов, делает предлагаемые в таком случае выводы недостаточно обоснованными. Что же тогда в нашем случае будет относиться к собственно этническим общностям?

4. Общие моменты этнополитической ситуации и межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России

Поиск собственно этнического может продолжаться бесконечно долго, особенно учитывая плюрализм существующих трактовок данного феномена, если не ввести его критерии. В самом общем, нестрогом определении этническая общность может быть определена как «народ». В свете наиболее эвристичного варианта теории этноса, предложенного С.М. Широкогоровым, *этническая общность является устойчивым, но динамическим объединением людей, связанных с определённой территорией*. Она должна иметь *уровень собственной социально-культурной организации, обеспечивающий существование и воспроизводство самой общности и составляющих её индивидов, а также их сохранение в условиях изменений окружающей среды, в том числе влияния других этнических общностей, и составных компонентов, образующих данную общность*. Решение этих задач во многом обеспечивается благодаря сложившимся в данной общности механизмам *психоментального комплекса* [16]. Следует также учитывать, что в настоящее время *этнические общности включены в определённое политическое пространство соответствующих государств и поэтому этнический фактор тесно связан с*

политическими обстоятельствами. Поэтому в свете приведённого определения можно констатировать существование русской, украинской, немецкой, китайской, американской и т.д. этнических общностей. При этом только следует отметить, что они являются ещё и *государствообразующими общностями*, а вследствие этого обстоятельства *базовыми составляющими российской и других наций*. В силу федеративного устройства Российской Федерации в ней, как и в бывшем Советском Союзе, существуют субъекты, имеющие статус *национальных республик*. При этом, зачастую «*титовская нация*» в таких образованиях не составляет абсолютного большинства населения. В других условиях именно подобные общности могли бы определяться как *собственно этнические*. В зарубежной традиции они чаще фиксируются как национальные меньшинства [44], а нашей практике, восходящей ещё к *сталинской* трактовке *нации*, дублирующей научное определение этнической общности, они фигурируют именно таким образом. Отсюда и идут наши формулировки о многонациональном характере народа Российской Федерации

Сохраняющаяся неопределённость в различении этнической общности и нации от других видов «этнизированных» объединений является причиной постоянной путаницы и следующих за нею ошибок. Учитывая сохранение в международной практике, например, нормы «О праве нации на самоопределение» достаточно будет взять некоторые наши документы и публикации, чтобы выдвинуть претензии не только на «северные территории», но и на российский Дальний Восток в целом. Сегодня же, в свете потенциала, накопленного современной наукой, в частности, такой её отрасли, как этнополитология, вполне определённо можно утверждать, что *заявления о многонациональном составе населения Дальнего Востока России или о наличии здесь непомерно большого числа этнических общностей являются неправомерными*. Как было показано, в значительной степени для региона характерны *пред- и постэтнические объединения*. Основная же часть населения региона, в том числе русские, просто является *частями крупных этнических общностей*. Поэтому в отношении различных общностей региона, характеризующихся свойством этничности, должны применяться соответствующие им решения и действия.

Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и другое обстоятельство. За достаточно продолжительное время существования в рамках *единого государства* все эти различные общности, объединения и образования накопили ценный *опыт взаимодействия*, позволяющий рассматривать их как реальное *национальное единство*, которое может и должно стать важным потенциалом для дальнейшего развития страны и её дальневосточного региона. Однако для того, чтобы это произошло нам необходимо *компетентно и ответственно* осмыслить нашу историю присутствия в регионе, его реалии, в том числе и проблемы. Следует также учитывать, что сегодня современная *этнополитическая ситуация региона существенно меняется* и в ней возникают *новые риски и угрозы*. Не случайно, даже зарубежные исследователи характеризуют наш регион как «зону риска» [56]. Указанные особенности Дальнего Востока России определяют и специфику протекания здесь процесса этноса в сравнении не только с зарубежными странами, но и такими регионами России, как Поволжье и Кавказ. Межэтническое взаимодействие вообще относится к числу наиболее сложных проблем и для его исследования необходимы адекватные средства анализа, предполагающие полидисциплинарность применяемых подходов. Поэтому мы не можем механически внедрять у себя зарубежный и некоторый собственный опыт в данной сфере. Но это – та сторона вопроса, которая нуждается ещё в более углублённой разработке.

Как показал известный исследователь Ю.В. Громько, существует и другая сторона проблемы: «Нам в любом случае нужна некая *непротиворечивая единая идеология*, поскольку это напрямую связано с идентичностью, и с *самосознанием* – с вопросом: кто я? Лишь ответив на него, *разобравшись в своих внутренних проблемах*, мы сможем понять, что нам нужно и что *мы сможем сделать с китайцами, немцами или американцами*» [10]. Поэтому в условиях *пограничного положения* Дальневосточного региона мы должны не столько развивать всё то, что *углубляет разделение основных общностей и групп его населения*, в том числе *этнизированных*, сколько делать ставку на то, что нас будет ещё больше *объединять*. Не менее очевидно, что многие из указанных проблем российского Дальнего Востока можно успешно решить при наличии обоснованной политики Федерального центра. Такая политика должна способствовать сохранению внутренней стабильности региона в условиях его слабой заселённости, при полиэтническом, а теперь ещё и поликонфессиональном составе населения. Но одновременно она не должна препятствовать развитию отношений с соседними странами, несмотря на преобладающую и даже абсолютно доминирующую численность их населения, а также их возрастающий научно-технический потенциал.

Литература

1. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический // Записки Приамурского отделения Императорского Русского географического общества. Т. III. Вып. 1. Хабаровск. 1914
2. Басыгысов В. Северные кладовые ждут комплексной модернизации // Парламентская газета на Дальнем Востоке. № 8-9. Июнь 2011
3. Бляхер Л.Е. Дальний Восток в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. № 3. С. 102-118
4. Бляхер Л.Е. Пегин Н.А. Биробиджан: между потёмкинской деревней и nation-building // Политика. 2011. № 1. С. 117-134
5. Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск. Южно-Сахалинский государственный педагогический институт. 1993. 219 с.
6. Ващук А.С. Юг российского Дальнего Востока: новый «облик» демографических и миграционных угроз в начале XXI в. // Приморье: народы, религии, культуры. Владивосток. Управление внутренней политики Приморского края. 2010. С. 15-23
7. Ващук А.С., Герасименко А.П., Коваленко С.Г., Коныхина А.П. Дальневосточный федеральный округ // Страны Северо-Восточной Азии в начале XXI века. Научно-справочное издание. Владивосток. Дальнаука. 2011. С. 8-65
8. Гарусова Л.Н. Проблемы этнокультурного взаимодействия в АТР (на примере Российского Дальнего Востока) // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков. Вып. 2. Владивосток. Изд-во ВГУЭС. 2008. С. 168-183
9. Говорухин Г.Э. Дальний Восток и глобальное пространство современного мира // Тихоокеанский регион в пространстве глобализации. Владивосток. Изд-во ВГУЭС. 2010. С. 8-11
10. Громько Ю.В. Восток – дело национальных интересов // Золотой рог. 10.07.2003

11. Декларация Организации Объединённых Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org> [дата обращения 9.06.2011]
12. Ерофеев Ю.И. Национально-культурные автономии: статистика и комментарий. М. 2010
13. Информация о регионе. Дальневосточный федеральный округ. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dfo.gov.ru> [Дата обращения: 11.06.2011]
14. Ким А.С. Этнополитические исследования современных диаспор (конфликтологический аспект). Автореф. дисс. докт. полит. н. Санкт-Петербург. 2009. 42 с.
15. Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагическая судьба. Документально-исторический очерк. Южно-Сахалинск. Дальневосточное книжное издательство. Сахалинское отделение. 1993. 368 с.
16. Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 57-71
17. Кузьмина О.В. Реализация государственной этнонациональной политики в Приморском крае // Россия и АТР. 2010. № 2. С.181-188
18. Матвеев А. Ответ на вызов времени // Парламентская газета на Дальнем Востоке. № 8-9. Июнь 2011
19. Москалев А.А. Нации и национализм в Китае. М. Памятники исторической мысли. 2005.
20. Мотрич Е. Проблемы демографии и миграции на Дальнем Востоке. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dvforum.ru> [дата обращения 13.06.2011]
21. Мотрич Е. Положение коренных малочисленных народов Хабаровского края // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 г. М.2010. С. 506-512
22. О национальном самочувствии народов России. О состоянии и перспективах государственной национальной политики. Ассамблея народов России. Специальный доклад Президенту российской Федерации. М. 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ng.ru> [Дата обращения 21.06.2011]
23. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sibfo.ru> [Дата обращения 14.06.2011]
24. Поповкин А.В. Народная идея и её роль в диалоге культур // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 165-169
25. Президенты России и США объявили о своей приверженности развитию диалога с коренными народами [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narodsevera.ru/news> [Дата обращения 11.06.2011]
26. Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 N 536-р (ред. от 18.05.2010) Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации
27. Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 N 132-р О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации
28. Романов В.В. Евреи на Дальнем Востоке России (II половина XIX в. – I четверть XX в.). Хабаровск. Изд-во Хабаровского гос. пед. университета. 2000
29. Сагитова И.О. Диаспоральные общины Приморского края: история и современность. Владивосток. Российская таможенная академия. Владивостокский филиал. 2007
30. Саначев И.Д. «Российский Дальний Восток» как научная дефиниция: понятийная постановка проблемы // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков. Политика. Экономика. Безопасность. Владивосток. Изд-во ВГУЭС. 2005. С. 28-34

31. Сатаев А.Г. Китайская миграция на Российский Дальний Восток: причины, масштабы и последствия явления (политический и социально-экономический аспекты). Автореф. дисс... канд. полит. н. Владивосток. 2009
32. Ситников М. В Приморье за полгода поселилось 140 тысяч гастарбайтеров // Комсомольская правда. Владивосток. 27 июля 2011
33. Советский Союз. Географическое описание в 22 т. Дальний Восток. М. Мысль. 1971
34. Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М. «Привет». 2004
35. Тураев В.А. Коренные народы Дальнего Востока: политический статус и региональная политика. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnonet.ru> [Дата обращения 15.06.2011]
36. Устав Приморского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.primorsky.ru> [Дата обращения 17.06.2011]
37. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ О гарантии прав коренных малочисленных народов Российской Федерации с изменениями и дополнениями. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru> [Дата обращения 15.06.2011]
38. Федеральный закон от 20 июля 2000 года N 104-ФЗ Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации
39. Филипов В.Р. Критика этнического федерализма. М. Центр цивилизационных и региональных исследований РАН. 2003
40. Фишман Д. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь языка с этничностью с точки зрения учёных и повседневной жизни // Логос. 2005. № 5. С. 132-140
41. Хантингтон С. Кто мы? АСТ. Транзиткнига. М. 2004
42. Хилл Ф., Клиффорд Г. Сибирское бремя просчёты советского планирования и будущее России: пер. с англ. М. Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям 2007. 328 с.
43. Черномаз В. А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917-1917-1922 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток. 2005
44. Шерцер Р. «Проблема» национальных меньшинств // Политическая наука. 2011. № 1. С. 98-130
45. Ячин С.Е. Миноритарные общности в антиномиях современной культуры // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 160-164
46. Alexseev M. Chinese Migration and the Russia Far East% Security Threats and Incentives for Cooperation in Primorskii Krai // Russia's Far East. A Region at Risk. ed. by J. Thornton, Ch. Ziegler. Seattle and London. University of Washington Press. 2002. P. 319-349
47. Citizenship in Diverse Societies, ed. by W. Kymlicka, W. Norman. Oxford, New York. Oxford University Press. 2000
48. Deloria V., Little C. The Nations Within: the past and future of American Indian sovereignty. New York. Pantheon Books. 1984
49. Heleniak T. Demographic Changes in the Russian Far East. // The Russian Far East and Pacific Asia: unfulfilled potential. Ed. by M.J. Bradshaw. Richmond, Curzon. 2001. P. 127-153
50. Hitztaler S. Ethnography of a Post-Soviet Landscape: Exploratory the Dynamics among Forests, Peoples, and Resources Use in Central Kamchatka. Ph D Dissertation. University of Michigan. 2010. 352 p.
51. Kymlicka W. Finding our Way. Rethinking ethnocultural relations in Canada. Oxford: Oxford University Press, 2004.
52. Kymlicka W. Politics in Vernacular. Nationalism, Multiculturalism and Citizenship. Oxford University Press. 2001
53. Menon R., Ziegler Ch. The Balance of Power and the U.S. Foreign Policy Interests in the Russian Far East // Russia's Far East. A Region at Risk. ed. by J. Thornton, Ch. Ziegler. Seattle and London. University of Washington Press. 2002.

P. 35-58

54. PM's speech at Munich Security Conference. [Электронный ресурс]. The official site of the Prime Minister's office URL: <http://www.gov.uk> [Дата обращения 4.06.2011]

55. Pieters J.N. Ethnicities and Global Multiculturalism. Pants for an Octopus. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, Uk. Rowman & Littlefield Publishers. 2007

56. Russia's Far East. A Region at Risk. ed. by J. Thornton, Ch. Ziegler. Seattle and London. University of Washington Press. 2002

57. Citizenship in Diverse Societies, ed. by W. Kymlicka, W. Norman. Oxford, New York. Oxford University Press. 2000

58. Thornton J., Ziegler Ch. The Russian Far East in Perspective // Russia's Far East. A Region at Risk. ed. by J. Thornton, Ch. Ziegler. Seattle and London. University of Washington Press. 2002. p. 3-35

УДК 39+37.01

Чеснокова Н.В.
Chesnokova N.V.

Этнокультурные аспекты адаптации китайских студентов в России

Ethnocultural aspects of Chinese students' adaptation in Russia

В статье рассматривается ряд основных этнокультурных особенностей китайцев через призму их адаптационного потенциала – соционормативная культура, менталитет, этническая психология, религия и пр. Речь идёт об особенностях социокультурной адаптации китайских студентов, обучающихся в России и о том, как те или иные характеристики этнической культуры соотносятся с эффективностью данных адаптационных процессов.

Ключевые слова: *адаптация, китайцы, студенты, этническая культура, этническая психология*

The article shows a row of basic ethnocultural particular qualities of the Chinese – socionormative culture, mentality, ethnic psychology, religion, etc. – from the point of view of their adaptive potential. We mean the specific of Chinese students' sociocultural adaptation in Russia and a correlation of the ethnic culture's characteristics with the adaptive processes effectiveness.

Key words: *adaptation, Chinese, students, ethnic culture, ethnic psychology*

Китай принадлежит к числу тех стран, которые в значительной степени занимают умы людей и возбуждают интерес. При этом практически любое представление об этой стране начинается с осознания её уникальности, особенности, непохожести. Научно-популярные работы о Китае, издаваемые на Западе и в России, начинаются примерно одинаково. Например: «Начало этой книги там, где у китайских книг бывает конец. Вот уже тысячи лет китайцы читают справа налево и, значит, от конца к началу. Что, в сущности, не соответствует истине, ибо там, где у нас конец, – у них начало. Если надо улыбнуться в фотоаппарат, они не говорят по-английски «сыр», но по-китайски «баклажан». Суп они не едят, а пьют, и делают это не перед едой, а после. Фамилия у них предшествует имени. В их сердце живёт разум, цвет их траура – белый». [6, с. 3]. И хотя автор книги – европеец, вся эта несхожесть действительно и по отношению к российской культуре. Насколько же сильно она влияет на процессы социокультурной адаптации и в каких именно своих проявлениях?

На формирование личности в соответствии с правилами китайской цивилизации большое влияние оказало учение Конфуция. Нравственный идеал конфуцианства – личное совершенствование, неустанное

ЧЕСНОКОВА Надежда Владимировна, старший преподаватель Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир). **E-mail:** cnadezhda@yahoo.com

«превозмогание себя», подвижничество, в котором человек духовно мужает, очеловечивает сам себя, притом делает это непременно в общении с другими.

Конфуцианские нормы поведения на первое место выдвигают уважение к старшему, преклонение перед его авторитетом и подчинение ему. Отношения в обществе структурируются с помощью специальных правил «ли». Понятие «ли» стало высшим символом ритуализированной этики, превратилось в наиболее общую характеристику правильного, даже идеализированного социального устройства и поведения человека. В современном Китае концепции «ли» не утратили своего значения, что нашло своё отражение в особенностях поведения в общественных местах, в отношениях с родственниками, друзьями, незнакомыми людьми.

Вообще, идея совместного гармоничного сосуществования людей является центральной для китайской культуры. «Любой китаец на вопрос о том, что для китайцев есть высшая ценность, не задумываясь, ответит: согласие, или гармония (хэ) между людьми. ... речь идёт об общении, которое основывается на природной данности жизни, но артикулируется и регулируется посредством того, что в Китае называют «ритуалом» (ли), то есть определённым действием, одновременно нормативным и символическим» [5, с. 17]. Приверженность идее «ритуала», осознанная или неосознанная, облегчая жизнь китайцев у себя на родине, осложняет их полноценное вхождение в инокультурную среду. Поскольку им неведомы или недостаточно известны столь значимые для них нормативно-символические коды чужой культуры, зачастую они предпочитают замкнуться в рамках своего сообщества, в том числе, чтоб не потерять своё «лицо». Особенно трудно это в ситуациях, подобных той, что сложилась сегодня в России, когда система норм и правил, кодов и символов находится в стадии трансформации, сложения, а потому и у самих россиян зачастую возникают сложности, связанные с её освоением.

«Этика лица» играет огромную роль в китайской соционормативной культуре. Суть её заключается в осознании чувства собственного достоинства и достоинства других. Забота о «лице» ведёт к формированию стремления избежать конфликта в межличностных отношениях. Избегание конфликта, поддержание социальной гармонии выступают в традиционной этической системе китайцев и как весьма значимые самостоятельные ценности. Сохранение «лица» играет важную роль в жизни современных китайцев. Для них свойственно стремление сохранить устоявшиеся связи, избегать конфликтов, проявлять уступчивость [1, с. 134-135].

Особенности соционормативной культуры тесно связаны с важным для китайцев противопоставлением по принципу «свой» – «чужие», продолжающим играть довольно существенную роль. Сторонники конфуцианства полагали, что природа человека не позволяет ему распространить привитые в семье чувства любви к ближнему на всех людей. По словам заведующего Отделением иностранных языков Шенцзэнского университета, «деление на «своих» и «чужих», на членов группы и тех, кто ими не является, существенно в жизни китайцев. Осуществляется деление на китайцев и иностранцев, на работников, членов коллектива, и людей за его пределами. Для китайцев коллега есть коллега, друг есть друг, а иностранец есть иностранец. Это три разных идентичности и роли, которые не должны смешиваться. Иностранным друзьям приходится проделывать длинный путь, чтобы стать в Китае «своими»» [7, с. 366-367].

Культурная отчуждённость, замкнутость, нежелание интегрироваться являются в том числе одной из немаловажных причин настороженного, порой предвзятого отношения к китайцам, проживающим в России. Интересно, что число китайцев, получивших российское гражд-

данство через брак с гражданами России, ничтожно мало: сотни человек в масштабах страны [3, с. 339].

Китайский социум, таким образом, включает в себя три сферы отношений. Внутренняя сфера представлена в первую очередь семьёй, естественным жизненным коллективом, в рамках которого поведение индивида определяется понятиями о безусловном нравственном долге. Внешняя сфера – устойчивые связи профессионального, делового или личного характера, где отношения строятся на основе взаимной выгоды. Самая внешняя сфера, по существу асоциальная, – круг незнакомых и посторонних людей. По отношению к ним нет никаких «человеческих обязательств». В этом отношении интересен случай, приведённый В. Малявиным. «Помню, как в свой первый приезд в китайскую деревню я стал по русскому обыкновению здороваться с местными жителями, которые в ответ проходили мимо с каменными лицами. Видя моё недоумение, мой спутник, уроженец этой деревни, сказал мне: «У нас не принято здороваться с незнакомыми людьми». А ведь речь шла об односельчанах, которые, несомненно, знали друг друга в лицо. Разгадка проста: не следует обращать внимания на того, с кем тебя не связывают «человеческие обязательства»» [5, с. 25].

Здесь отметим замечания, высказываемые в ходе проведённых исследований как российскими, так и иностранными студентами по поводу нередко возникающих трудностей сосуществования со студентами из Китая в условиях общежития, связанных с игнорированием этих самых норм общежития. Хорошо эту особенность поведения иллюстрируют слова гонконгского социолога Сунь Лунцзи (хотя, к счастью, далеко не всегда эти поведенческие особенности принимают какие-то крайние формы и проявления): «Можно сказать, что с самого рождения китаец вовлечён в сеть межличностных отношений, которая определяет и организует его существование, контролирует его сознание. Когда китайский индивид не находится под контролем сознания окружающих, он становится самым эгоистичным из людей, живёт совершенно беспорядочно и втягивает в этот беспорядок других».

Исходя из вышеизложенного, мы видим, что этническая культура, и в первую очередь её соционормативная составляющая, предрасполагает китайцев, попавших на относительно длительный срок в иноэтническую среду, скорее к аккомодации, нежели чем к социокультурной адаптации. То есть к псевдоадаптации, компромиссу, достигаемому на внешнем уровне путём примирения с окружающей действительностью при сохранении социальной дистанции. Подтверждением тому служит, как правило, невысокий уровень социальной активности китайских студентов. Часто сохраняется дистанцированность и замкнутость внутри этнической группы. Преподаватели, работающие с китайскими студентами, отмечают свойственное им чувство превосходства собственной культуры, скрывающееся, впрочем, за традиционной вежливостью и почтительностью, что соответствует вышеизложенному. Среди китайских студентов редко встречаются лидеры, люди, встающие во главе интернациональных объединений и мероприятий.

Существенное влияние на традиционную китайскую соционормативную культуру оказали «культурная революция» 1965-1976 гг. и эпоха рыночных реформ конца 1970-х – начала 1990-х гг. Стереотипы мышления, нормы поведения «культурной революции» привели к тому, что китайцы стали где-то более жестокими, даже грубыми [2, с. 38]. Переход к рыночной экономике, по мнению многих китайских исследователей, привёл к тому, что «стоило открыть ворота своекорыстным интересам, и сразу хлынул поток эгоизма, который невозможно остановить; в результате прежние морально-нравственные нормы, основу которых составляет

«альтруизм», игнорируются и принижаются» [1, с. 136]. Отсюда логично вытекает вопрос о степени преемственности между представлениями о должном в сознании современных китайцев и в китайской традиции. По результатам анализа социологами КНР системы нравственных ценностей у современных молодых китайцев была выделена следующая иерархия наиболее важных для респондентов моральных ценностей: честность, патриотизм, почитание родителей, цельность, выполнение обещаний, вежливость, скромность, чувство благодарности. Эти данные в целом подтверждают приверженность молодёжи традиционным китайским обычаям и порядкам.

Приведённым данным соответствуют и результаты исследований ценностей студентов, проведённых на базе Владимирского государственного университета. Согласно опросам, пятёрку приоритетных ценностей составляют (в порядке убывания) родительская семья, здоровье, чувство гордости за свой народ, собственная семья, гуманные отношения между людьми. Данные ценностные ориентиры демонстрируют преобладание коллективистского типа личности. Как видно, и после относительно длительного пребывания за рубежом ценностные основания, традиционно характерные для китайского общества, сохраняются в сознании студентов.

Для китайцев характерна очень сильная религиозная оторванность от инокультурной среды, несмотря на достаточно широкое увлечение различными элементами восточных культов, бытующее среди местного населения. Студенты из Восточной Азии в целом характеризуются низким уровнем религиозности. У них отсутствуют места массового отправления ритуалов, практика массового отмечания праздников религиозного характера. Практикуется лишь индивидуальное поклонение и отправление элементарных ритуалов в своих жилых помещениях.

Отношение китайцев к религии соотносится с особенностями их национального характера, с их психологией. По выражению Линь Юйтана, «китайцы – отъявленные реалисты». Суть идеального китайского характера – здоровое отношение к жизни и человеческой природе. А отсюда проистекают миролюбие, удовлетворённость жизнью, невозмутимость, живучесть. Также в русле конфуцианской традиции сила характера – это ещё и сила интеллекта. С этой точки зрения положительным является выявленный в результате опросов китайских студентов показатель, согласно которому именно интеллектуальные качества россиян китайцы оценивают наиболее высоко.

В продолжение рассмотрения вопроса особенностей китайского национального характера сразу подчеркнём, что по целому ряду ключевых моментов китайский и русский национальные характеры являются чуждыми друг другу, а следовательно, с трудом понимаемы представителями двух народов. Что, впрочем, не отменяет наличия и определённых точек пересечения. К тому же на протяжении XX века и русский, и китайский национальные характеры, будучи во многом порождением определённых социальных, культурных, политических условий, претерпели целый ряд трансформаций и продолжают претерпевать их сегодня. Национальный характер – явление хоть и достаточно статичное, но всё же изменяющееся. Вопрос заключается в принципиальности изменений и наличии проблемы сохранения собственной идентичности. Думается, что по отношению к китайской нации эта проблема на сегодняшний день не стоит слишком остро. По сути, оправдывается прогноз, данный Линь Юйтаном при описании китайской психологии в 30-х годах XX века, согласно которому даже в случае разрушительных перемен, подобных установлению коммунистического режима, традиционные качества китайского характера скорее и вернее победят коммунизм, изменят его

до неузнаваемости, чем коммунизму с его социалистическим, обезличенным и бескомпромиссным мировоззрением удастся сломить эти древние традиции. Это подтверждается и вышеприведёнными данными анализа ценностных установок современной китайской молодёжи.

О каких же традиционных чертах китайского характера говорит Линь Юйтан? Китайцы здравомыслящи. Китай – это древняя цивилизация древней нации, которая постигла смысл жизни и не стремится к тому, что недостижимо. Китайцы терпеливы, они живут по линии наименьшего сопротивления и наименьшей борьбы. Китайцы – «самый расчётливый и эгоистичный народ», они «смотрят на жизнь как на фарс» и «ни к чему не могут относиться серьёзно». «Китайцам недостаёт таких замечательных качеств западных людей, как великодушие, честлюбие, развитое общественное сознание, готовность к риску и героизм. В этом мире их интересует самая что ни на есть банальная жизнь. У них есть упорство, безграничное терпение, неутомимое трудолюбие, чувство долга, уравновешенный склад ума, здравый смысл, жизнерадостность, юмор, терпимость, миролюбие, а также бесподобное умение чувствовать себя счастливыми даже в самых тяжёлых условиях».

Китайский характер противоречив. «Конфуцианцы относятся к жизни позитивно, а даосы – негативно (... буддизм – это просто даосизм, слегка подкрашенный остроумием), и сплав этих двух элементов породил бессмертное явление – китайский национальный характер... Конфуцианство в нас создаёт и борется, а даосизм наблюдает и усмехается».

С некоторыми из этих утверждений можно поспорить. В частности о «бесподобном умении чувствовать себя счастливыми». Ни исследования проведённые автором среди китайских студентов, ни исследования, проводимые на международном уровне (например, The World Values Survey Association) не демонстрируют того, что китайцы чувствуют себя на порядок счастливее представителей других наций [8]. Но китайскому характеру, действительно, свойственна оптимистичность. Во многом она связана с идеей о том, что каждый рано или поздно получит по заслугам, с верой в неотвратимость справедливого воздаяния, причём уже в этой жизни, в людском мнении или молве, исключительно для китайцев важных.

С другой стороны, с большинством черт, выделенных Линь Юйтаном, трудно не согласиться, они подтверждаются результатами современных исследований, и многие из них, как упоминалось, составляют оппозицию признанным чертам российского характера. Бережливость – щедрость, «эгоизм» – способность к самопожертвованию, бесстрашие – страстность и др. Русский народ тоже умеет долго терпеть и много трудиться, ему нельзя отказать в здравом смысле и юморе, его история не менее сложна и драматична, пусть и гораздо менее продолжительна. Народы роднит и имперское сознание. Во многом похожи, но ещё в большем разные. В русском сознании если не отсутствует, то совершенно не преобладает, не играет сколь-нибудь существенной роли интерес «к самой что ни на есть банальной жизни». А потому многие явления, понятия, общие для двух народов – труд, терпение, долг – наполняются зачастую разными смыслами. Здесь мы сталкиваемся с межцивилизационными противоречиями, во многом, если не в основном, сформированными различными духовно-религиозными традициями. Речь идёт о различии в глубинных мировоззренческих позициях, закреплённых и не закреплённых в сознании идеалах, основах, на которых выстраивается повседневная жизнь и взаимоотношения между людьми.

Если оперировать понятиями Макса Шелера, созданными им в рамках концепции о трёх видах знания, то мы увидим, что китайская культура пронизана стремлением к философскому, или образователь-

ному, виду знания – знанию, служащему становлению человека. Российская культура – стремлением к религиозному, или спасительному знанию.

Итак, китайцев, и в частности китайских студентов, можно одновременно назвать и хорошо, и плохо адаптируемыми, в зависимости от содержания понятия адаптация. Такие их качества, как терпеливость, умение стойко переносить жизненные трудности, сохранять лицо в любой ситуации, оптимистичный жизненный настрой, способствуют уменьшению психологического напряжения в новой среде. Показательны результаты исследования на основе шкалы социокультурной адаптации. Средний результат по поводу испытываемых в России трудностей – 2 по пятибалльной шкале, т.е. есть незначительные трудности. Китайцы определённые трудности связывают по преимуществу лишь с тремя сферами (в порядке убывания): пониманием российской политической системы, пониманием российских взглядов на мир и выражением своих мыслей. Трудности в выражении своих мыслей, связанные с языковым барьером, и в понимании инокультурных взглядов на мир типичны для иностранных студентов из любого региона. Главенство трудностей понимания российской политической системы так же не выглядит случайной. Здесь интерес китайцев к российской политической системе как таковой, связанный с историей российско-китайского взаимодействия, дополняется низким уровнем политической культуры самих россиян, что не способствует прояснению картины. Хотя в общем и целом китайские студенты отнюдь не склонны к политизированности.

Что касается уровня социальной поддержки, ощущаемой китайскими студентами, то он также достаточно высок – 3,4 по пятибалльной шкале. То есть большинство китайцев имеет ввиду несколько человек, которые могли бы оказать помощь в той или иной затруднительной ситуации или просто морально поддержать. Это также способствует снятию психологического напряжения. Учитывая, что процесс корреляции социокультурной и психологической адаптации составляет 0,4-0,5, это хороший показатель. Не наблюдается у китайских студентов и ярко выраженных проблем с физиологической адаптацией.

Но, с другой стороны, социокультурная адаптация китайцев, как правило, выглядит неполной с учётом таких её важнейших характеристик, как смысловая и социальная целостность, встречная активность личности и окружающей среды, творческое взаимодействие с окружающей средой. Потому в большинстве случаев мы можем говорить либо о подмене адаптации псевдоадаптацией, аккомодацией, либо о застревании на какой-либо стадии адаптации. Например, на стадии приноживания. При наличии ряда субъективных признаков, демонстрирующих социокультурную адаптированность, наблюдается мало объективных признаков. Китайцы не были склонны никогда и не склонны сейчас обмениваться той уникальной информацией, которая составляет основу их этноса и обмен которой составляет основу межкультурного диалога. Также им, в силу цивилизационных особенностей не особенно интересна информация, несомая, воплощаемая другими этносами. Аккультурация среди китайцев, как правило, незначительна.

Литература

1. Афонасенко Е. Особенности этнического самосознания современных китайцев // Развитие личности. 2004. №1. с. 131-143.
2. Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского учёного. М.: Изд-во института философии РАН, 2000. 206 с.
3. Гончаров С.Н. О Китае средневековом и современном: Записки разных лет. Новосибирск: Наука, 2006. 383 с.
4. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ. М.: Вост. лит-ра, 2010. 335 с.
5. Малявин В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. М.: Европа, 2007. 304 с.
6. Штритматер К. Инструкция по применению: Китай. М.: Аякс-Пресс, 2006. 256 с.
7. Agelasto M. Educational Disengagement: Undermining Academic Quality at a Chinese University. Hong Kong, 2001.
8. Happiness trends in 24 countries, 1946-2006. [Электронный ресурс]. URL: www.worldvaluessurvey.org.

УДК 339.138:55:56:504.03

Рубан Д.А.
Ruban D.A.

Брендинг регионального геологического наследия России: предпосылки, механизм и ожидаемые результаты

**Branding of the regional geological heritage of Russia:
premises, mechanism, and expected outcomes**

Минералы и ископаемые организмы могут использоваться для брендинга регионального геологического наследия России. В формировании бренда должны активно участвовать не только субъекты геоконсервации, но и туристические организации, горнодобывающие предприятия, региональная администрация и население. Активное продвижение бренда позволит популяризировать геологические знания, привлечь туристов, способствовать формированию позитивного имиджа региона.

Ключевые слова: геологическое наследие, минералы, ископаемые организмы, региональный бренд, туризм

Minerals and fossils can be employed for the purpose of branding of the regional geological heritage of Russia. Not only geoconservation stakeholders, but also tourism organizations, mining companies, regional administration, and public should participate in the development of such brands. Active promotion of brands allows to popularize the geological knowledge, to attract tourists, and to facilitate formation of positive image of the region.

Key words: geological heritage, minerals, fossil organisms, regional brand, tourism

Геологическое наследие объединяет в себя все доступные для наблюдения и изучения объекты, в которых представлена информация об уникальных особенностях строения и эволюции Земли, в пределах определённой территории (см. также [5]). Такими объектами могут быть выходы на поверхность редких минеральных образований, исключительно хорошо сохранившиеся отпечатки древних растений и животных и т.п. Рациональное использование (в т.ч. в туристических целях) и комплексная охрана геологического наследия входят в число важнейших задач нового вида деятельности – геоконсервации, которая получило широкое распространение во многих странах, включая Россию [3; 5; 10; 14; 15]. Методы геоконсервации исключительно разнообразны. Одной из примечательных инициатив является брендинг территорий с использованием геологических объектов. В частности, отдельные штаты США официаль-

РУБАН Дмитрий Александрович, Ph.D. in Geology, к. геолого-минералогических н., доцент Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) . E-mail: ruban-d@mail.ru

но признают в качестве своих символов редкие минералы и ископаемые организмы, найденные на их территории [9]. В настоящей работе рассматривается возможность использования брендинга для регионального геологического наследия России.

Технологии регионального (территориального) брендинга хорошо отработаны [4; 7; 8]. В частности, они активно используются в сфере туризма [2; 11-13]. Удачно созданные и эффективно позиционируемые бренды способствуют привлечению туристов и повышению конкурентоспособности региона [2]. Ранее уже отмечалось, что имидж территории формируется за счёт информации о всех её ресурсах [1], к числу которых, безусловно, следует относить и геологическое наследие. Значение последнего определяется возможностью его использования для организации научных исследований, а также гео- и экотуризма. Кроме того, можно предположить, что продвижение геологического бренда может способствовать формированию позитивного образа региона в отношении его минерально-ресурсной базы, подчёркивая его вклад в экономическое развитие страны. Обращаясь к американскому опыту [9], следует отметить, что символами некоторых штатов служат именно экономически значимые минералы.

Региональное наследие ограничено территорией отдельных крупных административно-территориальных единиц, каковыми в России являются, прежде всего, республики, края, области. Особенное значение такого рода геологического наследия определяется, прежде всего, наличием оптимальных механизмов управления им на региональном уровне. Субъекты геоконсервации, которые участвуют в геоконсервационной деятельности, весьма многообразны и включают государственные и независимые геоконсервационные и природоохранные организации, университеты и НИИ, музеи, а также геологов-любителей [5; 15]. В пределах одного региона, как правило, имеется оптимальная возможность для взаимодействия этих субъектов. Это связано с тем, что, с одной стороны, на большинстве территорий действуют или могут быть созданы все перечисленные субъекты, а, с другой, – число последних ограничено, что создаёт основу для появления простых «ячеек» национальной сети, обеспечивающей геоконсервационную деятельность. Кроме того, региональное геологическое наследие (за исключением случая особо крупных регионов) характеризуется существенно большей однородностью в сравнении с национальным и, одновременно, оно более разнообразно в сравнении с локальным наследием. Всё это создаёт существенную предпосылку для позиционирования (в т.ч. с помощью брендинга) регионального геологического наследия как самостоятельной категории. Ещё одной предпосылкой является вклад геоконсервации (и геотуризма) в устойчивое социально-экономическое развитие территории [6].

Для целей брендинга регионального геологического наследия наиболее подходят минералы и ископаемые организмы. Связано это со следующими обстоятельствами. Во-первых, геологические знания недостаточно популяризированы и использование действительно уникальных, но «сложных» объектов (например, покровных структур или осадочных последовательностей) будет иметь смысл лишь для узкого круга специалистов. Минералы и ископаемые организмы, напротив, будут понятны широким слоям населения, имеющим лишь самые общие представления о строении и эволюции Земли. Во-вторых, минералы и ископаемые организмы относятся к числу «движимых» объектов геологического наследия, которые могут помещаться в музейные коллекции, экспонироваться, а также (в некоторых случаях) распространяться (в т.ч. продаваться) среди неспециалистов. Кроме того, их изображения легко дублировать (в т.ч. для изготовления сувениров). В ряде случаев в качестве символов

регионального геологического наследия можно использовать формы рельефа (например, отдельные горные вершины или ущелья, каньоны), а также редкие геологические процессы (например, вулканизм).

Механизм создания и продвижения бренда регионального геологического наследия представляется тесно связанным с взаимодействием субъектов геоконсервации, отмеченных выше. Совецательным путём могут быть выбраны минералы и ископаемые организмы, которые наиболее характерны для данного региона (встречаются в массовом количестве), отражают его специфику (подчёркивают уникальность его геологического строения) или же позиционируют данный регион как место особо значимого научного открытия (например, обнаружения новых минералов, ранее неизвестных форм жизни и т.п.). В качестве эмблемы могут использоваться общеизвестные символы, с которыми традиционно принято ассоциировать данный регион. Например, для Якутии это алмазы и мамонты, для Калининградской области – янтарь, для Кемеровской области – уголь. Некоторые регионы ассоциируются с определёнными минералами и ископаемыми организмами только в сознании профессиональных геологов и «посвящённых» неспециалистов. Например, для Адыгеи таким символом являются гигантские аммониты из нижнемеловых отложений. Однако в ряде случаев (в т.ч. при исключительно богатом геологическом наследии) нет даже таких «готовых решений» и требуется тщательное обсуждение будущего бренда с рассмотрением большого количества вариантов.

Брендинг не должен ограничиваться проработкой идей в среде специалистов-геологов. Важно проведение специальных исследований по восприятию брендов широкими слоями населения, а также согласование брендинга с общей стратегией позиционирования региона. В этой связи требуется участие в обсуждении туристических организацией, предприятий и организаций, занимающихся эксплуатацией недр, а также администрации региона. Более того, эффективным может стать широкое участие в дискуссии населения. Это также позволит облегчить последующее продвижение бренда.

Брендинг предполагает не только создание образа региона, но и обеспечение его повсеместной узнаваемости. Иными словами, важнейшей задачей является продвижение бренда [1; 2; 4; 11; 13]. Безусловно, её решением должны заниматься субъекты геоконсервации. В качестве существенной специфики продвижения бренда регионального геологического наследия следует рассматривать недостаточность геологических знаний, которыми обладает население. Они нужны как для узнаваемости выбранного символа, так и для его правильного столкновения. В этой связи продвижение бренда неразрывно связано с просветительской деятельностью субъектов геоконсервации и, прежде всего, музеев, геотуристических организаций и научных центров. Всё это должно сочетаться с активной кампанией в средствах массовой информации при поддержке региональной администрации. Трендом развития современных геоконсервации и геотуризма стало создание т.н. геопарков, которые представляют собой ограниченные территории с расположенными в их пределах уникальными геологическими объектами и туристической инфраструктурой. Именно организации, осуществляющие управление геопарками, могут принять наиболее активное участие в продвижении брендов регионального геологического наследия. Стоит отметить, что в некоторых из уже функционирующих геопарков (например, геопарк Канавинка в Австралии) уже накоплен некоторый опыт по продвижению собственных брендов [10].

Главным результатом формирования и последующего продвижения брендов регионального геологического наследия в России можно

ожидать, прежде всего, популяризацию геологических знаний, что важно как для общего интеллектуального развития населения, так и для решения конкретных задач - например, для понимания риска опасных геологических явлений. Ещё одним результатом может стать рост и диверсификация гео- и экотуристической деятельности, т.к. правильное позиционирование территориального бренда позитивно сказывается на развитии туризма [2; 11-13]. Так же, как уже было сказано выше, геологический бренд формирует позитивный экономический имидж региона, обращая внимание на его ресурсный потенциал. Более того, сам факт проведения брендинга геологического наследия обратит внимание на научный и инновационный потенциал региона, что станет важным дополнением к созданию общего позитивного имиджа последнего.

Следует ожидать и ещё два важных результата. Во-первых, обсуждение будущего бренда предполагает всестороннее рассмотрение минералов и ископаемых организмов, что, в свою очередь, требует их самого детального изучения с научной точки зрения. В таком случае проведение брендинга может стать катализатором научной деятельности в сфере геологии и, в частности, минералогии и палеонтологии. Например, если в качестве регионального символа Адыгеи выбрать гигантских раннемеловых аммонитов, то для этого необходима их точная видовая идентификация, характеристика минералогии раковин, определение условий сохранности, реконструкция среды обитания и т.д. Всё это потребует проведения новых палеонтологических работ, результат которых будет ценен сам по себе. Во-вторых, в процессе формирования и продвижения бренда устанавливаются тесные связи между субъектами геоконсервации, действующими в регионе, что, несомненно, способствует их более слаженной деятельности впоследствии.

Таким образом, брендинг регионального геологического наследия в России представляется не только возможным, но и целесообразным для развития науки, туризма и формирования позитивного имиджа республик, краёв и областей. При своей очевидной простоте и дешевизне такая инициатива может быть реализована с достаточной быстротой во всех российских регионах.

Литература

1. Важенина И.С. Имидж и бренд региона: сущность и особенности формирования // Экономика региона. 2008. № 1. С. 49-58.
2. Кирьянова Л.Г. Бренд и позиционирование как факторы конкурентоспособности туристского региона // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. 2010. № 3. С. 216-221.
3. Лапо А.В., Давыдов В.И., Пашкевич Н.Г., Петров В.В., Вдовец М.С. Методические основы изучения геологических памятников природы России // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 1993. № 6. С. 75-83.
4. Леонтьева Л.С., Фоменко С.А. Бренд территории как один из источников увеличения доходов бюджета // Инновации. 2009. № 1. С. 74-79.
5. Рубан Д.А. Геоконсервация как метод сохранения геологического наследия России // Отечественная геология. 2006. № 2. С. 78-81.
6. Рубан Д.А., Холодков Ю.И. Геоконсервационный компонент в стратегическом планировании устойчивого социально-экономического развития

региона // Проблемы социально-экологической устойчивости региона. Пенза, Приволжский Дом знаний, 2006. С. 80-81.

7. Семенова А. Современный брендинг: основные понятия и подход // Экономические стратегии. 2005. № 1. С. 102-105.

8. Шабалов Н.Ф. Культурная системность и генетика бренда // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 3. С. 297-301.

9. Brusatte S. Stately Fossils: A Comprehensive Look at the State Fossils and Other Official Fossils. Boulder, Fossil News, 2002. 234 p.

10. Dowling R., Newsome D. (Editors) Global Geotourism Perspectives. Woodeaton, Goodfellow, 2010. 250 pp.

11. Lorenzini E., Calzati V., Giudici P. Territorial brands for tourism development: A statistical analysis on the Marche region // Annals of Tourism Research. 2011. V. 38. P. 540-560.

12. Qu H., Kim L.H., Im H.H. A model of destination branding: Integrating the concepts of the branding and destination image // Tourism Management. V. 32. P. 465-476.

13. Pike S. Destination brand positions of a competitive set of near-home destinations // Tourism Management. 2009. V. 30. P. 857-866.

14. Prosser C.D., Bridgland D.R., Brown E.J., Larwood J.G. Geoconservation for science and society: challenges and opportunities // Proceedings of the Geologists' Association. 2011. V. 122. P. 337-342.

15. Ruban D.A., Kuo I. Essentials of geological heritage site (geosite) management: a conceptual assessment of interests and conflicts // Natura Nascosta. 2010. №. 41. P. 16-31.

УДК 390

Старцев А.Ф.
Startcev A.F.

Исторические и современные реалии социально-экономического развития аборигенов Приморского края и их будущее

Historical and modern realities of social and economic development of natives
of Primorski Territory and their future

В Приморском крае живут удэгейцы, нанайцы, тазы и другие коренные жители. В прошлом их называли лесные люди. Это охотники и рыболовы нашего края, для которых сохранность тайги (леса) – это залог их будущей жизни. Однако в наши дни на территории обитания аборигенов тайга (лес) вырубается, уничтожается основа их жизни. Сохранение и развитие культуры аборигенов зависит только от разумной национальной политики и твёрдых законов Российского государства.

Ключевые слова: *народ, аборигены, охотники, тайга, хозяйство, традиция, культура*

In Primorski Territory live Udihe, Nanaians and other aboriginals. In the past they named Wood people. They are hunters and fishers of our corner of the world for whom safety of a taiga is a pledge of their future life. However today in territory of dwelling of natives a taiga is cut down, the basis of their life is destroyed. Preservation and development of culture of natives depends only on the reasonable national policy and firm laws of the Russian state.

Key words: *the people, natives, hunters, a taiga, an economy, tradition, culture*

В Приморском крае преимущественно обитают этнографические группы удэгейцев, нанайцев и тазов Ольгинского района, суммарная численность которых не составляет и 1000 человек. Основная хозяйственная деятельность коренного населения края – это охота на пушных и копытных животных. Определённый процент населения занят в общественном производстве, образовании и здравоохранении. Однако основная масса населения живёт только за счёт даров тайги и личных огородов.

Исторически сложилось так, что в имени удэгейского народа заложено понятие «тайга». Этноним «Удэге» связывается с термином «Удэ», что в переводе с языков тунгусо-маньчжурских этносов означает «местность, покрытая лесом». Именно по этой причине в своё время В.К. Арсеньев и назвал свою книжку об удэгейцах «Лесные люди удэгейцы».

Аборигенное население края по роду своей деятельности занимает обширные территории, которые призваны не только кормить местное население, но и выполняют роль своеобразного экологического щита перед

СТАРЦЕВ Анатолий Фёдорович, д.и.н., главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)
E-mail: starcev.42@mail.ru

техническим прогрессом. Если для отдельных личностей, занимающих в крае и правительстве руководящие посты, тайга – это кормушка, то для аборигенов – это кормилица, это средство для продолжения жизни, это лёгкие планеты, позволяющие ПОКА ещё свободно дышать и работать.

Коренные малочисленные народы нашего края преимущественно занимаются охотой на пушных и копытных животных, рыболовством и другими традиционными промыслами. Особенностью их хозяйственной деятельности являлось то, что добыча в тайге животных производилась с таким расчётом, чтобы природные запасы зверя регулярно восполнялись за счёт естественного воспроизводства. Процесс охотничьего промысла у аборигенов Дальнего Востока регулировался обрядами и обычаями, которые имели воспитательный характер. Они приучали охотников бережно относиться к окружающей природе и заботиться о размножении диких животных. По законам обычного права запрещалось убивать животных больше, чем в ближайшее время люди могли употребить их в пищу. За нарушение этих законов человек наказывался сверхъестественными хозяевами природы: он мог заболеть, лишиться удачи в промысле и даже умереть [1, с. 83, 86].

Таким образом, все промысловые обряды и обычаи, касающиеся повседневной жизни народов, предостерегали людей от необдуманных поступков и способствовали охране экологической среды. «Эти обряды отражают суть обычного права, включающего в свой состав многочисленные предупреждения, требования, права и обязанности каждого члена рода того или иного народа» [11, с. 206].

Многочисленные запреты и приметы, связанные с бытом, рыболовным или охотничьим промыслами своим происхождением уходят в глубину веков, и, наглядно, отражая анимистические воззрения, показывают неразрывную связь человека с природой, из которой человек не выделяется в особый вид, а вместе с её растительным и животным миром составляет единое целое.

Однако в процессе этнокультурных контактов аборигенов с переселенцами региона, промышленным освоением края и разработками природных ресурсов у аборигенов дальневосточного региона резко изменилось отношение к природе и её обитателям. Коренные жители края тоже стали нарушать промысловые обряды и традиционные заповеди. Всё это со временем негативно отразилось на сохранении традиционной культуры и среды обитания всех дальневосточных этносов.

Вместе с исчезновением промысловых традиций и развитием промышленности во всех регионах Дальнего Востока обострилась проблема ухудшения экологической ситуации, которая в годы постсоветского периода практически стала неуправляемой.

Особенно экологическая ситуация в районах расселения аборигенов края стала обостряться в годы массовых заготовок леса в Приморье и Хабаровском крае. Очень ярко высветилась проблема вырубки лесов в районах проживания хорских удэгейцев в 1987 году, когда СССР заключил с Республикой Куба соглашение «О сотрудничестве в заготовке и комплексной переработке древесины на территории Советского Союза для нужд народного хозяйства Республики Куба». По этому соглашению в районе им. Лазо Хабаровского края намечалось ежегодно заготавливать до 1,75 млн. куб. м древесины (АИИАЭ ДВО РАН. Д. 353. Л. 77, 84. – **Материалы А.Ф. Старцева.**). Против заготовок леса в районах обитания аборигенов выступили учёные, руководители охотопромысловых хозяйств и коренные жители. В материалах межведомственной комиссии Хабаровского края, отмечалось, что «в результате промышленных рубок значительно уменьшается кормовая ёмкость охотничьих угодий, в целом ухудшается среда обитания промысловых видов животных

(белка, соболь, норка, кабан, изюбр, медведь и т.д.). Особенно негативно сказывается на численности популяций промысловых видов вырубка кедров и кедрово-широколиственных насаждений. За последние 40 лет заготовка белки в регионе снизилась с 300 – 400 тыс. шкурок до 30 – 90 тысяч. Численность кабана стала катастрофически низкой, и, начиная с 85-86 гг. XX в., охота на него полностью прекращена» (АИИАЭ ДВО РАН. Д. 353. Л. 78. – **Материалы А.Ф. Старцева**), а в наши дни в охотничьих угодьях бикинских удэгейцев добывается только в пределах до 30 особей в год или 1 кабан на одного охотника [4, с. 143].

Против рубок леса в хорской тайге выступили учёные, руководители лесхозов, охотопромысловых хозяйств и коренные жители края. Однако Хабаровский крайисполком и крайком КПСС, ссылаясь на межправительственные соглашения с Кубой, ничего не предпринимали, чтобы сохранить жизненно важную территорию обитания хорских удэгейцев. И только в 1998 году межведомственной комиссией края с большим трудом удалось добиться, чтобы из лесосырьевой базы Сукпайского лесопромышленного комплекса вывели бассейн р. Чукуен. В технико-экономической экспертизе комиссии особенно отмечалось, что «бассейн р. Чукуен является единственным в бассейне р. Хор с нетронутой природной средой и имеет все возможности для традиционного уклада жизни и хозяйствования удэгейцев. Задачи сохранения здесь лесов и экологической чистоты несовместимы с проведением промышленных рубок леса» (АИИАЭ ДВО РАН. Д. 353. Л. 81. – **Материалы А.Ф. Старцева**). Далее, комиссия рекомендовала организовать в бассейне этой реки на правах кооператива под юрисдикцией Отдела народов Севера природно-этническое хозяйство хорских удэгейцев из с. Гвасюги.

Определённым барьером при лесозаготовках служили районные лесхозы и их лесничества. Они следили не только за деятельностью лесспромхозов, но и часто привлекали их руководителей к материальной ответственности. Однако в конце 1980-х годов в Министерстве лесной промышленности СССР ситуация резко изменилась, произошла замена руководства с одновременным выходом приказа № 127 от 5 апреля 1989 г. «О реорганизации всех лесхозов и их лесничеств в комплексные леспромхозы».

Объединение лесхозов с леспромхозами означало, что лесодобывающие предприятия практически лишались контроля за рубками леса, потому что бывшие лесхозы стали сами заниматься заготовкой леса в наиболее доступных лесных угодьях, находящихся в районах охотничьего промысла аборигенов.

Объединение лесхозов с леспромхозами по времени совпало с поднятием проблемы закрепления территорий традиционного природопользования (далее – ТТП) за народами Севера, ведущих традиционные виды хозяйственной деятельности.

Проблема закрепления ТТП особенно интенсивно стала обсуждаться после выхода Указа Президента Российской Федерации «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» (от 22 апреля 1992 г.). В одном из пунктов этого Указа отмечается, что ТТП малочисленных народов Севера не подлежат отчуждению под промышленное или иное освоение, не связанное с традиционным хозяйствованием.

Этот Указ явился обязательным основанием для администрации Хабаровского края по закреплению ТТП за всеми КМНС региона.

Постановлением Главы администрации Хабаровского края от 25 июня 1992 г. (№ 291) «О закреплении территории традиционного природопользования за малочисленными народами Севера района им. Лазо» за хорскими удэгейцами было закреплено 629 кварталов Верхне-

Сукпайского лесничества, 504 квартала Горного лесничества Сукпайского лесхоза и многие кварталы Кафенского лесничества Хорского лесхоза. Однако в этом же постановлении в пункте 2 имеется оговорка, что в случае экономической необходимости допускается заготовка древесины на ТТП удэгейцев. В дальнейшем эта приписка превратилась в законодательную основу для чиновников района и края, когда началась массовая торговля деловым лесом в постсоветский период [10, с. 616].

Распад Советского Союза на отдельные республики-государства временно предотвратил массовые заготовки леса в Хабаровском крае со стороны Республики Кубы. Однако тут же появились другие претенденты на территории, закреплённые за аборигенами Дальнего Востока. В числе первых претендентов на заготовку леса оказалась зарубежная меланезийская компания ООО «Римбунан Хиджау Интернешнл». Она заключила с Хабаровским краем договор на аренду ТТП хорских удэгейцев в пределах Верхне-Сукпайского и Горного лесничеств сроком на 49 лет с правом заготовки делового леса в объёме 400 тысяч м³ в год¹.

Лесопромышленная компания Римбунан Хиджау в Хабаровском крае уже имеет многолетнюю историю своей деятельности. Впервые эта компания «засветилась» в Приморском крае в 1997 г., когда руководители Тернейского района и отдел лесной промышленности администрации Приморского края под видом экономической помощи самаргинским удэгейцам с. Агзу решили отдать бассейн р. Самарги под рубку леса. «За согласие приморских чиновников края отдать бассейн Самарги под вырубку леса, меланезийская компания готова была выплатить администрации Приморского края и Приморскому управлению лесами 500 тысяч долларов США, администрации Тернейского района, на территории которого расположены лесные кварталы – 200 тысяч долларов, а на развитие малочисленных народов Тернейского района – 60 тысяч долларов [10, с. 617]. Однако аборигены Самарги не соблазнились на лёгкие деньги, и не дали своего согласия на вырубку лесов в бассейне Самарги. Не дали своего согласия на заготовки леса и в верховьях Бикина бикинские удэгейцы, которые охраняли тайгу с вооружённым отрядом приморских казаков.

Руководители компании Римбунан Хиджау предпринимают всё, чтобы вести заготовки древесины на ТТП хорских удэгейцев в запланированных масштабах. Они идут на прямое нарушение законодательства Российской Федерации, занимаются откровенным мошенничеством и подлогом документов, дающих право на заготовку и переработку леса. Однако прокуратура района им. Лазо ко всем этим нарушениям практически относится более чем снисходительно [10, с. 617].

Что же будет с ТТП хорских удэгейцев через 40 лет? Где будут охотиться удэгейцы, если в плановом порядке хорская тайга подвергается массовой вырубке? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо наглядно взглянуть на те кварталы, которые уже подвергнуты вырубке и будут вырубаться в течение оставшихся 35 лет различными предприятиями.

Согласно информации директора Сукпайского лесхоза А.М. Фроленкова, из 629 кварталов Верхне-Сукпайского лесничества Сукпайского лесхоза будут подвержены вырубкам леса 552 квартала; из 504 кварталов Горного лесничества Сукпайского лесхоза будут подвержены частичным вырубкам 151 квартал. Не подвергнутся вырубкам только кварталы, удалённые от удэгейского села Гвасюги на 150 – 200 км, потому что они находятся в труднодоступных районах. Из этих данных следует, что через 30 лет – в 2040 г., без всякого сомнения, можно будет

¹ Протокол Общественных слушаний (консультаций) по вопросу «План рубок главного пользования» сроком на 5 лет, с 2007 г. по 2011 г. – Архив удэгейского поселения Гвасюги (р-н им. Лазо, Хабаровский край).

исполнить реквием по хорским удэгейцам. «Какими мотивами руководствовались подписанты, не внемля гласу аборигенов этой территории, не учитывая исключительную ранимость горных лесов, восстановление которых практически не состоится сотни лет?» [3, с. 531], – с горечью отмечает исследователь В.И. Готванский.

Охотопромысловое население прекрасно знает, что вырубки лесов неминуемо оборачиваются для них катастрофой. Так, «в результате промышленного освоения северных районов за годы советской власти численность территориальных групп удэгейцев сократилась вдвое. Из восьми групп осталось четыре: анойская, хорская, самаргинская и бикинская. Полностью прекратили своё существование кур-урмийская, хунгарийская и приморская группы, на стадии исчезновения находятся и иманские удэгейцы» [9, с. 143].

Лесопромышленное освоение территорий – одно из широкомащштабных воздействий на природные экосистемы. «Применяемые до сего времени... условно-сплошные рубки леса привели и приводят к коренным перестройкам структуры растительного покрова и животного населения, поскольку при этом уничтожается от 30 до 90 % видового состава лесных растительных сообществ, до 70-80 % видового состава и 85-90 % особей в населении птиц и т.д. В условиях пирогенной уязвимости, леса на таких вырубках могут не восстанавливаться десятки и сотни лет» [2, с. 65].

Однако эту простую истину руководители края понять не могут, а вернее по причине меркантильных интересов не желают, хотя для этого понимания есть законы. Законы хорошие, деловые. Один только их перечень заставил бы законопослушного американца или японца, вытянуться в струнку перед обилием и внешним содержанием законодательных актов Российской Федерации. Вспомним Закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», принятый Государственной Думой 4 апреля 2001 г. с небольшими изменениями на 3 декабря 2008 г., в котором предписывается органам исполнительной власти, определить в местах проживания и хозяйственной деятельности КМНС ТТП, которые являются неотъемлемым достоянием этих народов, и без их согласия не подлежат отчуждению под промышленное или иное освоение, не связанное с традиционным хозяйствованием. Закон есть, подзаконных актов, регулирующих процессы закрепления и использования этих территорий нет. Отсюда следует, что если даже на федеральном уровне идёт только словесная игра, то, что можно требовать от низовых субъектов Российской Федерации?

Именно по этой причине под видом санитарных рубок в 2007 году администрация Приморского края предприняла попытку выставить на тендер обширную территорию орехово-промысловой зоны среднего Бикина. Но сделать это не удалось, потому что жители Красного Яра обратились с письмом к Президенту Российской Федерации с требованием «прекратить все попытки пересмотра границ орехово-промысловой зоны и любое использование участков лесного фонда на территории заказника и исключить их из комплексной программы развития лесной и деревообрабатывающей промышленности края: В случае ухудшения ситуации и начала рубок... мы будем готовы предпринять крайние меры в виде пикетирования дорог, митингов и акций массовой голодовки» [8, с. 67], говорили в письме аборигены Бикина.

Из этого видно, что история 22-летней давности руководителям края не пошла впрок. В декабре 1988 года Приморский крайисполком во главе с В.Ф. Луценко принял решение «О создании в бассейне Самарги комплексного предприятия по воспроизводству и использованию

ресурсов леса» и поручил ТПО «Приморсклеспром в 1990 г. начать строительство лесовозной дороги Сукпай – Агзу – Самарга, с целью вывозки древесины к морю в объёме 700 тыс. куб. м в год (АИИАЭ ДВО РАН. Д. 353. Л. 52-54. – Материалы А.Ф. Старцева). Самаргинские удэгейцы выступили против этого проекта, и, доведённый до отчаяния, 5 апреля 1989 г. на XI сессии XX созыва в присутствии председателей Госплана РСФСР, Минлеспрома СССР, Госкомлеса СССР и других государственных структур председатель Удэгейского сельского Совета самаргинских удэгейцев А.В. Каза сделал официальное предупреждение, «что удэгейские охотники выступят с огнестрельным оружием против лесорубов, если в бассейне Самарги начнутся рубки леса». Этот инцидент получил широкую огласку за пределами края и СССР. Он заставил руководителей Приморского крайисполкома отказаться от своих намерений.

История борьбы бикинских удэгейцев против вырубок таёжных угодий в бассейне Бикина аналогична самаргинской. 19 лет тому назад Приморский крайисполком, но теперь во главе с В.С. Кузнецовым, организовав СП «Светлая», принял решение о рубке леса в верховьях Бикина. После длительной переписки в сентябре 1992 г. Красноярский национальный сельский Совет и Ассоциация малочисленных народов Приморского края объявили о вооружённом пикетировании верховьев Бикина. Вместе с удэгейцами в течение двух недель охраняли тайгу и уссурийские казаки, а удэгейцы старшего возраста в национальных костюмах и с боевыми орденами на груди, полученными в годы Великой Отечественной войны, осаждали здание крайисполкома и вели переговоры с администрацией края.

Однако нетронутые леса Бикинской тайги для современных руководителей края, не помнящих уроков истории, не дают покоя. В октябре 2010 года Администрация Приморского края вновь делает выпад в сторону ТТП бикинских аборигенов, хотя эта территория в 2009 году была передана в аренду Общине коренных малочисленных народов «Тигр» для заготовки кедрового ореха и других пищевых лесных ресурсов [4, с. 5-7].

«Незадолго до этого руководитель Управления лесным хозяйством Пётр Диук в передаче «Тёмный лес» дал скандальное интервью по российскому телевидению, громко заявив, что скоро ни этой, ни других орехово-промысловых зон в крае не останется» [18, с. 72].

2010 год ознаменовался тем, что он был объявлен Международным годом тигра. Международный форум по проблемам сохранения тигра на Земле состоялся 21-24 ноября 2010 г. в г. Санкт-Петербурге. В нём приняли участие главы правительств и представители 13 государств, на территории которых сохранились тигры: Бангладеш, Бутан, Вьетнам, Индия, Индонезия, Камбоджа, Китай, Лаос, Малайзия, Мьянма, Непал, Россия, Таиланд, КНДР [12], а тут международный скандал с ТТП, о котором стало известно В.В. Путину. В результате, аукцион по продаже лесосек отменяется.

Тем не менее, жители и общественные организации Пожарского района в открытом письме пишут, что «нет никакой уверенности в том, что отменённый аукцион, не пройдёт в ближайшее время, и последние, «лакомые кусочки» Уссурийской тайги не «уйдут с молотка». И что они очень серьёзно озабочены назначением аукциона по продаже лесосек в наиболее важных для сохранения амурского тигра защитных лесах Пожарского района Приморья. Именно под прикрытием рубок ухода и санитарных рубок, в настоящее время ведётся массовая заготовка ценных пород древесины в Пожарском районе, что, в конечном счёте, приведёт к экологической катастрофе, существенному ухудшению условий проживания коренных малочисленных народов Севера и всех жителей Пожар-

ского района...» [8, с. 72].

Работая с представителями лесопромышленных организаций, районными и краевыми руководителями разных рангов по проблеме социально-экономического и культурного развития аборигенного населения Дальнего Востока, я неоднократно слышал реплики: «А не жирно ли им будет» и тому подобное. В своём ответе я всегда приводил статистические данные о современном экономическом положении аборигенов. Например, среднемесячная заработная плата хорских удэгейцев, у которых территория ТТП за последние годы значительно сократилась из-за вырубki лесов, в 2005 году в с. Среднехорском составила 2150 рублей, в пос. Сукпай – 2680 рублей, в с. Гвасюги – 3000 рублей; среднедушевой доход на одного человека в пос. Сукпай составил 893 рубля, а в с. Гвасюги – 1000 рублей, и это в то время, когда среднемесячный прожиточный минимум в районе им. Лазо на одного человека определялся в 3840 рублей. Таким образом, из общей численности КМНС с. Гвасюги, пос. Сукпай и др. населённых пунктов района доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составляет 92 % (АИИАЭ ДВО РАН. Д. 600. Л. 273. – Материалы А.Ф. Старцева).

Зарботная плата бикинских аборигенов несколько не превышает зарплату хорских сородичей. Из 556 аборигенов Красного Яра, Олона и п. Охотничьего, исключая 207 человек детей и пенсионеров, в 2009 году постоянной трудовой деятельностью в разных сферах (бюджетные организации и родовые общины) селения Красный Яр было занято всего 126 человек. Остальные трудоспособные в количестве 229 человек не имеют постоянной работы, но из них официально зафиксировано только 55 человек безработных [4, с. 100, 106-110].

Промышленное освоение Дальнего Востока и Сибири нанесло огромный вред природе Севера. В связи с этим особенно пострадали коренные народы, которые до сих пор не могут распоряжаться своей территорией, только по той причине, что законодатель опубликовал закон о ТТП, но не издал необходимые правовые акты, которые бы регулировали порядок образования этой территории и определяли режим её функционирования [5, с. 188]. Экологическая ситуация в Приамурье и Приморье такая, что не следовало бы здесь осваивать природные богатства дальневосточной тайги до тех пор, пока не будут искоренены меркантильные интересы чиновников края и разработаны самые передовые, щадящие природу, технологии лесной промышленности.

В заключение следует сказать, что в Российской Федерации проблема жизнеобеспечения КМНС пока остаётся нерешённой. «Общей проблемой, отмеченной в рамках всех исследований, даже там, где признаётся соответствующий статус коренных народов, является политика дискриминации и маргинализации коренных народов с точки зрения прав на землепользование и управление природными ресурсами. Даже там, где исторические факты свидетельствуют о том, что коренные народы являются исконными обладателями прав на те или иные виды ресурсов, они игнорируются, и процесс отчуждения земель коренных народов продолжается» [6, с. 19].

Кроме этого, сотрудники ИИАЭ ДВО РАН обоснованно считают, что при определении права владения ТТП необходимо установить точные критерии, общеобязательные для всех субъектов Российской Федерации, сталкивающихся в сфере прав владения ТТП [10, с. 618]. Также необходимо точное распределение функций между общностью народов Севера и системой государственных органов управления и судебных органов, обеспечивающих права владения государственными методами, через аппараты контроля, принуждения, насилия, судебного разбирательства и т.п. [7, с. 190].

Литература

1. Арсеньев В.К. В селении орочей // Встречи в тайге. Рассказы. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1981. С. 82-86.
2. Воронов Б.А. Особенности трансформации природно-ресурсного потенциала и подходы к решению природоохранных и природопользовательских проблем в регионах нового освоения // Регионы нового освоения: состояние, потенциал, перспективы в начале третьего тысячелетия. Материалы Международной научной конференции. Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН, 2002. Т. 1. С. 64-67.
3. Готванский В.И. Роль субъективных факторов в обострении экологической напряжённости (на примере Приамурских регионов России) // Регионы нового освоения: экологические проблемы, пути решения: материалы межрегиональной научно-практической конференции, Хабаровск, 10-12 октября 2008 г.: в 2 кн. Хабаровск: ДВО РАН, 2008. Кн.2. С. 529-533.
4. Звиденная О.О., Новикова Н.И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин. (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД «Стратегия», 2010. 164 с.
5. Кряжков В.А. Территории традиционного природопользования как форма реализации права коренных малочисленных народов на земли // Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М.: Издательский дом «Стратегия», 2008. С. 180-194.
6. Курилова И. «Территории, земли и природные ресурсы»: Специальная тема 6-й сессии постоянного форума ООН по вопросам коренных народов // Мир коренных народов: Живая Арктика / Альманах Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М.: 2008. № 21. С. 19.
7. Моисеев Р.С. Некоторые вопросы управления развитием северных районов России в конце XX века. Петропавловск-Камчатский, 1999.
8. Селезнева А. Удэге и вырубка лесов: уничтожение народа? // Мир коренных народов: Живая Арктика. Спецвыпуск «В гармонии с природой». М.: АКМНС и ДВ РФ, 2010 (декабрь). С. 65-72.
9. Старцев А.Ф. Современные проблемы сохранения и закрепления территории традиционного природопользования за аборигенами Приморского края (хроника одной кампании) // Этнос и природная среда. Владивосток: 1997. С. 143-150.
10. Старцев А.Ф. Социально-экономическая политика государственных органов управления и её результаты в культуре хорских удэгейцев // Регионы нового освоения: экологические проблемы, пути решения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, Хабаровск, 10-12 окт. 2008 г. в 2 кн. Хабаровск: ДВО РАН, 2008. С. 614-619.
11. Старцев А.Ф. Традиционные промысловые запреты и приметы охотников Приамурья, Приморья и Сахалина // Россия – Восток – Запад: Проблемы межкультурной коммуникации / Программа и тезисы 4-й международной научной конференции, посвящённой Году русского языка в Китае и 110-летию образования ДВГУ. Владивосток, 2 – 4 апреля 2009 г. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2009. С. 202-207.
12. Тигриный саммит // WWF [Электронный ресурс]. URL: http://www.wwf.ru/about/what_we_do/species/tiger/summit [Дата обращения: 9 ноября 2011 г.].

УДК 325.2

*Золотухин И.Н.
Zolotukhin I.N.*

Филиппинская модель организации и управления процессами трудовой миграции

Organization and Regulation of the Labor Migration Processes: Filipino Model

В данной статье рассматриваются деятельность филиппинского правительства по управлению международной миграцией, а также инструменты миграционной политики Филиппин. В статье обозначены механизмы управления миграционными процессами, дана характеристика организациям, занимающимся различными направлениями зарубежной трудовой миграции, обозначены основные проблемы трудовой миграции.

Ключевые слова: *филиппинская миграция, Департамент по труду и занятости, рекрутеры, трудовые мигранты*

In the article the activity of the Philippine government on regulation of the international migration and the mechanisms of the Philippine migration politics are considered. The measurements of the migration processes management, the organizations, regulating different directions of overseas labor migration and basic problems of labor migration are pointed out.

Key words: *Filipino migration, DOLE, recruiters, labor migrants*

Филиппины в значительной степени могут считаться миграционным донором, и их правительство стремится выработать оптимальную модель управления выездом граждан в различные страны. В настоящее время Филиппины стоят перед вызовами социально-экономического будущего, связанного с эмиграцией населения, которая будет продолжаться не только из-за сложной социально-экономической обстановки в стране, но и из-за того, что развитые страны будут продолжать испытывать потребность в иностранных мигрантах, прежде всего как дешевой рабочей силе.

Миграционная политика Филиппин начинает оформляться при режиме Фердинанда Маркоса (1972 – 1986). Первоначально она носила вынужденный характер (как временная мера, чтобы подавить выступления, вызванные ростом безработицы в результате провала политики «Нового общества»), но впоследствии филиппинское правительство пошло по пути упрощения экспорта «национальных ресурсов», понимая экономическую выгоду такого мероприятия. К делу осуществления управляемой миграции привлекаются ведомственные структуры, ориентированные не только на учет и контроль над отбывающими за границу гражданами Филиппин, но и на оказание поддержки эмигрантам.

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** zolivnik@mail.ru

Целью миграционной политики Филиппин становится экспорт национальной рабочей силы. Среди важнейших задач стоит выделить профессиональную и профориентационную подготовку трудовых мигрантов для работы в стране пребывания; обеспечение правовой защиты филиппинских граждан, направленных на работу в страны пребывания; четкое взаимодействие государственных и негосударственных структур в работе по подготовке и направлению филиппинской рабочей силы на работу за рубеж и разделение функций между ними.

В настоящее время реализацией миграционной политики республики занимаются несколько ведомств, но главным институтом является Департамент (министерство) по труду и занятости (английская аббревиатура выглядит как DOLE (Department on Labor and Employment) – «пособие»), имеющий разветвленную сеть своих работников за рубежом. Служащие Департамента занимаются вопросами содействия филиппинцам в подборе работодателя, оказания им правовой поддержки в случае нарушения их трудовых прав и оказания финансовой помощи при возникновении чрезвычайных ситуаций. Работники Департамента трудятся в 135 странах мира в представительствах данного ведомства, в посольствах в статусе трудовых атташе, а также в ресурсных центрах. Еще одним значимым государственным учреждением в этой области является Департамент международных дел (Department on Foreign Affairs – DFA).

Элементами правительственной машины по миграционным делам являются следующие агентства и бюро: (для временных рабочих) Филиппинское Управление по трудоустройству за рубежом (Philippine Agency on Employment Abroad – POEA) и Управление по благосостоянию рабочих за рубежом (Overseas Workers Welfare Agency – OWWA); и (для постоянных жителей) Комиссия по филиппинцам, проживающим за рубежом (Overseas Filipino Commission – OFC). Филиппинское государство имеет приблизительно 80 посольств и консульств, которые помогают филиппинцам за границей [12].

При проведении миграционной политики филиппинское руководство заинтересовано в расширении рынка занятости для своих рабочих, но с другой стороны вынуждено защищать права и интересы филиппинских рабочих за границей. К работе по трудоустройству филиппинцев за рубежом также активно привлекаются частные агентства занятости и неправительственные организации.

Управление по трудоустройству за рубежом занимается развитием занятости и размещением трудовых мигрантов за границей и координированием найма через введение системы лицензирования и мониторинга рекрутерских агентств. Структура была учреждена в 1982 г. в соответствии с указом Президента № 797 для поддержки и развития программ занятости за рубежом и защиты прав рабочих-мигрантов. Чтобы трудоустроиться за границей, филиппинцу необходимо в обязательном порядке получить разрешение от Управления. В 2003 г. вводится электронная система подготовка документации, согласно которой каждый работник получает идентификационную карту, содержащую всю необходимую информацию о квалификации работника. Управление осуществляет постоянный мониторинг деятельности лицензированных рекрутерских агентств и иностранных работодателей.

Главной обязанностью Управления по благосостоянию рабочих за рубежом является защита интересов филиппинских рабочих за границей. После того как в 1995 г. в Сингапуре была казнена филиппинка Флор Контемпласон, на Филиппинах был принят Закон №8042 о трудовых мигрантах и филиппинцах, проживающих за границей, устанавливающий стандарты защиты и социального обеспечения рабочих-

мигрантов и их семей. Защита прав мигрантов достигается, в том числе на основе двойной ответственности работодателя, у которого работает филиппинский трудовой мигрант, и частного агентства занятости, через которое он был трудоустроен к конкретному работодателю.

С 2007 г. в рамках Департамент по труду и занятости создается Центр реинтеграции трудовых мигрантов, в функции которого входит обучение возвратившихся домой трудовых мигрантов новым навыкам для работы в своей стране или за рубежом, а также оказание им адаптационной и психологической помощи.

Филиппины является лидером среди азиатских стран в развитии и совершенствовании законодательства по миграции. В 2003 г. в стране были приняты Закон против торговли людьми, Закон о голосовании филиппинцев, проживающих за рубежом, Закон о содержании и повторном приобретении гражданства. С точки зрения обязательств к международным нормам и стандартам относительно мигрантов, Филиппины – одна из 34 стран ратифицировавших Конвенцию ООН по правам всех рабочих-мигрантов и их семей и одна из 95 стран, ратифицировавших Протокол ООН о предотвращении, подавлении и наказании за торговлю людьми, особенно женщинами и детьми [6].

Таким образом, Филиппины имеют ряд законов, предназначенных для защиты прав филиппинцев за рубежом, в том числе их права на участие в политической деятельности на родине, и дающие возможность для приобретения двойного гражданства. Кроме того, на Филиппинах также имеется индустрия рекрутирования, которая подконтрольна Филиппинскому Управлению по трудоустройству за рубежом. Все это свидетельствует о том, что на Филиппинах действуют отработанные механизмы по управлению миграционными процессами [8].

Филиппины являются рекордсменом в области подписания меморандумов о взаимопонимании в области миграции, имея около 60 соглашений о временной трудовой деятельности граждан Филиппин в других странах, из которых 45 являются межправительственными. Характерно, однако, что Филиппины не имеют соглашений по миграции с Сингапуром, Японией и Саудовской Аравией, куда направляется основной поток филиппинских мигрантов. Также следует отметить, что двусторонние межгосударственные соглашения о миграции уделяют наибольшее внимание договоренностям, связанным с организацией рекрутирования трудовых мигрантов, и по большей части обходят стороной проблему защиты их прав [3].

Международная трудовая миграция стала важным источником поступления иностранной валюты на Филиппины, хотя Всемирный банк и Международный Валютный Фонд предостерегли Филиппины, чтобы они не опирались на международную миграцию как на источник стратегии экономического роста [10, p. 109]. С другой стороны если бы не было возможности для миграции филиппинцев за рубеж, то уровень безработицы в стране был бы еще выше.

Мигранты (а точнее их денежные переводы) вносят существенный вклад в развитие филиппинской экономики. Денежные переводы, отправляемые филиппинцами, находящимися за пределами страны, домой, являются важной статьей национального дохода, составляя, по разным данным, от 7% до 11% ВВП республики. В 2010 г. по официальным данным Всемирного банка по вопросам миграции и денежных переводов Филиппины вошли в пятерку стран – основных получателей зарегистрированных денежных переводов, получив за год сумму в размере 21,3 млрд. долларов США и обойдя Францию (15,9). Больше Филиппин получили только Индия (55 млрд. долларов), Китай (51) и Мексика (22,6) [4, с. 26].

По достаточно эмоциональному высказыванию Э. Сан Хуана: «От Акино до Эстрады (на протяжении 15 лет) производительность заграничных рабочих держала на плаву прогнившую [филиппинскую] систему» [11, p. 232], а другой исследователь, Роландо Толентино, употребил термин филиппинская «экономика вагины», в котором не только отражены характеристики филиппинского трудового экспорта за рубеж – работа, где не требуется высокая квалификация: домашнее хозяйство, уход, развлечения, но и положение Филиппин в мировой экономике как некоего «сосуда» для «проникновения» инициатив и рекомендаций Международного валютного фонда и Всемирного банка [14].

С другой стороны, учитывая тот факт, что 70% мигрантов, выезжающих за границу – женщины, президенты К. Акино и Ф. Рамос назвали их «новые героини нашей страны», а Рамос даже заявил, что филиппинские женщины – это «помощь развитию зарубежных стран» [5].

Однако проблема защиты прав мигрантов остается актуальной, несмотря на существующее как филиппинское, так и международное законодательство по этому вопросу, а усиление функций формальных институтов не снимает проблему нелегальной миграции. Хотя Томас Ачакосо – международный эксперт по вопросам миграции, экс-министр труда и занятости Республики Филиппины говорил о том, что «Филиппины..., не самая богатая страна в мире, тем не менее, ее трудовые мигранты защищены.» [1], он же сам не так давно отметил в своей презентации в Москве в мае 2011 г. что, «генеральный директор МОТ (Международной организации труда) однажды пришёл к выводу, что ни их конституционные процедуры, ни проводимые ими регулярные мероприятия в рамках технического сотрудничества «не привели к сколько-нибудь существенному успеху в деле сокращения масштабов повседневной и широко распространённой эксплуатации мигрантов» [2, с. 32].

В октябре 2010 г. Советник Президента по заграничным филиппинским рабочим Хехомар Бинай объявил об интенсивном осуществлении законов, регулирующих деятельность рекрутерских агентств, включая увеличение месячной зарплаты рабочим за рубежом и запрещение взимания платы с мигрантов, отправляющихся в страны (Канада, Великобритания и США), где рабочим запрещено платить своим рекрутерам. Работа рекрутеров будет жестко контролироваться, за нарушения последуют лишение лицензии, штрафы и судебные разбирательства.

Дженнифер Мэнэлили, чиновница Филиппинского Управления по трудоустройству за рубежом (РОЕА) отметила, что в 2009 г. были лишены лицензий 56 рекрутерских агентств и подано примерно 3 000 исков против рекрутеров.

В свою очередь рекрутеры опасаются, что действующие с 8 ноября 2010 г. новые правила (в рамках Республиканского Акта № 10022), обязывающие их оплачивать из своего кармана страхование жизни работников, что вынуждает их поднять стоимость своих услуг и это может привести к снижению числа желающих эмигрировать в поисках работы. Акт № 10022 также требует от филиппинского правительства опубликование списка стран «дружественные к мигрантам», которые ратифицировали соглашения о защите мигрантов или подписали двусторонние соглашения, регулирующие трудовую миграцию [7].

За последние годы, многие филиппинцы, приехавшие за границу, все чаще хотят обосноваться надолго или уже сразу во время своего первого визита за рубеж, или поработав по контракту и узнав о возможностях получения вида на жительство [13, p. 27].

Самыми уязвимыми с точки зрения своего положения являются нелегальные мигранты, число которых превышает миллион. Нелегальные мигранты изначально сталкиваются со многими трудностями, поскольку

ку не могут пользоваться социальными льготами, не попадают под социальную защиту и формально – бесправны. В этих ситуациях нелегальным мигрантам помогают неформальные объединения – филиппинские группы взаимопомощи, социальные сети, и ассоциации [9, p. 23]. Среди неправительственных организаций, являющихся лидерами в защите мигрантов и их семей за границей, можно назвать следующие.

Некоммерческая инициативная организация зарубежных рабочих и сообществ Atikha (по-тагальски – «спасти!»), базирующаяся в Маниле. Атиха начала работать как центр помощи вернувшимся из-за границы филиппинским рабочим, особенно женщинам. Также можно выделить Фонд поддержки мигрантов, социальная сеть развития поддержки женщин, Фонд Центра Kanlungan Inc., организующий общественные группы для борьбы против нелегального рекрутирования.

Экономический Ресурсный Центр для зарубежных филиппинцев (ERCOF) является группой, позволяющей заграничным филиппинцам и их семьям участвовать в реализации инвестиционных схем, которые могут быть полезны как мигрантам, так и сельскохозяйственному сектору Филиппин. В частности сельскохозйственные банки Филиппин предоставляют филиппинским мигрантам вклады под выгодные проценты, а в свою очередь мигранты (точнее их сбережения), смогут помочь развитию аграрного сектора филиппинской экономики – молочной промышленности, производства сахарного тростника и т.д. [9, pp. 24-25].

В целом, несмотря на то, что международная миграция имеет очевидные позитивные экономические последствия как для самих мигрантов и их семей, так и для экономики страны-донора, в то же время она приводит и к истощению трудового потенциала (утечке рук и умов). В этом смысле филиппинская экономика сталкивается с вызовом макроэкономических затрат на миграцию (филиппинской экономике дорого обходится эмиграция трудоспособного населения и затраты на ее регистрацию), хотя и извлекает выгоду из денежных переводов филиппинцев, работающих за рубежом, что снижает нагрузку на внутренний рынок труда и несколько снижает внутреннюю безработицу.

Филиппинский опыт организации и управления трудовой миграцией показывает необходимость адекватных решений со стороны как правительственных, так и негосударственных структур. Эффективность этих решений зависит от совместных действий данных структур по поддержке мигрантов, работе с рекрутерскими агентствами, реализации программ адаптации зарубежных мигрантов. Требуются рычаги подлинного частно-государственного партнерства, без которых сложно воздействовать на процессы миграции.

Литература

1. Ачакосо Т. Государство должно не бороться с трудовой миграцией, а регулировать ее//МСН-on-line// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.msn.kg/ru/news/25307/> [Дата обращения – 18.07.2011 г.].
2. Ачакосо, Т. Управление организованным набором. Презентация // [Электронный ресурс]. URL: [www.mirpal.org/files/files/Confronting Realities_RU.ppt](http://www.mirpal.org/files/files/Confronting%20Realities_RU.ppt) [Дата обращения – 31.07.2011 г.].

3. Куклина, И.Н. Международный диалог по проблемам миграции: тенденции и перспективы// [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/vector/mezhdunarodnyj_dialog_po_probleмам_migracii_tendencii_i_perspektivy_2010-03-26.htm [Дата обращения – 10.07.2011 г.].
4. Миграция и денежные переводы: цифры и факты// Под ред. Рата Дилип, Мохapatра Санкет и Силвал Ани, 2011. Издание 2-е. 275 с.
5. Aguilar D. D. Imperialism, Female Diaspora, and Feminism// *The Red Critique*. September/October, 2002, N6// [Электронный ресурс]. URL: <http://redcritique.org/SeptOct02/imperialismfemalediasporaandfeminism.htm> [Дата обращения – 14.06.2011 г.].
6. Asis M. The Philippines' Culture of Migration //Migration Policy Institute// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migrationinformation.org/Profiles/print.cfm?ID=364> [Дата обращения – 30.07.2011 г.].
7. Migration News. January 2011. Volume 18, Number 1// [Электронный ресурс]. URL: <http://migration.ucdavis.edu/mn/> [Дата обращения – 17.07.2011 г.].
8. Opiniano J.M. Centennial of Labor Migration a Poser on RP Progress. OFW Journalism Consortium newsmagazine, Dec. 4, 2005// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ofwjournalism.net/previousweb/vol4no12/prevstories4123.php> [Дата обращения – 15.07.2011 г.].
9. Opiniano J.M. International Migration as a Social Protection Mechanism in the Philippines: Issues and Implications. Policy paper, 2008. Institute for Migration and Development Issues (IMDI) 44 pp. // [Электронный ресурс]. URL: www.ofwphilanthropy.org [Дата обращения – 21.06.2011 г.].
10. Opiniano J.M. The Panorama and Drama of International Migration and Development in the Philippines// *Development, Environment and Migration. Analysis of Linkages and Consequences*. Palacy University Olomouc, 2008. Pp. 105-119.
11. San Juan E., Jr. Trajectories of the Filipino Diaspora// *Ethnic Studies Report*, XVIII (July 2000). Pp. 229-244.
12. Skeldon R. Migration and poverty// *Asia-Pacific Population Journal*, Vol. 17 (2002). No. 4. Pp. 67-82.
13. The Future of Migration: Building Capacities for Changes. World Migration Report 2010. International Organization for migration (IOM)// Minister for Immigration and Citizenship, 2009; Thomson Reuters Australia, 2009; IMSED, 2009. 43 p.
14. Tolentino, Rolando. Vaginal Economy of Images: Philippine Cinema and Globalization in the Post-Marcos Post-Brocka Era (unpublished manuscript)// Conference on New SouthEast Asian Cinemas: Where Big Budget Meets No Budget, 3-4 May 2004. Organized by Asia Research Institute, National University of Singapore// [Электронный ресурс]. URL: http://www.ari.nus.edu.sg/docs/prog_pg_cinema.pdf [Дата обращения – 02.07.2011 г.].

УДК 37.014.25

Макеева С.Б.
Makeeva S.B.

Деятельность забайкальских трудовых коллективов в развитии советско-китайского приграничного сотрудничества (1949 – 1960 гг.)

Activity of transbaikalian labour collectives in development
of the Soviet-Chinese border cooperation (1949 – 1960)

В представленной статье автор рассматривает основные направления деятельности забайкальских трудовых коллективов в развитии советско-китайского приграничного сотрудничества в 1950-е годы. Автором проведён анализ таких форм сотрудничества, как обмен опытом работы и оказание необходимой помощи в области сельского хозяйства, горнорудной промышленности, машиностроительном секторе, сфере здравоохранения, образования.

Ключевые слова: советско-китайское научно-техническое сотрудничество, приграничный регион, производство новейшего оборудования, идеи дружбы и братства, производственные практики, обмен опытом в области сельского хозяйства, горнорудные и машиностроительные предприятия

In presented article the author considers the basic directions of activity of transbaikalian labour collectives in development of the Soviet-Chinese frontier cooperation in 1950th years. The author carries out the analysis of such forms of cooperation, as an exchange of an operational experience in the field of agriculture, the mining industry, machine-building sector, sphere of public health services, education.

Key words: the Soviet-Chinese scientific and technical cooperation, frontier region, manufacture of the newest equipment, idea of friendship and a brotherhood, industrial practices, an exchange of experience in agriculture area, the mining and machine-building enterprises.

Развитие дружественных советско-китайских отношений в середине XX века оказывало значительное влияние на активизацию деятельности трудовых коллективов в таких приграничных советских регионах, как Забайкалье, в рамках поддержания сотрудничества с КНР. Особая роль в данном процессе отводилась Читинскому областному комитету КПСС, который контролировал в рассматриваемый период деятельность различных организаций Забайкалья. Настоящая статья посвящена рассмотрению деятельности забайкальских трудовых коллективов в развитии советско-китайского приграничного сотрудничества в 50-е годы XX века.

Анализируя степень изученности проблемы, необходимо отметить, что в основном в отечественной историографии представлены работы

МАКЕЕВА Светлана Борисовна, к.и.н., доцент Иркутского государственного лингвистического университета (г. Иркутск). E-mail: msbmag9581@yandex.ru

историков, характеризующие процесс межгосударственного взаимодействия СССР и КНР. Советский период историографии (1950–1980-е годы) представлен исследованиями О.Б. Борисова [2, с. 34-151], М.С Капицы [13, с. 125], А.П. Кузнецова [15, с. 67-74], О.Б. Рахманина [17, с. 57-68], Б.Н. Славинского [18, с. 173], М.И. Сладковского [19, с. 231], С.Л. Тихвинского [20, с. 34] и др. Современный период отечественной историографии (1990 г. XX в. – начало XXI в.) характеризуется переосмыслением всей системы советско-китайских отношений. Новые подходы нашли отражение в работах Е.П. Бажанова «Китай и внешний мир» [1, с. 34-151], Ю.М. Галеновича «Россия-Китай: шесть договоров» [2, с. 12-262], М.А. Потапова «Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия» [11, с. 77-125]. Обратная сторона в историографическом обзоре наблюдается при изучении деятельности забайкальских трудовых коллективов в развитии советско-китайского приграничного сотрудничества в 1950-е годы. К сожалению, в советский период времени не появлялось специальных исследований, посвящённых данной проблеме. Вышедшая в 1999 году работа историков Н.В. Гордеева, В.И. Бугреева, Н.Н. Ждановой «Советско – китайские и российско-китайские отношения в 40-90-гг. XX века» явилась первым исследованием, в котором имеются немногочисленные сведения об участии трудовых коллективов Забайкалья в развитии советско-китайского приграничного сотрудничества в период 1940-1990-е годы [4, с. 283]. Именно отсутствие значительного числа работ, посвящённых анализу деятельности забайкальских трудовых коллективов в поддержании советско-китайского приграничного сотрудничества в 1950-е годы, позволяет провести исследование на основе обширного архивного материала, внося значительный вклад в изучение истории одного из приграничных советских регионов Забайкалья.

Основы дружественных связей между представителями трудовых коллективов Забайкалья и провинций КНР стали складываться сразу же после подписания в 1950 году Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между Советским Союзом и КНР. В короткие сроки эти связи приобрели широкий и разносторонний характер. Анализ документов Государственного архива Забайкальского края показывает, что сотрудничество между трудовыми коллективами КНР и одним из приграничных советских регионов Забайкальем устанавливалось по линии обмена делегациями. Новое соглашение между советским и китайским правительствами о научно-техническом сотрудничестве 1954 г. позволило установить более тесные контакты между советскими и китайскими учёными. Шире стали использоваться каналы для обменов визитами научных работников двух стран для проведения консультаций, чтения лекций, участия в различных научных конференциях, симпозиумах и совещаниях. Советские научно-исследовательские институты занимались проектированием и изготовлением уникальных приборов, аппаратуры и образцов по заказам КНР. Китаю передавалось во временное пользование либо в дар всевозможное научное оборудование и снаряжение. Взаимное научно-техническое сотрудничество имело большое значение и для углубления двусторонних связей трудовых коллективов забайкальского региона с соседними провинциями КНР.

Своеобразным катализатором, способствовавшим установлению тесных связей между населением приграничных территорий на начальной стадии развития сотрудничества между советским Забайкальем и провинциями Китая в 1949-1960 гг., стали дружественные отношения между трудящимися двух стран, находившимися в непосредственном производственном контакте друг с другом. В рассматриваемый период времени широкие масштабы, и разносторонний характер приобрели дружественные встречи трудовых коллективов различных предприя-

тий Читинской области и отдельных провинций КНР. Во время данных встреч специалисты различных отраслей производства обменивались опытом в организации трудового процесса. Устанавливались дружеские отношения между рабочими. Ежегодно трудовые коллективы обменивались поздравительными телеграммами по случаю празднования знаменательных дат в истории двух стран. Например, 10 ноября 1958 г. в адрес Читинского областного комитета партии и Читинского областного исполнительного комитета поступила телеграмма, следующего содержания: «по случаю празднования 41-й годовщины Великой октябрьской социалистической революции, Комитет КПК АРВМ КНР, Народный комитет АРВМ КНР от имени всех народностей АРВМ КНР шлют рабочим, крестьянам и интеллигенции горячие братские поздравления. Желаем трудящимся Читинской области новых ещё больших успехов в строительстве коммунизма, в защите мира во всём мире. Пусть изо дня в день развивается вечная дружба и сотрудничество народов двух государств КНР и СССР. Комитет КПК. Народный комитет АРВМ КНР» (ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 243. Л. 42-43).

С каждым годом в период 1949-1960 гг. двусторонние связи забайкальцев с трудовыми коллективами соседних провинций КНР приобретали широкий и разносторонний характер. Яркий пример тому – установление подобных связей между трудовыми коллективами Шерловой горы и Чжайланора, Маньчжурии и Борзи, Нерчинско – Заводского района и г. Шивей. Ежегодно крупные предприятия Читинской области посещали делегации различных трудовых коллективов Китая. Во время встреч специалисты обменивались опытом по организации того или иного производства. Китайские инженерно-технические работники овладевали современной техникой и технологиями на горнорудных и машиностроительных предприятиях Забайкалья. Например, в 1957 г. в г. Читу к забайкальским геологам приехали специалисты из КНР. В составе делегации находились геолог Чжао Синьчжай и инженер – геофизик Чжу Дашоу. Во время встречи шёл обмен опытом работы. Китайские геологи посетили Областной Краеведческий музей, где познакомились с образцами забайкальских руд. В основном китайских геологов интересовали последние достижения советских разведчиков недр в области геофизических методов разведки [11, с. 4]. Полученный в ходе такого взаимного сотрудничества опыт активно внедрялся и применялся обеими сторонами.

В поддержании сотрудничества в научно-технической сфере огромное влияние оказывала работа объединённого советско – китайского учёного совета Амурской и Хейлуцзянской комплексной экспедиции Академии наук СССР и КНР. Постоянным представителем Читинской области в этой организации являлся секретарь Читинского обкома КПСС П.Н. Суворов и председатель областной плановой комиссии Е.Е. Поникарновский (ГАЗК. Ф. 3. Оп. 7. Д. 2533. Л. 27-29). Деятельность данного органа оказывала позитивное воздействие на расширение сотрудничества приграничных регионов СССР и КНР.

Смежность территорий двух приграничных регионов, общая система внутренних водных путей, сходные природно-климатические условия, общие экономические интересы способствовали интенсивному развитию прямых торгово-экономических контактов Забайкалья и провинций КНР. Важное место в их формировании занимали поставки экспортной продукции, осуществляемые забайкальскими предприятиями для народнохозяйственных нужд Китая. На фабриках и заводах Забайкалья в короткие сроки осваивалось производство различного оборудования для КНР. В октябре 1958 г. Читинский машиностроительный завод собрал и отгрузил в Китай 14 передвижных компрессоров. Читинские

строители досрочно завершили для Китая сборку высокоточных станков. Петровск – забайкальские металлурги отгрузили на китайские предприятия свыше 140 тонн высокосортного проката. В свою очередь объём китайского экспорта в Забайкалье вырос с 1950 г. по 1957 г. в четыре раза. Китай поставлял большое количество цветных металлов, изделий текстильной промышленности, обувь, продовольствие и многие другие товары (ГАЗК. Ф. П.-3. Оп. 7. Д. 763. Л. 12-15). От поставок оборудования и машин, изготавливаемых на заводах забайкальского региона СССР, в значительной мере зависели сроки ввода в эксплуатацию новых предприятий в КНР. Продукция забайкальских машиностроителей, лесозаготовителей, горняков в первую очередь направлялась в Северо-Восточный Китай – на промышленные объекты Аньшаня, Харбина, Гирин, Чанчуня, Фусиня, Даляня, Фулаэрци и других городов. Между коллективами забайкальских и китайских заводов завязалось плодотворное сотрудничество, происходили обмены делегациями специалистов, технической информацией.

Безусловно, на процесс активизации приграничного сотрудничества между Забайкальем и провинциями КНР оказывало влияние взаимодействие в промышленности и в сельском хозяйстве. Обмен технической информацией, итогами в развитии рационализаторства, личные контакты – всё это способствовало достижению новых успехов в работе советских и китайских граждан, развитию науки и техники, внедрению в производство новейшего оборудования и передовых технологий.

Среди основных форм научно-технического сотрудничества между забайкальским регионом и провинциями КНР в период 1949-1960 гг. активно был развит приём китайских студентов для прохождения производственных практик на предприятиях Забайкалья. Будущие китайские специалисты получали богатую информацию о трудовом процессе, производственных технологиях, методах работы. Например, в марте 1956 г. на руднике Хапчеранга Читинской области проходили практику молодые китайские горняки Ван Сыдай, Хуан Хуайцин, Ли Веньфу. Советские специалисты проводили теоретические и практические занятия. Китайские практиканты учились бурить, управлять погрузочной машиной, знакомились с планированием предприятия, с организацией труда и начислением заработной платы, с техническим нормированием. Все полученные знания китайские специалисты с успехом применяли на крупных горнорудных предприятиях КНР [7, с. 1]. Также, в июле 1956 г. на руднике Кличка проходили практику студенты Московского института цветных металлов Юй Гуэюй и Ван Жуцун. Они знакомились с методикой разведки месторождений, апробированием горных выработок. В процессе прохождения практики в Забайкалье китайские студенты собирали значительный материал для написания дипломных работ [9, с. 2].

Анализируя приграничное положение Читинской области с провинциями КНР можно сделать вывод о том, что не только общие интересы и цели в построении социалистического общества объединяли два региона, но и общие проблемы. Они в основном были связаны с природно-климатическими условиями. Как известно, в лесных зонах Китая и Читинской области в весеннее и осеннее время возникают пожары. В целях предотвращения пожаров совместно с китайскими гражданами работниками лесного хозяйства Читинской области проводили ряд противопожарных мероприятий. В к. 1950-х гг. в районе советско – китайской границы были проведены минерализованные полосы. Даже читинская авиация была задействована в этой работе, наблюдая за возникновением «дымных точек» как на своей территории, так и на территории КНР. Авиаци-

онная охрана проводилась от станции Покровка Читинской области до п. Сытыкере КНР.

Вдоль всей сухопутной части государственной границы в начале 1960 г. производилась посадка защитной полосы из декоративной древесно-кустарниковой растительности. Совместные действия советских и китайских работников лесных хозяйств были направлены на решение общей проблемы регионов. Обширная противопожарная деятельность, обмен делегациями по вопросам охраны лесов обеспечивала объединение усилий и возникновение новых традиций в решении региональных проблем общего характера на международном уровне. Следует отметить, что все действия со стороны забайкальских жителей китайское руководство оценивало только с благодарностью (ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 243. Л. 19-20).

Анализ партийных документов свидетельствует, что в период 1949-1960 гг. между Читинской областью и отдельными провинциями КНР было установлено сотрудничество по различным направлениям, включая область образования и здравоохранения. Большую заинтересованность в развитии этих связей проявляло руководство Читинской области, так как многостороннее сотрудничество с Китаем усиливало роль забайкальского региона в системе советско-китайских отношений.

Характеризуя сотрудничество между забайкальским регионом СССР и провинциями КНР в сфере образования, следует отметить, что связи в этом направлении носили относительно постоянный характер. В 1956 г. КНР в составе советской делегации посетил заведующий Читинским областным отделом народного образования В.Д. Васильев. Работники образования, директора школ, учителя обменивались опытом преподавания с китайскими коллегами. Познакомились с новой системой народного образования, введённой в КНР. Побывали в школах Нанкина, Кантона, Пекина, Шанхая. Обсудили общие проблемы и перспективы развития образовательных учреждений [8, с. 1].

Рассматривая сотрудничество в области здравоохранения, необходимо отметить, что по опыту китайских медиков в 1958 г. в Читинской городской больнице стали применять метод иглотерапии – лечения различных болезней путём иглоукалывания. Забайкальский терапевт Е.Н. Харламова утверждала, что этот метод позволяет восстановить силы после перенесённых тяжёлых заболеваний [11, с. 2].

Взаимодействие приграничного населения СССР и КНР проявлялось и в оказании медицинской помощи. Прежде всего, это было обусловлено недостаточной обеспеченностью приграничных районов Китая специалистами, элементарными медикаментами и медицинским оборудованием. Были известны случаи оказания срочной медицинской помощи китайскому населению, доставки и лечения больных из Китая в СССР. По свидетельству архивных данных и публикаций периодической печати Забайкалья и Китая, действия в оказании различной помощи гражданам Китая активно поддерживались как руководством Читинской области, так и КНР. В основном жители КНР нуждались в лечении, в проведении сложной операции, предоставлении медикаментов. Например, в 1958 г. медицинские работники Забайкальской железной дороги в ответ на просьбу китайских врачей, поставили в провинции КНР необходимые медикаменты. В результате были спасены китайские дети от тяжёлых последствий отравления. В середине 1950-х гг. врачи Нерчинско-заводского района Читинской области при использовании новейших медикаментов оказывали большую помощь в ликвидации вспышек оспы и других инфекционных заболеваний, организации профилактической работы среди населения соседних районов Китая [8, с. 1]. В 1958 г. китайский крестьянин Лю Женьчжи, который

сломал ногу, был госпитализирован в город Читу, и прооперирован в хирургическом отделении хирургом Т.Н. Гуваковым [10, с. 3]. В Усть – Карской больнице в 1959 г. была оказана помощь китайскому топографу Тянь Е-пану. По свидетельствам архивных данных в 1950-е гг. в Читинском госпитале проходили лечение жители КНР Хань Чуньчисень и Ян Джунсань (ГАЗК. Ф. П.-3. Оп. 7. Д. 763. Л. 12).

В 1960 г. забайкальскими врачами была оказана экстренная медицинская помощь беременной китайской гражданке Хао Сю-лань, которая ехала из города Пермь в КНР. В городе Хилок Читинской области ей стало плохо. Она была помещена в родильное отделение, где родила сына. Забайкальские врачи проявили заботу и терпение к китайской женщине. В честь названия города Хао Сю-лань назвала своего сына Ван Цзун – су Хилок. Со стороны руководства Читинской областью китайским гражданам была оказана значительная материальная помощь, подарены настольные часы, сувениры, цветы, пионерские галстуки (ГАЗК. Ф. П.-3. Оп. 7. Д. 700. Л. 22-23).

Оказание медицинской помощи китайским гражданам забайкальскими специалистами являлось результатом нормальных дружественных отношений между двумя государствами. Среди случаев оказания лечебной помощи китайским гражданам особо следует отметить следующий. В 1950-е годы о подвиге китайской патриотки Сюй Сюэхуэй было широко известно во всём мире. Защищая народные деньги, молодая китайская девушка в схватке с бандитами потеряла кисти обеих рук. Этот подвиг взволновал многих, в том числе и забайкальскую общественность. Директор Читинской протезной мастерской Алексей Алексеевич Романов для Сюй Сюэхуэй изготовил специальные протезы. По приглашению читинских комсомольцев в конце января 1960 года Сюй и её подруга Ма Лен посетили Забайкалье. В городе Чите она освоила протезы, с их помощью могла печатать на машинке, выполнять чертёжные работы, вышивать, стрелять из ружья. Сюй назвала изготовленные забайкальскими специалистами протезы «руками советско-китайской дружбы» [12, с. 4].

В целом анализ участия забайкальских трудовых коллективов в расширении советско-китайского приграничного сотрудничества в 1949-1960 гг. позволяет сделать вывод о том, что это десятилетие было периодом динамичного и плодотворного сотрудничества для обеих стран. Активное приграничное сотрудничество трудовых коллективов сыграло значительную роль в формировании промышленной базы обеих регионов, содействовало оказанию взаимной помощи трудящимся двух соседних государств в таких сферах деятельности как сельское хозяйство, горнорудная промышленность, машиностроительный сектор, сфера здравоохранения и образования.

Литература

1. Бажанов, Е.П. Китай и внешний мир. М., 1990. 351 с.
2. Борисов, О.Б. Советско-китайские отношения. 1945-1977. М., 1977. 582 с.
3. Галенович, Ю.М. Россия – Китай: шесть договоров. М., 2003. 408 с.

4. Гордеев, Н.В. Советско-китайские и российско-китайские отношения в 40-90-гг. Чита, 1999. 283 с.
5. Женьминь жибао. 1956. 29 декабря.
6. Забайкальский рабочий. 1955. 14 июля.
7. Забайкальский Рабочий. 1956. 17 марта.
8. Забайкальский Рабочий. 1956. 27 мая.
9. Забайкальский Рабочий. 1956. 8 июля.
10. Забайкальский Рабочий. 1958. 28 мая.
11. Забайкальский рабочий. 1960. 21 февраля.
12. Забайкальский Рабочий. 1960. 4 февраля.
13. Капица, М.С. КНР: два десятилетия – две политики. М., 1969. 352 с.
14. Комсомолец Забайкалья. 1959. 28 июня.
15. Кузнецов, А.П. СССР – КНР: торгово-экономические отношения // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 2. С. 67-74.
16. Потапов, М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М., 1998. С. 320 с.
17. Рахманин, О.Б. 20 лет Обществу советско-китайской дружбы // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 1. С. 57-68
18. Славинский, Б.Н. Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке, 1945-1986. М., 1988. 334 с.
19. Сладковский, М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем, 1917-1974. М., 1977. 351 с.
20. Тихвинский, С.Л. Советско-китайские культурные связи // 10 лет Китайской Народной Республики. М., 1959.

УДК 947

Фунакава Х.
Funakawa H.

Инцидент с арестом сотрудников генерального консульства Японии во Владивостоке

Incident with arrest of employees of Consulate General of Japan in Vladivostok

В статье описывается эпизод из так называемых «дипломатических войн». В 1922 – 1925 годах напряжённые советско-японские отношения (после Гражданской войны и интервенции в России они не могли быть другими) крайне негативно отразились как на японском дипломатическом корпусе, так и на только формирующимся – советском. Автор прослеживает хронику событий тех лет. Это почти неизвестный в русскоязычной литературе взгляд японской стороны.

Ключевые слова: Япония, Тайсё, дипломатия, ОГПУ, советско-японские отношения, международные отношения

The article deals with an episode from the so-called «diplomatic wars». In 1922-1925 the cold Soviet-Japanese relations (after the Civil war and the intervention in Russia they could not be different) extremely negatively influenced both the Japanese diplomatic corps and the Soviet one which was only forming. The author traces chronicle of events of those years. It is an almost unknown (in the Russian-speaking literature) view of the Japanese party.

Key words: Japan, Taisyo, diplomacy, OGPU, Soviet-Japanese relations, the international relations.

1. Кратко об аресте

26 февраля 13 года Тайсё¹ Приморский губернский отдел Объединённого государственного политического управления (далее ОГПУ²) произвёл обыски на квартирах сотрудников Генерального консульства Японии во Владивостоке: вице-консула Гундзи Томомаро (郡司智麿), переводчика Осакабэ Цуцуму (小坂部濤), чиновника администрации Корейского генерал-губернаторства Харута Рэйхатири (治田麗八郎), капитана 3-го ранга Минодзума Дзюндзи (蓑妻準二), а также капитана Ма-

ФУНАКАВА Харухи (舟川はるひ), научный сотрудник Института стран Евразии (г. Токио, Япония)

Перевод с японского: Субботин А.Н.

¹ 26 февраля 1924 г. Здесь и далее датировка приводится по Григорианскому календарю.

² 2 ноября 1923 г. Государственное политическое управление (ГПУ) было преобразовано в Объединённое государственное политическое управление. (ОГПУ) приобретает статус всесоюзной организации. Само название «ГПУ» используется в период с 6 февраля 1922 г. по 1 ноября 1923 г.

Фото 1. В Спасском отделении консульства Японской Империи (справа Мисао, няня и русская машинистка).

цуи Такуро (松井太久郎). В общей сложности было арестовано 13 человек, включая 4 японцев.

Тяжело больной Д. Минодзума находился под домашним арестом, но 2 марта был взят под стражу. Органы безопасности обвинили всех арестованных в сборе информации, составляющей государственную тайну, в частности сведений о Красной Армии. Также по подозрению в причастности к шпионажу было арестовано ещё 10 человек, русских и корейцев.

В то время в России аресты граждан Японии не были редкостью. Однако поскольку никогда прежде одновременно не было арестовано такое количество японцев, и, учитывая тот факт, что среди них было 5 сотрудников консульства и военных атташе, инцидент вызвал немалый резонанс среди японской общественности.

Одним из арестованных был Гундзи Томомаро, дед автора этой статьи. При каких же обстоятельствах был арестован дед? Выяснить этот вопрос было давнишней мечтой автора. Недавно сотрудниками Исторического архива дипломатических документов МИД Японии были обнаружены материалы об этом инциденте. Кроме того, была предпринята попытка выяснить, не сохранились ли в России материалы по этому делу, и оказалось, что документы находятся во Владивостоке в архивах Федеральной службы безопасности. На поданное тогда же в указанную организацию обращение весной 2009 г. пришёл ответ, что дано разрешение на знакомство родственником с отдельными материалами дела самого Гундзи Томомаро, но не с документами, касающимися прочих арестованных. В сентябре того же года автор посетил во Владивостоке Приморское управление Федеральной службы безопасности. Однако документы, с которыми было разрешено ознакомиться, представляли собой лишь часть всего архива, и лишь небольшую часть из них было разрешено скопировать. На вопрос о причине этих ограничений сотрудник пояснил, что поскольку Гундзи Томомаро по-прежнему считается вино-

Фото 2. С семьей и коллегой во Владивостоке (слева Томомаро). 1924 г.

вным и материалы его допроса не могут быть полностью открыты. Ниже приводится часть постановления, разрешённая для копирования.

Гундзи Томомаро, 41 год, самурай, японский подданный, по профессии – служащий, уроженец губ. Хоккайдо, окончивший Институт иностранных языков, женатый, неимущий, беспартийный. Прибыл в Приморье гор. Хабаровск в июне месяце 1919 года по командировке Министерства иностранных дел. В 1920 году из Хабаровска приехал во Владивосток и был командирован консульством в гор. Спасск на должность вице-консула, в каковой должности и пробыл до августа 1922 года, затем переехал в 1923 году в гор. Никольск-Уссурийский, где проживал до июня месяца 1923 года. За время своего пребывания в гор. Никольск-Уссурийский гр. Гундзи вёл через своих секретных агентов (шпионскую деятельность)¹. В июне 1923 года гр. Гундзи приехал в гор. Владивосток, где занял должность вице-консула при бывшем консуле японского правительства. Состоя в этой должности, он продолжал ту же противозаконную деятельность, сообщая японскому правительству о передвижении русских воинских частей и, в частности, в районе Никольск-Уссурийский – Пограничная, указывая их численность и боеспособность. Описанная деятельность (продолжалась) с октября 1922 – по настоящее время.

Исключая место рождения, данная биография соответствует действительности. На самом деле Гундзи Томомаро родился в Токио, однако эти расхождения, вероятно, возникли в силу того, что отец ребёнка Гундзи Сигэтада (郡司成忠) по долгу службы занимался освоением Курильских островов и ребёнок был зарегистрирован на о. Шумшу.

И хотя нам не удалось ознакомиться со всеми материалами дела, но уже то, что в России эти документы сохранились, было для нас очень

¹ Документ переписан А.Н. Субботиным. В оригинале на месте скобок развёрнутое предложение, коротко переданное как «шпионская деятельность» (прим. автора).

Фото 3. Томомаро (в верхнем ряду второй справа)

важно. Рассуждая о данном инциденте, следовало бы упомянуть обо всех арестованных, но, ограниченные размерами статьи, мы хотели бы рассмотреть лишь пятерых главных обвиняемых, высылку троих сотрудников консульства, а также обстоятельства и причины, приведшие к аресту.

2. Обстоятельства, приведшие к аресту

Положение Генерального консульства во Владивостоке

После краха Российской империи в феврале 1918 г. из Санкт-Петербурга был отозван посол Утида Косаи (Ясуя) (内田康哉). В августе того же года из Москвы на родину вернулся консул Кумадзаки Кё (熊崎恭). В результате отношения между Японией и советским правительством фактически были прекращены. Однако после объявления о начале интервенции на Дальнем Востоке было увеличено число консульских филиалов¹, планировалось также увеличить количество сотрудников владивостокского консульства. Впоследствии, после вывода экспедиционных войск, дополнительные филиалы были закрыты, а после установления в Приморье советской власти консульство во Владивостоке осталось единственным японским консульством в России. Японское правительство не стало закрывать владивостокское консульство, которое занималось защитой японского населения, проживающего на Дальнем Востоке (главным образом во Владивостоке), а также анализом политической ситуации в России и наблюдением за антияпонскими движениями проживающих в Сибири корейцев. Одна из причин заключалась

¹ Филиалов консульства Японии (прим. перев.).

Фото 4. Томомаро (сидит справа)

в том, что японское правительство опасалось союза большевиков со сторонниками движения за независимость Кореи.

В период интервенции в Сибири консульство во Владивостоке возглавлял Кикүти Ёсиро (菊池義郎), затем обязанности генерального консула исполнял Мацумура Садао (松村貞雄), однако сразу после вывода экспедиционных сил от напряжённой работы у С. Мацумура случился инсульт и 21 февраля 1923 г. он скончался во Владивостоке. После смерти консула С. Мацумура пост генерального консула оставался свободным, исполняющим обязанности генерального консула был назначен консул Ватанабэ Риэ (渡辺理恵). Фактически же он стал генеральным консулом.

В ноябре 1922 г. Дальневосточная Республика прекратила своё существование, а её территория, перешедшая к РСФСР, была разделена на 6 областей. Одной из них стала Приморская губерния со столицей во Владивостоке. До выборов в Приморье исполнительного комитета Советов вся власть временно сосредоточилась в руках военного комитета, в качестве главы комитета был прислан Р. Бельский. На вопрос консула Р. Ватанабэ о судьбе японского генерального консульства 7 февраля 1923 г. Р. Бельский сообщил, что получил телеграмму центрального правительства с неофициальным разрешением на продолжение деятельности консульства.

Во второй декаде февраля 1923 г. Народный комиссариат иностранных дел открыл во Владивостоке своё представительство, куда в качестве уполномоченного был направлен Н. Хавин. 20 февраля 1923 г. Н. Хавин официально известил исполняющего обязанности генерального консула Р. Ватанабэ о том, что если в течение ближайших трёх месяцев не будет официально получена экзекватура от советского правительства, то деятельность консульства будет остановлена. Японское правительство предложило перевести консульство в ранг торгового представительства

практически с теми же правами и функциями и заявило об отказе от получения экзекватуры. Поскольку советское правительство на предложение не ответило и об экзекватуре больше не напоминало, Р. Ватанабэ продолжал выполнять свои функции.

В наиболее благоприятный период, каким был 1919 г., японское население Владивостока составляло 5915 человек, но с выводом экспедиционных сил большая часть жителей была эвакуирована, и к июню 1923 г. из них в городе осталось 719 человек [7, p. 316]. Осознавая опасность для соотечественников, оставшихся во Владивостоке, в котором после крушения монархии царил хаос и было неспокойно, японское правительство вынуждено было форсировать эвакуацию японского населения. В Китае сдерживанию преступности способствовали полицейские силы, созданные при всех консульствах, однако Владивосток находился вне юрисдикции японской полиции, и в экстренном случае здесь можно было надеяться лишь на стоящий в порту Владивостока военный корабль «Ниссин». Подобные ситуации случались, и сразу после революции японское население сформировало отряды обороны, а после вывода войск предприняло меры для обеспечения собственной безопасности, передав генеральному консульству оружие, оставленное военными.

15 марта 1923 г. во Владивостоке прошёл приморский съезд советов, на котором были официально выбраны члены губернского исполнительного комитета. Руководителем Приморского губернского отдела Государственного политического управления был избран П. Карпенко. Поставленный для наблюдения за постоянно возникающими в Приморье контрреволюционными движениями, П. Карпенко поручает созданному в феврале того же года «корейскому отделу» (как называли его на тот момент в Японии) пристально следить за деятельностью проживающих здесь японцев. Руководство корейского отдела в основном состояло из членов верхушки Корейской коммунистической партии¹. Из-за усиления их влияния Владивосток покинули многие лояльные к Японии корейцы.

Сразу после прихода к власти советское правительство неоднократно поднимало вопрос об установлении мира и торговых отношений с Японией, и одновременно предпринимало попытки установления дипломатических отношений, но в Японии продолжали игнорировать эти инициативы. После создания Дальневосточной Республики предпринимались попытки неофициальных переговоров в Даляне и Чанчуне, но все они потерпели неудачу.

Гото Симпэй (後藤新平), мэр Токио и по совместительству председатель Японо-русского общества, получил от премьер-министра Като Томосабуро (加藤友三郎) неофициальное указание способствовать продвижению японо-советских переговоров и в конце января 1923 г. под предлогом лечения пригласил посла СССР в Китае Адольфа Иоффе в Японию. В противоположность положительно настроенному С. Гото, министр иностранных дел Утида Косай (Ясуя) относился к А. Иоффе весьма холодно. Министр К. Утида сразу отказал А. Иоффе в использовании необходимых для дипломата шифрованной телеграфной связи и дипломатической почты, а также в дипломатических привилегиях и равнозначном статусе, которые С. Гото пообещал А. Иоффе.

Холодный приём, оказанный министром иностранных дел послу А. Иоффе, не замедлил сказаться на Генеральном консульстве Японии. Примерно через 2 месяца после того, как К. Утида отказал А. Иоффе в использовании шифрованной телеграфной связью и дипломатической почтой, Н. Хавин известил консула Р. Ватанабэ о приостановлении ис-

¹ Крыло Коммунистической партии Кореи, сформированное в Сибири под непосредственным руководством РКП(б).

пользования консульством шифрованной телеграфной связи, с 24 апреля это распоряжение вступило в силу. Этот запрет просуществовал до того момента, пока правительство Японии не разрешило А. Иоффе использовать шифрованную телеграфную связь. Иоффе пробыл в Японии около полугода, но переговоры стояли на месте, и в августе 1923 г., увидев бесплодность всех своих попыток, он покинул Японию.

Арест секретаря министерства внутренних дел

26 апреля 1923 г. ГПУ провело обыски на квартирах командированного во Владивосток министерством внутренних дел секретаря Кагами Такэо (加々美武夫) и переводчика Окамото Кадзуо (岡本一雄), а 3 мая подозреваемые были вызваны в суд и там арестованы. Секретарь Т. Кагами был чиновником, присланным осенью 1922 г. министерством внутренних дел для «изучения планов радикальной пропаганды, а также их реализации, и чтобы способствовать контролю над радикалами»¹.

Министерство иностранных дел, получившее приказ содействовать командированному чиновнику, просило министерство внутренних дел об осмотрительности, поскольку отправка чиновника, не имеющего дипломатических привилегий, в случае возникновения осложнений с властями страны могла ещё больше усугубить ситуацию. Несмотря на это министерство внутренних дел, как и планировало, отправило Т. Кагами во Владивосток.

Получивший это распоряжение консул Р. Ватанабэ вновь и вновь обращался к правительству, однако безрезультатно. Кагами собирал информацию об антияпонски настроенных корейцах через корейских агентов. Поскольку эти агенты работали на ГПУ, то Т. Кагами был арестован. Когда об инциденте стало известно, японское общество было взбудоражено. Нашлись даже те, кто призывал в ответ арестовать находившегося в тот момент в Японии А. Иоффе. 18 мая Р. Ватанабэ обратился к Н. Хавину, указав, что этот арест ведёт к ухудшению дальнейших отношений, и потребовал освободить арестованных. 23 мая Кагами и Окамото были наконец освобождены.

Великое землетрясение Канто и инцидент с пароходом «Ленин»

24 августа умер премьер-министр Като Томосабуро, а 28 августа императорским указом на эту должность назначен Ямамото Гомбэй (山本権兵衛). Однако 1 сентября, в период формирования кабинета министров, в районе Канто произошло сильнейшее землетрясение. Это бедствие, потрясшее всю Японию, стало серьёзным испытанием и для генерального консульства во Владивостоке.

2 сентября в Москву поступает первое сообщение о землетрясении. Получивший это известие, Н. Хавин нанёс визит консулу Р. Ватанабэ и предложил через него японскому правительству себя в роли посредника для оказания помощи пострадавшим. На следующий день 4 сентября Н. Хавин вновь посещает генеральное консульство и сообщает вице-консулу Т. Гундзи о создании в Приморье комиссии по оказанию

¹ 外交史料館, 1,6,3 24-13-75 露国派遣軍撤退後ノ労働政府对極東事件雑件 第一卷「加賀美事務官拘禁家宅搜索問題」 – Исторический архив дипломатических документов. 1,6,3 24-13-75 События Дальнего Востока, связанные с рабоче-крестьянским правительством после вывода из России экспедиционных войск. Том 1. «Обыск и арест секретаря Кагами». В заголовке имя секретаря Кагами дано как 加賀美, однако здесь, следуя оригинальному документу, направленному из министерства внутренних дел в министерство иностранных дел, мы пишем 加々美. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

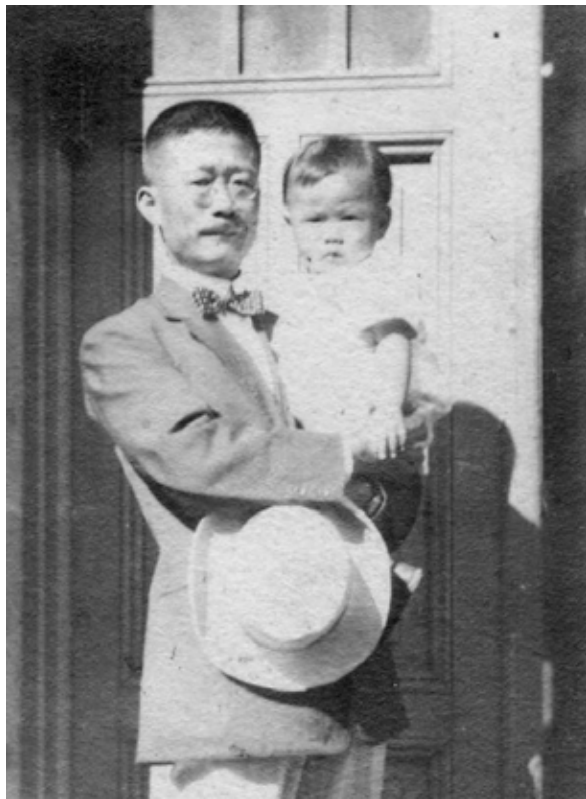

Фото 5. Томомаро. Владивосток, 1923 г.

помощи Японии, а также о намерении отправить судами Добровольческого флота материальную помощь и медицинских работников. Удивлённые этим сообщением, Т. Гундзи и Р. Ватанабэ срочно занялись сбором информации и выяснили, что советское правительство планирует, пользуясь случаем, развернуть коммунистическую пропаганду и погрузить вместе с материальной помощью большое количество агитационной литературы. Телеграммой об этом Р. Ватанабэ направил в министерство, но сразу после землетрясения связь между консульством и министерством была прервана, и ответа он не получил.

5 февраля Н. Хавин, ссылаясь на телеграмму народного комиссара иностранных дел Георгия Чичерина, адресованную японскому правительству, заявил, что хотел бы по возможности скорее отправить суда Добровольческого флота. На это Р. Ватанабэ возразил, что хотел

бы, чтобы это было сделано после того, как они дождутся ответа из министерства. Н. Хавин настаивал, что у Японии нет причин препятствовать судам с гуманитарным грузом. Посоветовавшись с Т. Гундзи, Р. Ватанабэ решил, что дальнейшее препятствование может иметь серьёзное влияние на дипломатические отношения, и, если отправка кораблей неизбежна, следует рекомендовать им избегать Токийского залива, который может представлять опасность, а войти в порт Кобэ или один из открытых портов. Сразу после совещания Р. Ватанабэ немедленно телеграфировал в министерство и губернатору префектуры Хёго о сложившейся ситуации. Помимо этого, предвидя, что из-за хаоса сообщение может не прийти, он принимает решение отправить в Японию Т. Гундзи. В тот же день Т. Гундзи отправляется из Владивостока в Кобэ. Не имея связи с Японией, Р. Ватанабэ как исполняющий обязанности генерального консула должен был принимать важные решения, связанные с международными вопросами.

8 сентября из Владивостока вышел пароход «Ленин». На его борту было 180 человек, в том числе 67 медиков, а также медикаменты и продовольствие на общую сумму 170 тысяч иен¹.

¹ 防衛省防衛研究所, 海軍省公文備考, 大正12年 卷161 変災災害(1923年9月12日付 小林第三戦隊司令官兼海軍次官宛報告書) - Институт обороны Министерства обороны Японии. Примечание к официальным документам Военно-морского ведомства Японии. 12-й год Тайсё. Том 161 «Ущерб, причинённый стихийным бедствием» (12 сентября 1923 г., доклад командира 3-го дивизиона Кобаяси секретарю военно-морского

9 февраля по прибытии в Кобэ Т. Гундзи встретился с губернатором префектуры Хёго и военными. Они обсудили предупредительные меры. Тогда же Т. Гундзи сообщил: «Помимо большого количества агитационной литературы на судне находятся также главари непокорных корейцев» (оригинальный текст сохранён – прим. автора)¹. 11 февраля прошло заседание совета министров, на котором была выработана генеральная линия относительно получения советской помощи: помощь принять и подвергнуть тщательному досмотру, в высадке экипажа на берег отказать.

12 февраля, вопреки рекомендациям Р. Ватанабэ, пароход «Ленин» входит в порт Йокогама. Японцы, полагавшие, что корабль придет в Кобэ, были в растерянности. На борт прибыли начальник порта и представители полиции. Один из полицейских обратился с вопросом к журналисту РОСТА, находившемуся на корабле, и получил ответ: «Материальная помощь предназначена для японских рабочих. У нынешнего землетрясения есть высокая миссия – революция в Японии»². Узнав об этом, чрезвычайный штаб ещё более усилил меры предосторожности по отношению к пароходу «Ленин».

13 февраля состоялось заседание кабинета министров. После того, как члены штаба доложили о событиях предыдущего дня, ситуация резко изменилась. Изменился сам курс японского правительства – помощь не принимать, а от парохода «Ленин» требовать покинуть пределы Японии.

В министерстве иностранных дел не знали об этом решении, глава отдела по делам Европы и Америки вместе с прибывшим из Кобэ Гундзи и консулом Симада Сигэру (島田滋), вернувшимся из Харбина, обсужда-

Фото 6. Супруги Томомаро в фотостудии Хабаровска, 1919 г.

ведомства). [Электронный ресурс]. URL: http://www.nids.go.jp/about_us/index.html [Дата обращения: 02.02.2012]

¹ 防衛省防衛研究所, 前掲資料 (1923年9月10日付 伊丹少将発陸軍参謀次長宛電報) - Институт обороны Министерства обороны Японии. Там же. (10 сентября 1923 г., телеграмма генерал-майора Итами заместителю начальника штаба сухопутных сил). [Электронный ресурс]. URL: http://www.nids.go.jp/about_us/index.html [Дата обращения: 02.02.2012]

² 防衛省防衛研究所, 前掲資料 (1923年9月18日付 閣議報告) - Институт обороны Министерства обороны Японии. Там же. (18 сентября 1923 г., доклад кабинету министров) [Электронный ресурс]. URL: http://www.nids.go.jp/about_us/index.html [Дата обращения: 02.02.2012]

ли, каким образом принимать помощь и на каких условиях допускать команду судна на берег. В тот же день в седьмом часу вечера полковник Такэда Гакудзо (武田額三) из комиссии по противодействию прибыл на пароход «Ленин» и передал приказ о выдворении.

Утром 14 февраля со всем грузом на борту пароход вышел из порта Кобэ во Владивосток.

17 февраля Р. Ватанабэ посещает Н. Хавина и объясняет позицию Японии в событиях с пароходом «Ленин». Однако 24 февраля советское правительство направляет через Р. Ватанабэ протест по поводу того, что «Япония без объяснения причин отклонила гуманитарную помощь народов России». Инцидент приобрёл широкую огласку не только в России, но и мире. Гундзи, который из-за разногласий, существовавших внутри японских ведомств, не мог участвовать в переговорах с командой парохода «Ленин», 21 февраля отбыл из Токио и 24 февраля вернулся во Владивосток.

26 февраля министр иностранных дел Идзюин Хикокити (伊集院彦吉) через Р. Ватанабэ отправляет телеграмму народному комиссару иностранных дел Г. Чичерину с повторными разъяснениями относительно инцидента.

Позднее советские историки [1-6] постоянно настаивали на том, что на борту парохода «Ленин» не было агитационной литературы, однако из обнаруженных недавно документов становится ясно, что на самом деле на борту судна она была¹.

Вслед за инцидентом с пароходом «Ленин» генеральному консульству во Владивостоке немало проблем доставило последовавшее за землетрясением массовые убийства корейцев². В третьей декаде сентября владивостокские газеты опубликовали сообщение о произошедших в Японии массовых убийствах корейцев. Местная газета «Красное Знамя» от 29 сентября перепечатала полный текст протеста, обращённого Временным правительством Кореи в Шанхае японскому правительству. 13 октября капитан прибывшего из Владивостока парохода «Сэйсин-мару» доложил, что досмотр прибывающих и отбывающих японских судов советскими властями с октября значительно ужесточён. Во второй декаде декабря произошёл случай, когда после совещания консульских сотрудников, проходившего на территории Корейского генерал-губернаторства, вице-консулу Гундзи и другим сотрудникам консульства, возвращающимся из Вонсана на пароходе «Сэйсин-мару», советские власти в течение некоторого времени не разрешали сойти на берег.

Застой в переговорах о возобновлении дипломатических отношений и отказ в праве на переписку

После отъезда А. Иоффе в Россию переговоры были прерваны. Лев Карахан, ставший преемником А. Иоффе на посту посла в Китае, 22 сен-

¹ В письме Войтинскому (помощнику секретаря Восточного отдела исполнительного комитета Коминтерна) находившийся на борту парохода «Ленин» Файнберг (владивостокский представитель исполнительного комитета Коминтерна) писал: «Во время плаванья было решено, используя связи с коммунистами, получать сведения о ситуации в Японии напрямую». [8, с. 185-186].

² После Великого землетрясения Канто в условиях нарушенной связи и транспортного сообщения в эту область Японии не поступало никакой достоверной информации и среди горожан ходили самые разные слухи. В частности о том, что проживающие в Японии корейцы, воспользовавшись хаосом, планируют поджоги и другие преступления. Часть жителей и представителей отрядов обороны, поверив пропаганде, участвовало в ничем не спровоцированных массовых убийствах корейцев. Относительно количества жертв существуют различные версии. Так, согласно докладу японского правительства, их число составило 233 человека, по оценкам же Временного правительства Кореи - 6661 человек.

тября нанёс визит посланнику Ёсидзава Кэнкити (芳澤謙吉) и задал вопрос, идёт ли в Японии какая-либо подготовка к началу официальных японо-советских переговоров. На это К. Ёсидзава ответил, что «даст ответ после того, как запросит инструкции от японского правительства». Японский посланник направил запрос правительству, однако оно целиком было занято восстановительными работами после землетрясения. Так и не дав определённого ответа, кабинет премьер-министра Г. Ямамото ушёл в отставку.

6 ноября советские власти запретили пароходу «Хозан-мару», совершавшему регулярные рейсы во Владивосток, доставлять почту, предназначенную для генерального консульства. Прежде вся корреспонденция для генерального консульства как дипломатическая почта отдавалась капитану, который передавал её консульскому курьеру. Когда Р. Ватанабэ потребовал у Н. Хавина объяснений, последний ответил, что по распоряжению советского правительства привилегия получения дипломатических документов временно приостанавливается до момента заключения договора между Россией и Японией. Консул Р. Ватанабэ выразил протест, что лишение права почтового сообщения необоснованно, но Н. Хавин оставил протест без внимания.

С этого момента вся корреспонденция между владивостокским консульством и министерством иностранных дел шла через советскую почту. Японское правительство приняло меры по отправке секретной информации при помощи шифра, однако нередко случалось, что письма вскрывались по дороге или приходили с опозданием.

8 ноября Р. Ватанабэ доложил министру Х. Идзюин о сложившейся ситуации. Вместе с тем Р. Ватанабэ предположил, что истинной целью давления, которое оказывало советское правительство на японское генеральное консульство, было путём причинения неудобств и препятствий ускорить установление официальных отношений. Р. Ватанабэ советует министру Х. Идзюин следующее: «Я верю, что это удобный момент для начала переговоров, решения в будущем многочисленных неурегулированных вопросов и получения Японией экономических и торговых преференций»¹. На это министр Х. Идзюин ответил, что подобное давление не является подходящим средством для приближения начала переговоров и отклонил совет Р. Ватанабэ.

24 ноября Н. Хавин по телефону передал Р. Ватанабэ, что по указанию советского правительства генеральному консульству приказано временно прекратить обмен шифрованными телеграммами. По этому поводу Р. Ватанабэ заявил протест и подчеркнул, что подобные меры вредят отношениям между двумя странами и, прежде всего, самой Советской России.

Лишение полномочий исполняющего обязанности генерального консула Ватанабэ

Лишённый одна за другой дипломатических привилегий и не имея практически возможности выполнять свои обязанности, Р. Ватанабэ отправил министру иностранных дел Х. Исюин и заместителю министра Ц. Мицудайра длинную телеграмму, в которой писал, что если подобное положение продлится, то есть вероятность, что консульство будет подвергнуто обыску, его сотрудники арестованы, а сама дипломатическая

¹ 外交史料館, 1, 6, 3 24-13-76 在浦潮帝国領事館否認及館員並駐在武官被拘禁ノ件 - Исторический архив дипломатических документов, 1, 6, 3 24-13-76. Инцидент с отзывом полномочий генерального консульства Японской империи во Владивостоке и арестом сотрудников консульства и военных атташе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

миссия принудительно закрыта. Консул Р. Ватанабэ подчёркивал, что кардинальным решением может быть только начало официальных дипломатических переговоров между К. Ёсидзава и Л. Караханом. Три недели спустя 22 января пришёл ответ от только что вступившего в должность министра иностранных дел Мацуи Кэйсино (松井慶四郎). В телеграмме говорилось, что министр понимает ту сложную ситуацию, в которой оказалось консульство, и просит сотрудников набраться терпения и действовать сообразно сложившимся обстоятельствам, а в случае чрезвычайной ситуации действовать на своё усмотрение в зависимости от шагов, предпринятых советской стороной.

12 февраля Н. Хавин письменно уведомил Р. Ватанабэ о том, что: «Советское правительство не допускает присутствия на территории лиц, официально выполняющих обязанности от имени правительства Японии». Более того, 16 февраля Н. Хавин объявил Р. Ватанабэ о полном прекращении почтового сообщения с Японией. 18 февраля Ирино, глава японской общины во Владивостоке, направил министру К. Мацуи телеграмму о том, что проживание японцев в России стало невозможным и ходатайствовал о начале переговоров относительно восстановления японо-советских дипломатических отношений. 20 февраля министр К. Мицуи направляет К. Ёсидзава распоряжение «встретиться с Караханом и выяснить намерения советской стороны относительно многочисленных нерешённых вопросов между Японией и Советами, поскольку скорейшее установление дипломатических отношений выгодно в том числе и Японии». 24 февраля в беседе с Л. Караханом К. Ёсидзава передаёт намерения японского правительства. В ответ на это Л. Карахан предупредил, что давно не получал никаких инструкций относительно этого и не знает нынешних планов советского правительства, и изложил К. Ёсидзава своё видение проблем относительно прежних договоров, а также государственного долга и других нерешённых вопросов японо-советских отношений.

Спустя 2 дня после этой встречи 26 февраля во Владивостоке одновременно на квартирах сотрудников консульства, военных атташе и представителей японской общины были проведены обыски.

3. Домашние обыски и задержание сотрудников генерального консульства

Обыски прошли на квартирах трёх сотрудников генерального консульства.

Осакабэ Цуцуму (на момент ареста 34 года) в течение 5 лет с 1916 г. находился при секретариате Консультативного совета Корейского генерал-губернаторства (朝鮮總督府中樞院局), затем работал в консульстве в Кандо¹, после переведён в генеральное консульство в Харбине, с января 1923 г. был направлен в генеральное консульство во Владивостоке в качестве переводчика. В местном консульстве как «ответственный по делам корейцев» (как в тот момент называлась должность) отвечал за сбор информации о деятельности антияпонски настроенных корейских обществ, чьи опорные пункты находились в окрестностях Владивостока, и в целом защиту корейского населения, проживающего на территории России.

Харуга Рэйхатино (на момент ареста 44 года), как и Осакабэ Цуцуму, в качестве «ответственного по делам корейцев» с ноября 1922 г. служил в генеральном консульстве во Владивостоке, однако являлся сотруд-

¹ Кандо (間島, кор. Кандо, яп. Канто) – область на территории современного Янбяньского корейского автономного округа, входит в состав провинции Цзилинь (КНР) (примю.перев.).

ником не министерства иностранных дел, а администрации Корейского генерал-губернаторства. Направленный в Сибирь в качестве внештатного сотрудника департамента по делам японских войск во Владивостоке, после приезда в Россию в июне 1921 г. был передан в подчинение секретарю К. Ямадзаки. Последний был командирован из Корейского генерал-губернаторства в качестве внештатного сотрудника департамента по общим делам. Позднее в связи с эвакуацией департамента К. Ямадзаки был освобождён от обязанностей внештатного сотрудника, но получил приказ остаться и был переведён на работу в генеральное консульство.

Гундзи Томомаро (на момент ареста 41 год) находился во Владивостоке с июня 1923 г. в качестве вице-консула генерального консульства. Отвечая в консульстве за иную важную работу, он также курировал работу подчинённых ему Ц. Осакабэ и Р. Харута, связанную с корейским населением. В июне 1919 г., через год после того, как японские войска заняли Хабаровск, Гундзи прибыл туда к новому месту службы. Позже вместе с отступающими японскими войсками он переехал в Спасск, где возглавил местное отделение консульства. В период пребывания в России японских войск, помимо защиты проживающего здесь японского населения, он занимался вопросами японских войск. Во время вывода войск генеральный консул Мацумото, консулы Сугино и Гундзи выдали более 5000 виз для эвакуируемых соотечественников и посадили их на корабли, возвращающиеся на родину¹. После вывода войск Т. Гундзи находился в Никольск-Уссурийском, однако после скоростной смерти генерального консула С. Мацумура стал правой рукой исполняющего обязанности генерального консула Р. Ватанабэ и был переведён во Владивосток. Поскольку сразу после прибытия к месту службы в Хабаровск Т. Гундзи неоднократно инспектировал корейские поселения, а во время своего пребывания в Спасске и Никольск-Уссурийском имел отношение к сбору информации о деятельности антияпонски настроенных корейцев, то можно предположить, что он выполнял обязанности ответственного по делам корейцев.

Иными словами, всех троих объединяло то, что они отвечали за корейский вопрос.

«26 февраля в 6 часов утра трое русских и один кореец в сопровождении ночного патруля вошли в дом, предъявили ордер за подписью начальника ОГПУ Карпенко и ещё одного лица и заявили, что цель их прихода – обыск. Я незамедлительно позвонил консулу Ватанабэ, чтобы известить его. Но телефон был испорчен, поэтому связаться с ним не удалось (не было связи с коммутатором)»².

Так описал Т. Гундзи в своём отчёте события того дня. Обыскивающие проигнорировали протесты Т. Гундзи и приступили к осмотру. Почти в то же самое время и в том же порядке обыски прошли на квартирах Ц. Осакабэ и Р. Харута. Обыски на квартирах продолжались более 3 часов, помимо прочего было изъято более десятка документов. По словам

¹ 外交史料館, 5.3.2.1-5 露国革命ノ際在帝国及各国公館引揚一件 第七卷/一般/沿海州方面居留民引揚調 - Исторический архив дипломатических документов. 5.3.2.1-52 Эвакуация дипломатических представительств из Российской империи в период русской революции. Том 7. (Общее) Эвакуация жителей Приморья. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

² 外交史料館, 1, 6, 3, 24-13-75 露国派遣軍撤退後ノ労農政府対極東事件雑件 第二卷「3.本邦人拘束」1924年3月25日付 郡司副領事「報告書」 - Исторический архив дипломатических документов, 1, 6, 3, 24-13-75. Различные происшествия на Дальнем Востоке, связанные с рабоче-крестьянским правительством после вывода экспедиционных войск. Том 2. «3. Ограничения в отношении японцев». Донесение вице-консула Гундзи, 25 марта 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

арестованных сотрудников консульства, среди изъятого не было сколько-нибудь важных бумаг, однако, как докладывали Т. Гундзи и Ц. Осакабэ, обыски велись крайне бесцеремонно, особенно грубо вёл себя кореец.

После обыска Т. Гундзи и Р. Харута были немедленно уведены, а избежавший ареста Ц. Осакабэ спешно прибыл в консульство, где и доложил консулу Р. Ватанабэ о случившемся. Ватанабэ заявил протест Н. Хавину и П. Карпенко, но получил резкий ответ: «Мы не можем принимать дипломатические требования от гражданских лиц».

Во второй половине того же дня Р. Ватанабэ направляет министру К. Мацуи телеграмму о происшествии и приступает к подготовке консульства к обыску. Он принимает меры для защиты оставшихся сотрудников, а также секретных документов, кодов шифрованных телеграмм и связанных с ними бумаг, информации в расчётных книгах относительно секретных расходов, и оружия, оставленного японскими отрядами обороны. В 6 часов утра следующего дня все приготовления были завершены.

27 февраля в 11 часов утра Ц. Осакабэ был вызван по телефону корейцем, находившемся на службе в ОГПУ, и там задержан.

Переговоры об освобождении, допрос и постановление

Поскольку Р. Ватанабэ отказали в переговорах об освобождении арестованных японцев, 1 марта министр К. Мацуи направляет посланнику в Пекине К. Ёсидзава указание о том, чтобы потребовать у посла Л. Карахана объяснений причин ареста и немедленного освобождения арестованных. Также он пишет: «Действительно ли они намерены разорвать существующие русско-японские отношения? Если так, то нам необходимо всячески противодействовать этому, поскольку положение очень серьёзное, требуйте от них пересмотра своих позиций, о результатах телеграфируйте»¹.

С 3 марта К. Ёсидзава несколько раз встречался с Л. Караханом. Ёсидзава протестовал, что обвинения в «сборе информации, представляющей государственную тайну», выдвинутые ОГПУ, могут включать в себя любую деятельность и являются нечёткими. Аресты по такой неопределённой причине заставляют усомниться в позитивных намерениях советского правительства, и могут оказать существенное влияние на дипломатические отношения двух стран». На это Л. Карахан ответил, что, по информации владивостокских властей, арест был произведён на основании неопровержимых доказательств и не был случайным, что в Японии есть люди, которые истолковывают этот инцидент как попытку форсировать дипломатические переговоры, однако таких намерений у советского правительства нет. Принимая во внимание масштабы влияния этого события на правительство и народ Японии, Л. Карахан намерен настойчиво требовать у владивостокских властей немедленных объяснений, какая именно информация имеется относительно лиц, занимающих «официальные должности»², и кроме того, намерен приложить максимальные усилия для освобождения арестованных.

¹ 外交史料館, 1,6,3 24-13-76 在浦潮帝国領事館否認及館員並駐在武官被拘禁ノ件 - Исторический архив дипломатических документов, 1,6,3 24-13-76 Инцидент с отзывом полномочий Генерального консульства Японской империи во Владивостоке и арестом сотрудников консульства и военных атташе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

² На вопрос Ёсидзава, к какой области относятся те, кто занимает «официальные должности» и относятся ли к ним военные атташе, Карахан ответил, что к ним принадлежат сотрудники консульства, исключая военных атташе.

1 марта начались допросы всех трёх сотрудников консульства. Осакабэ допрашивали шесть раз, Харута – пять, Гундзи – дважды. Допрашивал всех троих начальник 3-го отдела ОГПУ Моллов. Иногда на допросах также присутствовали другие русские и переводчик-кореец. Каждый допрос длился около 2 часов, иногда 4,5 часа, и продолжался днём и ночью.

Допрос Ц. Осакабэ главным образом касался шпиона. ОГПУ арестовало одного из агентов, которых использовал Ц. Осакабэ, и на основании свидетельств, полученных в ходе жестокого допроса, вышло на самого Ц. Осакабэ. Однако последний, ссылаясь на то, что, кроме этих показаний, достоверных доказательств нет, упорно отрицал обвинения.

На допросах Р. Харута задавались самые разные вопросы, но больше всего времени Моллов уделил изъятым во время домашнего обыска фрагментам бумаг, относящихся к документам о Красной Армии. В бумагах, о которых шла речь, были обрывочные записи, сделанные в 1923 г. относительно командующих Красной Армией, имён членов и численности антияпонских корейских организаций, существовавших в районе Никольск-Уссурийского. Харута подтвердил, что записи сделаны им, но ответил, что не помнит источник информации и как их использовал.

Сведения о Красной Армии были направлены в докладе вице-консула Гундзи министру иностранных дел от 25 октября 1923 г. и содержали информацию о передвижении частей Красной Армии из Никольск-Уссурийского в район Гродеково. Моллов предъявил Р. Харута фотографии этих записей и на основании почерка и содержания обвинил того в том, что это несомненно написал он. Однако Р. Харута это отрицал. Позже в своём докладе министру Р. Харута подтвердил тот факт, что документ был написан им, но не объяснил, почему он использовал для этого имя Т. Гундзи.

На первом допросе Т. Гундзи задавали незначительные вопросы. На втором допросе Моллов предъявил ему одну фотографию как веское доказательство того, что Т. Гундзи военный шпион. Это был снимок донесения касательно воинских частей близ Никольска-Уссурийского, датированного 29 декабря 1923 г. и адресованного министру иностранных дел от имени вице-консула Т. Гундзи. Увидев это фото, Т. Гундзи был крайне удивлён, поскольку на донесении, которого он не помнил, стояла его подпись, а сам почерк принадлежал его подчинённому Р. Харута. Моллов продемонстрировал ещё порядка тридцати похожих фотографий. Некоторое время Т. Гундзи находился в замешательстве, что же ответить на это. Гундзи рассудил, что если он станет отрицать свою вину, то под серьёзное подозрение может попасть Р. Харута, более того, может дойти до ареста консула Р. Ватанабэ и других сотрудников консульства и обыска в консульстве, и что любым способом необходимо этого избежать. Поэтому он ответил так: «Эту докладную записку действительно написал я. Я составил её на основании информации, которую слышал в поездке и на рынке во время своей командировки в Никольск-Уссурийский. Однако поскольку информация не была проверенной, то я последовал совету консула Ватанабэ и не стал отправлять министру это сообщение».

Оставив эту тему, Моллов перешёл к следующему вопросу. Допрос завершился на рассвете 15 марта.

Несмотря на все заверения Л. Карахана, даже спустя две недели вопрос об освобождении сотрудников консульства не был разрешён. 13 марта К. Ёсидзава получает от министра иностранных дел К. Мацуи указание вновь потребовать от Л. Карахана освобождения задержанных. Карахан ответил, что уже потребовал освобождения сотрудников генерального консульства, и что, должно быть, они уже освобождены. Получив из министерства иностранных дел такую информацию, Р. Ва-

танабэ обратился за подтверждением к Н. Хавину и П. Карпенко, однако те ответили, что никаких указаний ни от советского правительства, ни от Л. Карахана не получали.

15 марта после полудня Молов вызвал всех троих – Т. Гундзи, Р. Харута и Ц. Осакабэ – и зачитал им постановление.

«Все трое, выходя за рамки своих должностных обязанностей, вели разведывательную деятельность в отношении информации, представляющей государственную тайну рабоче-крестьянской России, а также относительно состояния частей Красной Армии, что согласно статье 66 законодательства рабоче-крестьянской России карается расстрелом. Однако, принимая во внимание особые обстоятельства, суд приговаривает их на основании статьи 128 пункта 2 к минимальному наказанию – пяти годам тюремного заключения»¹.

На следующий день 16 марта в 11 часов утра начальник ОГПУ П. Карпенко вызвал к себе всех троих. Арестованные уже приготовились к тому, что они будут отправлены в тюрьму, однако П. Карпенко объявил им, что, согласно распоряжению начальника Читинского ОГПУ, они приговариваются к выдворению за пределы страны. При этом присутствовал Р. Ватанабэ, который утром того же дня получил сообщение от П. Карпенко и спешно прибыл в ОГПУ. Свою позицию по этому вопросу Р. Ватанабэ объяснял так: «Конечно, мне следовало дожидаться инструкций от императорского правительства, но обстоятельства были таковы, что другого выбора не было»².

В тот же день на корабле «Кэндзан-мару» Т. Гундзи отбывает из Владивостока, Р. Харута и Ц. Осакабэ получают отсрочку, чтобы собрать вещи, и 29 марта также покидают страну.

23 марта во владивостокской газете «Красное знамя» в статье под заголовком «Выдворение японских шпионов» было размещено интервью с П. Карпенко примерно следующего содержания: «Пользуясь иностранной интервенцией и безвластием, Япония собирала информацию об обороноспособности страны и с установлением советской власти не прекратила эту деятельность. Гундзи, Харута и Осакабэ, будучи сотрудниками консульства, вышли за рамки, допустимые международными отношениями, и занимались сбором информации военного характера. Особенно это касается вице-консула Гундзи, который собирал информацию о расположении частей Красной Армии, составляющую государственную тайну, и передавал её своему правительству»³.

5. События, предшествовавшие аресту

Как мы видим, с момента установления во Владивостоке советской власти давление на генеральное консульство усиливалось. Особенно это

¹ 外交史料館, 1,6,3, 24-13-75 露国派遣軍撤退後ノ労働政府对極東事件雑件第二巻「3.本邦人拘束」1924年3月24日付 小坂部通訳生「報告書」 - Исторический архив дипломатических документов, 1,6,3, 24-13-75 Различные события на Дальнем Востоке, связанные с рабоче-крестьянским правительством после вывода экспедиционных войск. Том 2. «Ограничения в отношении японцев». Доклад переводчика Осакабэ Цудуму от 24 марта 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

² 1924年3月17日付 渡辺総領事代理発 松井外務大臣宛電報第91-2 - Телеграмма № 91-1 исполняющего обязанности Генерального консула Ватанабэ министру иностранных дел Мацуи от 17 марта 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

³ 1924年3月23日付 渡辺総領事代理発 松井外務大臣宛電報118号 - Телеграмма № 118 исполняющего обязанности Генерального консула Ватанабэ министру иностранных дел Мацуи от 23 марта 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

было заметно непосредственно перед арестом. Лишение консульства его полномочий, приостановление почтового сообщения – все эти меры вели к дальнейшей эскалации конфликта. По этой причине и консул Ватанабэ, и японское правительство с самого начала восприняли этот инцидент как одно из проявлений давления со стороны советского правительства. Сотрудники владивостокского консульства Т. Гундзи, Р. Харута и Ц. Осакабэ также в своих докладах излагают эту точку зрения. Однако незадолго до инцидента в Пекине начались встречи между Л. Караханом и К. Ёсидзава по поводу переговоров о возобновлении дипломатических отношений. Возникает вопрос, нужно ли было советскому правительству в такой важный момент оказывать дополнительно какое-то давление. Хотя этот инцидент с арестом не оказал серьёзного влияния на советско-японские отношения, но несомненным его результатом стало то, что у Л. Карахана и К. Ёсидзава прибавилось работы, а само начало переговоров оказалось отсрочено.

26 марта в Харбине в русскоязычной газете «Новости жизни» на первой полосе была размещена статья вкратце следующего содержания:

«Несмотря на то, что доказательств шпионажа было достаточно, Карпенко ограничился всего лишь высылкой сотрудников генерального консульства, что показывает нежелание обострять конфликт между двумя странами, поскольку советское правительство расположено к Японии. Думается, однако, что это вызвало бурю возмущения в сердцах японцев и содействовало усилению антипатий по отношению к Советам. Остаётся вопросом, насколько арест был подходящей мерой. Чиновникам, отвечающим за безопасность во Владивостоке, следовало быть более осмотрительными с политической точки зрения»¹.

Через несколько дней после того, как вышла эта статья, Н. Хавин был снят с должности уполномоченного советского правительства по международным делам. По информации из Пекина, причиной этого стала его «причастность» к аресту и то обстоятельство, что советское правительство, похоже, было уязвлено².

Как именно Н. Хавин был причастен к инциденту и какие разногласия существовали между советским правительством и приморским руководством, остаётся неясным. Но исходя из сложившейся ситуации, можно предположить, что центральное правительство не принимало активного участия в аресте сотрудников консульства.

Тогда почему приморское ОГПУ самовольно решилось на арест сотрудников консульства? Т. Гундзи и Ц. Осакабэ в своих докладах указывают, что аресту предшествовала закулисная деятельность антияпонски настроенных корейских обществ. Агент, работавший на Ц. Осакабэ, донёс, что на собрании руководителей этих обществ часть руководства Корейской коммунистической партии, представители его радикального крыла, предложили обратиться к российской стороне с просьбой арестовать Т. Гундзи, Р. Харута и Ц. Осакабэ. Радикальное крыло настаивало на том, что заключение советско-японского договора ослабит их влияние и рано или поздно приведёт к тому, что они уже не смогут находиться на территории России, и что прежде необходимо каким-то образом

¹ 1924年3月26日付 在ハルビン山内総領事発 松井外務大臣宛公信第161号 - Официальное сообщение № 161 Генерального консула в Харбине Ямаути министру иностранных дел Мацуи от 26 марта 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

² 1924年3月25日付 芳澤公使発 松井外務大臣宛極秘電報第206号 - Секретная телеграмма № 206 посланника Ёсидзава министру иностранных дел Мацуи от 25 марта 1924 г. Новость о снятии Хавина с должности консулу Симада Сигэру сообщил корреспондент «РОСТА» Ознесенский. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

отомстить Японии, и сейчас наиболее удобная возможность лишить генеральное консульство его полномочий. Это было в пятую годовщину провозглашения декларации независимости Кореи, накануне 1 марта. В этот день антияпонски настроенные корейцы на протяжении нескольких лет организовывали демонстрации. Удивительное совпадение, но допросы Т. Гундзи, Р. Харута и Ц. Осакабэ начались 1 марта. Вполне вероятно, что арест Т. Гундзи и других сотрудников консульства стал возможен в силу настойчивых действий антияпонски настроенных корейцев, имевших влияние на членов приморского правительства, особенно ОГПУ.

Однако японская сторона также дала повод для ареста. Правительство Японии продолжительное время держало своих незащищённых чиновников в стране, с которой не было установлено официальных дипломатических отношений. Оно не осознавало в полной мере той опасности, в которой те находились, и не предпринимало необходимых мер. Несмотря на постоянные обращения Р. Ватанабэ о том, что нет другого принципиального решения проблемы, кроме возобновления дипломатических отношений, японское правительство не спешило с возобновлением дипломатических переговоров. Очевидно, что такая позиция японского правительства и привело к данному инциденту.

Кроме того, нельзя не заметить, что Министерство иностранных дел и Корейское генерал-губернаторство далеко не всегда находили общий язык в вопросах противодействия корейцам, находившимся на территории России. То донесение на имя министра иностранных дел, которое ОГПУ предъявило Т. Гундзи в качестве доказательства военного шпионажа, было ложным, не было написано Гундзи и не отсылалось министру иностранных дел. Но в таком случае кем и куда оно было отправлено? Т. Гундзи сообщил сотруднику министерства иностранных дел, что это сообщение было отправлено Р. Харута для Корейского генерал-губернаторства, но по дороге было вскрыто и сфотографировано ОГПУ. Можно предположить, что Р. Харута посылал в администрацию Корейского генерал-губернаторства информацию о деятельности консульства, используя форму, копирующую донесения министру иностранных дел за подписью Т. Гундзи. Поскольку было немало случаев, когда ОГПУ вскрывало почту, то Р. Харута, чтобы обезопасить себя, вероятно, использовал имя своего начальника Т. Гундзи.

Администрация Корейского генерал-губернаторства была недовольна тем, что после вспышки корейских освободительных движений контроль за ними министерством иностранных дел ведётся излишне осторожно. Начальник Р. Харута секретарь К. Ямадзаки придерживался именно этой линии и даже настаивал на том, что будет гораздо лучше, если контроль за корейцами в России переложить с министерства иностранных дел на администрацию Корейского генерал-губернаторства¹.

Исходя из того, что Корейское генерал-губернаторство поручило Р. Харута тайно передавать информацию о деятельности консульства, нетрудно понять то недоверие и желание противодействовать министерству иностранных дел, которое существовало в этом ведомстве.

¹「大正12年2月 露領在住朝鮮人統治二関スル意見」浦潮派遣政務部属託朝鮮総督府事務官 山崎真雄 - Февраль 1923 г. «Об управлении корейским населением, находящимся на территории России». Внештатный сотрудник отдела по делам японских войск во Владивостоке, секретарь Корейского генерал-губернаторства Ямадзаки Масао. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

6. Заключение

Сам Т. Гундзи в кругу семьи почти не говорил об инциденте, но его супруга Гундзи Мисао (郡司操) часто рассказывала о том дне своей внучке, автору этой статьи. В день внезапного прихода ОГПУ 26 февраля у М. Гундзи шли одиннадцатые сутки после родов. Во время обыска на М. Гундзи наставили пистолет, от пережитого потрясения на следующий у неё день начался жар и практически полностью пропало молоко. Младенца было нечем кормить. Этим несчастным ребёнком был отец автора этой статьи.

После выдворения Т. Гундзи консул Р. Ватанабэ взял на себя заботы о возвращении на родину супруги вице-консула Гундзи с младенцем и двумя маленькими детьми, выделил сопровождающего и распорядился, чтобы министерство позволило Т. Гундзи самому встретить их в порту Цуруга, куда прибывал корабль.

В сентябре 1925 г. после возобновления официальных советско-японских дипломатических отношений Р. Ватанабэ официально приступил к обязанностям Генерального консула Генерального консульства Японии во Владивостоке.

Спустя ровно год после инцидента, в феврале 1925 г., в Министерство иностранных дел Японии пришло сообщение о том, что во Владивостоке вспыхнуло восстание матросов. Молов, руководивший допросами Т. Гундзи и других сотрудников консульства, был насмерть забит восставшими, а начальник ОГПУ П. Карпенко бежал из Владивостока. Известие об этом передал исполнявший в тот момент обязанности консула в Харбине Т. Гундзи¹.

Литература

1. Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907-1929. Составление, вступительная статья, подготовка текста и примечания. М., 2005
2. Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999
3. Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929-1948). М., 2005.
4. Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899-1929). М., 2005.
5. Молодяков В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891 – 1945). М., 2006.
6. Молодяков В.Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887-1949): дипломат, политик, мыслитель. М., 2006.
7. 原暉之『シベリア出兵—革命と干渉1917-1922』筑摩書房 1989年 (Хара Тэруюки. «Сибирский экспедиционный корпус. Революция и интервенция 1917-1922». Издательство «Тикумасэбо», 1989)

¹ 1925年2月25日付 在ハルビン郡司総領事代理発 幣原喜重郎大臣宛機密第37号 [浦潮斯徳ニ於ケル暴動ニ関スル件] - Секретное донесение № 37 исполняющего обязанности Генерального консула в Харбине Гундзи министру Сидэхара Кидзюро от 25 февраля 1925 г. «О восстании во Владивостоке» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

8. ワシリー・モロジャコフ、木村汎訳 『後藤新平と日露関係史』藤原書店 2009年
(Василий Молодяков. Перевод: Кимура Хироси. «Гото Симпэй и история японо-
русских отношений». Изд-во «Фудзивара сётэн», 2009)

УДК 94(47); 09; 913; 908

Постников В.В.
Postnikov V.V.

Книжный памятник историко-географических знаний в России XVII в.

Book monument of historical and geographical knowledge in Russia XVII century

В работе приводится общее описание и идентификация рукописной космографии XVII в., хранящейся в библиотеке Общества изучения Амурского края.

Ключевые слова: *исторические источники, историко-географические знания, космография, Россия*

This paper provides a general description and identification of handwritten cosmography of XVII century, stored in the Library of Society for the Study of the Amur region.

Key words: *historical sources, historical and geographical knowledge, cosmography, Russia.*

Изучение памятников русской книжности на Дальнем Востоке является частью регионального гуманитарного знания. Историк-краевед А.П. Георгиевский уже в 1920-х гг. говорил о необходимости охраны и изучения памятников древней русской письменности, обнаруженных в дальневосточном регионе, и в качестве примера описал фрагменты рукописей XVII-XVIII вв. [1].

Одним из интересных памятников книжной культуры, хранящихся в библиотеке ОИАК (Владивосток), является старинная рукописная космография. Она относится к коллекции старообрядца С.Я. Поносова, которая обладает большой научной ценностью, и привлекает внимание культурной общественности Приморья [3; 7, с. 212-213; 8]. Книга насчитывает более 800 листов, написана беглым, но вполне доступным для ознакомительного чтения полууставом, отличается хорошей сохранностью. Подробное археографическое описание этой книги находится в библиотеке вместе с книжной коллекцией. Космография привлекает внимание как памятник историко-географических знаний, который может представлять особый интерес для специалистов. Но для непосредственной работы с таким сложным источником нужны дополнительные источниковедческие исследования. В литературе известны определения этого экземпляра как «Космография 1720 г.» и «Космография 1670 г.», поэтому представляет интерес вопрос о более точной идентификации этого списка. Важнейшими признаками для определения редакции древнерусских текстов являются разбивка на главы, их количество, дословные совпадения текстов. В рассматриваемом списке выделено 230 глав, что

ПОСТНИКОВ Валерий Валентинович, сотрудник Тихоокеанского военно-морского института (г. Владивосток). E-mail: postnikoff@mail.ru

соответствует Космографии 1637 г. В Космографии 1670 г. выделяется 76 глав, а Космография 1720 г. как редакция не известна, это определение может быть датировкой списка, что для идентификации текста имеет вторичное значение. В списке из ОИАК, как и в Космографии 1637 г., совпадают нумерация, содержание и текст глав (выборочно): 35 – «Россия» (состоит из двух статей о России), 131 – «О Ругии острове». Классические списки Космографии 1637 г., как и экземпляр из ОИАК начинаются словами: «Книга глаголемая Космография, сиречь всего света описание. Всякому убо человеку свойственно есть от Бога дарованным ему разумом под небесами обретающихся всякихъ вещей иже зреть очима своими и ведати о них же слышать изыскивати и изобретати...». Таким образом, мы предлагаем определить рассматриваемый экземпляр как список Космографии 1637 г. Этот вариант космографии является переводом и переработкой текста Атласа Г. Меркатора 1595-1606 гг., что было сделано в Москве в Посольском приказе в 1637 г. Космография Г. Меркатора излагает информацию не только о физической географии, но также сообщает об экономической, политической жизни, истории различных стран, и отчасти является историко-географическим описанием [5, с. 213, 208-216]. В дальнейшем этот вариант космографии распространился в списках, и послужил основой для компилятивной Космографии 1670 г., которую иногда признавали в этом рукописном томе из ОИАК. Однако, неверно было бы привязывать датировку этого текста конкретно к 1637 г. Данный список содержит включение более позднее, которое должно быть датировано второй половиной XVII в. – вторая статья из упомянутой нами главы о России (объяснения приведены ниже). Такая ситуация не оригинальна, и наблюдается в одном из известных списков Космографии Г. Меркатора – так называемом Румянцевском [6, с. 516]. Поэтому более правильно было бы определить космографию из ОИАК как перевод и переработку Космографии Г. Меркатора (1637), или список Космографии Г. Меркатора с дополнениями.

К какому времени относится этот список? В археографическом описании, хранящемся в библиотеке с космографией, приведены аргументы в пользу его датировки последней четвертью-концом XVII в. Кроме анализа филиграней и почерков, датирующими свойствами обладает и оформление книги. На титульном листе в верхней части декоративной рамки находится изображение восседающего на троне коронованного Иисуса Христа с предстоящими фигурами. Этот иконографический тип получил название «Царь Царём» (Царь царей), распространился в России с последней четверти XVII в., и зачастую использовался для оформления книг (например, представленное в экспозиции Александровского музейного комплекса печатное Евангелие 1698 г., оклад которого украшен подобным изображением). Этот иконографический тип был распространён и в XVIII в., но в другой, барочной стилистике. Изображение на космографии имеет более строгий, близкий к традиционному иконописанию облик, и поэтому вполне может служить дополнительным аргументом в пользу датировки списка концом XVII в. Надо полагать, это религиозное изображение на такой книге с определённо светским содержанием имело особое значение. Вероятно, оно служило напоминанием традиционной установки о том, что царей и государств много, но царь всех царей – Христос, Бог, который является гносеологическим источником и корнем мироздания. Это был способ встроить «мирские» знания космографии в официально-религиозную систему мировоззрения того времени.

Главный интерес представляет содержание книги. Космография организована по принципу сплошного «сканирования» земной поверхности с запада на восток. Крайняя точка, с которой начинается описание – Исландия. Затем последовательно описываются Западная, Северная,

Южная Европа, страны Африки, Азии и Америка. Описание европейских стран занимает около 9/10 текста, отличается подробностью, вплоть до писания провинций. Неевропейские территории описаны согласно последовательности (после Греции): Эфиопия, Египет, Малая Азия, Персия, Тартария, Китай, Индия, и т.д. В описаниях стран отмечаются географическое положение, природа, климат, ресурсы, хозяйство, быт населения, история.

Поскольку эта работа имеет ознакомительный, обзорный характер, мы отметим те особенности, которые в первую очередь привлекли наше внимание. Наибольший интерес у нас вызывает информация о России, Сибири и прилегающих регионах Дальнего Востока. Немаловажно, что Россия в Космографии причисляется к европейским странам согласно последовательности: скандинавские страны, Пруссия, Ливония, Московия, Литва, Трансильвания и т.д., т.е. понимается в основном как удалённая часть Северной Европы: «То московское государство долготою и широтою великим пространством расширяется, с ополуночной страны море мёрзлое, в востоке татаре, в полудня турецкое да польское государство»; «Винограда, масла деревянного и никаких сладких овощей не родиться, потому что земля студёна» (гл. 35). Описание России, составленное в основном в конце XVI в., дополнено второй более поздней русской статьёй о Московском государстве, где границы России описаны соответственно ситуации второй половины XVII в.: «и паки к востоку даже до Ледовитаго моря и до земли Сибирские и до пределов Китайскаго и Богданскаго царства. Имать же под собою и Сибирскую всю землю с прилежащими к ней ордами...». Упоминание Богданского (Богдойского) государства относит текст ко времени не ранее 1651 г., когда Е. Хабаров впервые сообщил это название. Верхняя граница этого текста, вероятно – 1660-е гг., поскольку в описании России не упоминается о церковном расколе, определившемся на соборе 1667 г., и говорится, что русские «христианскую веру держат крепко и непреложно, и отнележе прияша святое крещение и доселе ни един от них не бысть еретик...». Таким образом, текст этой статьи можно датировать условно около 1660 г.

Специальная глава посвящена описанию Татарии (гл. 211, «Тартария»), которая рассматривается в основном отдельно от России, соответственно исторической ситуации конца XVI в. Татария по представлению Космографии – это территории Центральной и Северной Азии, бывшая империя Чингисхана: «Первый царь того государства, который то государство завёл и всякие чины в нём уставил называют его... Цынхис...». Так определяется границы Татарии: с востока – Китай, с юга – Индия, на западе – «море Фалистимское и Польское королевство», с севера – Московское государство. Татария, как территория гигантская, разделяется на регионы: «меньшая татарская земля во Европе между Доном рекою да татаринам Херсонесскими, где перекопские татаре живут»; «Татария пустая многие орды имеет: заволжью, казанскую, башкирскую...»; «Во области Китае есть озеро вельми многорыбно. Около того озёра 100 вёрст озеро китайское где Обь река протекает в пустую татарскую землю и во иные и немало в ней великих рек...». Название «Китай» в Космографии относится к территориям Центральной Азии и отличается от нашего современного понятия о Китае, который в тексте называется «Хина». Из известных географических названий в описании Северной Азии мы встречаем р. Обь, которая, как видно, является восточной границей достоверно известных земель в этом тексте. Информация об остальной части Татарии полна измышлений: «В древние лета теми государствами владел Ефиопский царь Иерей Иван, тамошние жители того Ефиопского царя называют Престиан (Пресвитер Иоанн – В.П.)... пристойно то имя папе или коему великому духовному властителю»; «в татарской земле

озёра многие... есть озеро такое, множество в нём жемчугу что всякому колико кто хочет мощно бы наловити...»; Нужно отметить, что в этой космографии мифологические сведения достаточно умеренны, присутствуют в меньшей степени, чем это встречается в других источниках того времени. Несмотря на неопределённости в описаниях, присутствие различных неизвестных названий, Сибирь вполне правдиво представляется как регион с мощными речными системами. В описании северных областей Татарии упоминается некая река Квианфа(?) – «больши тоя реки во всём свете несть». Однако, сведения Космографии о Северной Азии весьма ограничены и традиционны. В ней присутствует самая общая информация о регионе, почти ничего не говорится о северо-восточной Азии, нашем Дальнем Востоке, который оставался неизвестным. Архаизм сведений этого произведения наглядно показывает отсутствие информации об Амуре, что дополнительно свидетельствует, что основной текст Космографии был составлен до середины XVII в.

В отличие от малоисследованной на то время Северной Азии, страны Восточной и Юго-Восточной Азии были более известны составителям Космографии. Она стала одним из ранних источников знаний о Китае в России, подогревая интерес к богатейшей стране Востока: «Царство Хинское вельми славное, сильное... В том государстве ни единого места пустого где бы не родилоя всякого земного плода... много злата, серебра и меди и железа и иные всякие руды... и всего в том государстве свыше меры родится, ремесленных промышленных людей множество...» (гл. 212, «Хинское царство»). Эти сведения служили стимулом к поиску путей в Китай, что являлось одним из факторов русских географических открытий, освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII в. В некоторых случаях Космография стала открытием прежде неизвестных стран для России. В Космографии 1637 г. впервые в России появилось описание Японии (гл. 216, «Япония или Япон-остров», впоследствии повторённая в Космографии 1670 г.). Актуальность этих материалов показывают современные публикации [4, 2]. Завершается Космография описанием островов Юго-Восточной Азии и «Новой Испании» – Америки.

Таким образом, Космография 1637 г. в фондах ОИАК является книжным памятником развития историко-географических знаний в России XVII в. В настоящее время известно несколько полных списков этой Космографии, которая является, по мнению историка-архивиста XIX в. А. Попова, одним из крупных явлений русской переводной литературы XVII в. К примеру, приведём список Космографии Г. Меркатора из экспозиции Центрального Государственного исторического музея в Москве, представленный наряду с другими книгами, демонстрирующими развитие научно-практических знаний и образования в России XVII в.: «Цифирная счётная мудрость», «Геометрия», «Лечебник конский» и т.д. Это показывает культурное и научное значение списка из ОИАК. Присутствие этой книги в библиотеке ОИАК, как отделения Российского географического общества – наследника и продолжателя русских географических исследований, русской научной школы, является символическим. Эта книга может служить источником по истории научных знаний в России, мировоззрения, литературы того времени для историков, культурологов, филологов, и других специалистов, для которых важное значение имеет работа с оригинальными источниками.

Литература

1. Георгиевский А.П. Вопрос об архивах и памятниках древней русской письменности в пределах ДВ края // Записки Владивостокского отдела государственного Русского географического общества (ОИАК). – Владивосток, 1929. Т. 2 (19). С. 92, 67-111.
2. Ермакова Л.М. Описания Японии в старописьменной русской культуре XVII века // Acta Slavica Iaponica. Т. XVIII, 2001. Sapporo, Japan. P. 175-203.
3. Иванцова Н.С. Источники по истории старообрядчества Сибири и Дальнего Востока // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Материалы международной научной конференции. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. С. 61-70.
4. Кононова А.Ю. "Царство Хинское велми славное, силное и вельможное". Сведения о Китае XVI в. из «Космографии» Герарда Меркатора // Исторический архив, № 4. 2006. С. 165-173.
5. Лебедев Д.М. География в России XVII века. Очерки по истории географических знаний. М.-Л.: Изд-во АН, 1949. 235 с.
6. Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. М., 1869. 541 с.
7. Хисамутдинов А.А. Общество изучения Амурского края: события и люди. Ч. I: Монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2004. 276 с.
8. Щербакова М.М. Уникальная библиотека // Власть книги: Библиотека. Издательство. Вуз. Владивосток: ДВГУ, 2001. № 1. С. 15-18.

УДК 343.4

*Жерновой М.В., Сухаренко А.Н.
Zhernovoy M.V., Sukharenko A.N.*

Перспективы сотрудничества правоохранительных органов Дальнего Востока России и Корейского полуострова

**Prospects of cooperation between law enforcement agencies of
Far East of Russia and the Korean Peninsula**

В работе содержится анализ состояния и тенденций сотрудничества правоохранительных органов Дальнего Востока и Корейского полуострова в сфере борьбы с трансграничной преступностью.

Ключевые слова: *сотрудничество, преступность, правоохранительные органы*

The paper analyzes the status and trends of cooperation between law enforcement agencies of the Far East and the Korean Peninsula in the fight against trans-border crime.

Key words: *cooperation, crime, law enforcement agencies.*

Дальний Восток граничит с развитыми и быстро развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Общая протяжённость государственной границы – 25 575 км, в том числе: с КНР – 2 536 км, КНДР – 78,4 км, США – 49 км, Японией – 194,3 км; а также 23 000 км морской границы с нейтральными водами. Особое географическое положение способствует интенсивному развитию международных связей.

Приморский край обладает самым большим в ДФО числом пунктов пропуска через границу – 18. Чуть меньше – 16 пунктов – в Сахалинской области, всего же ДФО располагает 66 пограничными пунктами пропуска.

В соответствии с пп. «о» п. 1 ст. 71 Конституции РФ координация международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ и выполнение международных договоров РФ находятся в совместном ведении РФ и её субъектов. В настоящее время осуществление международных связей субъектами РФ регламентируется следующими правовыми актами:

Федеральный закон от 4 января 1999 г. №4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ»;

Постановление Правительства РФ от 1 февраля 2000 г. № 91 «О

ЖЕРНОВОЙ Михаил Васильевич, к.ю.н., начальник филиала ФГУ ВНИИ МВД России по Приморскому краю (г. Владивосток). **E-mail:** primvni@bk.ru
СУХАРЕНКО Александр Николаевич, директор АНО «Центр изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности» (г. Владивосток). **E-mail:** sukharenko@mail.ru

принятии Правительством РФ решении о согласии на осуществление субъектами РФ международных и внешнеэкономических связей с органами государственной власти иностранных государств»;

Постановление Правительства РФ от 24 июля 2000 г. № 552 «Об утверждении Правил государственной регистрации соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключённых органами государственной власти субъектов РФ».

Утверждение в 2001 г. Правительством Концепции приграничного сотрудничества в РФ имело большое значение для определения государственной политики в данной сфере, систематизации целей и задач в сфере расширения контактов российских регионов с регионами сопредельных государств, превращения приграничного сотрудничества в весомый фактор вхождения России в мировую экономику и экономического роста страны [1].

Под приграничным сотрудничеством понимаются согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, направленные на укрепление взаимодействия Российской Федерации и сопредельных государств в решении вопросов устойчивого развития приграничных территорий РФ и сопредельных государств, повышения благосостояния населения приграничных территорий РФ и сопредельных государств, укрепления дружбы и добрососедства с этими государствами.

Согласно Разделу I Концепции, одной из основных задач приграничного сотрудничества является содействие обеспечению национальных интересов и национальной безопасности на государственной границе РФ, в том числе в сфере борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и другими правонарушениями. При этом в Разделе III рекомендовано развивать сотрудничество в правоохранительной сфере, в том числе: совместные действия по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, осуществление взаимодействия в сфере охраны общественного порядка, борьбы с трансграничной организованной преступностью и терроризмом, контрабандой, незаконным оборотом наркотиков и преступлениями в сфере экономики. Впоследствии эти рекомендации были закреплены в «Перечне мероприятий по реализации Концепции приграничного сотрудничества в РФ», утверждённом распоряжением Правительства РФ от 18 июня 2004 г. № 826-р.

Право правоохранительных органов России на сотрудничество с компетентными органами других стран регламентируется федеральным законодательством. Так, Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 28.11.2009 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» [2] и Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [3] прямо устанавливают, что правовой основой их деятельности являются общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ.

Согласно п. 5 ст. 10 ФЗ «О полиции», взаимодействие полиции с правоохранительными органами иностранных государств и международными полицейскими организациями осуществляется в соответствии с международными договорами РФ. При этом полиция в своей деятельности обязана использовать информационные системы, сети связи, современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру (ст. 11).

Для правоохранительных органов Дальнего Востока России (где наиболее актуален трансграничный аспект организованной преступности) возникает необходимость сосредоточить усилия на координации

международного сотрудничества с соответствующими органами приграничных государств АТР, в том числе Южной и Северной Кореи.

КНДР. В настоящее время по-прежнему действует Договор об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключённый между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой 16 декабря 1957 г. в Пхеньяне. В соответствии с Договором, оказание правовой помощи осуществляется через центральные органы, а объём правовой помощи предусматривает выполнение таких процессуальных действий, как: составление и пересылку документов, исполнение поручений о вручении документов, проведение обысков и выемок, пересылки и выдачи вещественных доказательств, допроса свидетелей, экспертов, обвиняемых, опроса сторон и других лиц, судебного осмотра. Кроме того, Договором предусмотрена обязанность выдавать лиц, находящихся на их территории для привлечения к уголовной ответственности или приведения в исполнение приговора.

Однако практическое сотрудничество между правоохранительными органами двух стран в сфере борьбы с трансграничной преступностью только формируется. Первое за последние годы соглашение между МВД России и МНБ КНДР было подписано в Москве 6 июня 2005 г. Документ определил основные направления и формы взаимодействия правоохранительных органов, а также механизм его реализации. Кроме того, 9 июня 2005 г. во Владивостоке состоялась рабочая встреча министра народной безопасности КНДР с руководством Главного управления МВД России по ДФО, на которой были обсуждены вопросы взаимодействия в приграничных районах.

Основываясь на положениях Соглашения, в сентябре 2005 г. был подписан Протокол встречи руководителей ГУ МВД России по ДФО и Управления народной безопасности провинции Северный Хамген МНБ КНДР. Данный протокол закрепил порядок проведения регулярных встреч представителей обоих государств; решение о создании координирующих групп, установления каналов прямой связи путём обмена почтовыми адресами, номерами телефонной, факсимильной и Интернет-связи с целью оперативного обмена информацией; решение о создании банка данных о гражданах КНДР, депортированных с территории субъектов ДФО за административные правонарушения в целях проверки их на причастность к совершению преступлений на сопредельных территориях и недопущению их повторного въезда на территорию РФ в период действия в отношении их ограничений.

В случае необходимости следственно-оперативная группа, возглавляемая соответствующими руководителями подразделений и офицерами связи УНБ провинции Северный Хамген и ГУ МВД России по ДФО, может быть направлена в сопредельную страну для проведения оперативно-розыскных и следственных мероприятий по раскрытию преступлений и задержанию преступников в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством обеих стран. Сопредельная сторона должна оказывать в этом всяческое содействие. Любая из сторон, получив просьбу об оказании помощи, обязана дать соответствующий ответ в течение 10 дней, при чрезвычайных и экстренных ситуациях ответ должен быть дан в течение 2 дней. Задержание подозреваемых в совершении преступлений и лиц, в отношении которых вынесены постановления о заключении под стражу и скрывающихся в сопредельном государстве, должно производиться только на основании просьб сопредельной стороны в соответствии с законодательством обоих государств.

Приходится констатировать, что в вопросах взаимодействия двух стран ещё остаются направления, требующие совершенствования. Так,

значительно затрудняет контроль над преступными формированиями, участниками которых являются граждане КНДР, частое несоответствие целей их въезда на территорию округа с фактическим пребыванием, несвоевременное оформление документов и несвоевременный выезд граждан КНДР с территории субъектов округа. В рамках противодействия трансграничной преступности данная проблема требует скорейшего разрешения.

Кроме того, взаимодействие с правоохранительными органами КНДР до сих пор осуществляется через территориальные представительства МИД России и пока сводится только к предоставлению сведений о ходе раскрытия преступлений, совершённых в отношении граждан КНДР.

Республика Корея. В соответствии с положениями Договора о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1999 г.) стороны оказывают друг другу широкомасштабную правовую помощь в проведении расследований, уголовном преследовании или судебных процессах по уголовным делам. Правовая помощь включает в себя: получение показаний или заявлений; предоставление информации, документов, материалов и вещественных доказательств; определение местонахождения и идентификацию лиц или предметов; вручение документов; исполнение запросов о проведении обыска и изъятия предметов; обеспечение дачи показаний лицами, содержащимися под стражей, и иными лицами, а также оказание ими помощи в проведении расследований; меры содействия в отношении доходов от преступления; и иные виды помощи, не запрещённые законодательством запрашиваемой стороны. При этом Договор не затрагивает вопросов выдачи преступников.

Взаимодействие органов внутренних дел ДФО с корейскими коллегами регламентируется Соглашением о сотрудничестве между МВД России и Национальным агентством полиции Республики Корея от 19 сентября 2000 г. Документ представляет собой письменное выражение намерения двух сторон сотрудничать в области противодействия преступности путём оказания правовой помощи, а также проведения регулярных встреч.

Среди встреч регионального уровня следует отметить встречу в феврале 2008 г. на уровне ГУ МВД России по ДФО с представителем Генконсульства Республики Корея по вопросу о возможности двустороннего сотрудничества в правоохранительной сфере; а также встречу в декабре 2004 г. УВД Приморского края с представителями Национального агентства полиции Кореи, посвящённую обмену информацией в сфере борьбы с организованной преступностью и в отношении экспортёров сырьевых ресурсов. Однако каких-либо официальных соглашений в ходе встреч подписано не было.

Сегодня взаимодействие Главного управления с корейской полицией в части получения информации о противоправных действиях осуществляется через Управление Генеральной прокуратуры в ДФО. В целях развития сотрудничества между органами внутренних дел и Национальным агентством полиции Республики Корея необходимо подписание протокола о взаимодействии, который бы определял конкретный порядок совместных действий правоохранительных органов.

В июле 2011 г. вступило в силу Соглашение между Правительством РФ и Республикой Корея о сотрудничестве в области предупреждения незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла живых морских ресурсов (2009 г.). Это важнейший документ, который призван остановить незаконные поставки морских биоресурсов, прежде всего, крабов, выловленных в исключительной экономической зоне России. Соглашение предусматривает, что республика Корея за 24 часа будет информи-

ровать российскую сторону о намерении судна с водными биоресурсами в любом виде – живом, охлаждённом, замороженном – зайти в корейские порты. Для этого российские суда обязаны предоставить соответствующие разрешения и документы на груз. Аналогичным образом должны будут действовать и российские власти в отношении южнокорейских рыболовных судов [4].

С 15 по 17 ноября 2011 г. в Сеуле прошли российско-корейские консультации экспертов по практической реализации данного Соглашения. В ходе переговоров стороны обменялись информацией о сотрудничестве в сфере предотвращения незаконного промысла¹, а также определили меры по совершенствованию информационного обмена.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 9 февраля 2001 г. № 196-р. Реализация этих задач не только имеет важнейшее общегосударственное значение, но и непосредственно затрагивает интересы 49 приграничных субъектов РФ, 42 из которых являются депрессивными или экономически недостаточно развитыми.
2. Российская газета. 2009. 2 декабря.
3. Российская газета. 2011. 8 февраля.
4. Россия и Южная Корея приступают к контролю ННН промысла. // ПРАЙМ-ТАСС. 2011. 15 июля.

¹ По словам главы Росрыболовства А.Крайнего, указанное Соглашение уже дало свои результаты: в 2010 г. на корейский рынок было поставлено 400-450 млн. тонн рыбы и морепродуктов, выловленных легально и подтверждённых документально. Ранее этот объём продукции поставлялся в Корею, в основном, браконьерами

*Метляева Т.В.
Metljaeva T.V.*

**«Эпистема цвета
в смоленской архитектуре и живописи»**

«Episteme of color in architecture and painting of Smolensk»

Рецензируемая работа¹ «Эпистема цвета в смоленской архитектуре и живописи» – глубокий научный труд, представляющий собой не только исследование семантического порядка, но и историю трансформации архитектурного развития г. Смоленска, а также возникновения цветового языка в контексте колористической культуры рассматриваемого автором региона.

В работе анализируются подходы к заявленной проблематике с точки зрения таких наук как социология, психология, искусствоведение и выявляется художественная эпистема, соответствующая познавательной парадигме своего времени. Однако само понятие «эпистема» автором рассматривается как знание, тогда как у М. Фуко, на идеи которого опирается Ю.А. Грибер, – это структура, существенно обуславливающая возможность определённых взглядов, концепций, научных теорий.

Композиция работы построена по хронологическому принципу на основе анализа развития, формирования и трансформации памятников архитектуры Смоленщины (не только сохранившихся, но и разрушенных строений), начиная с древних времён и до наших дней именно по определённой структуре. В работе прослеживается влияние различных этнических культур, географических, климатических условий на архитектуру в целом и на цветовой облик г. Смоленска.

Используя различные методологические средства (системный подход, исторический, биографический методы, а также ряд социологических методов, включая контент-анализ), автор подробно анализирует культовые постройки, цветовые традиции и динамику цветового облика архитектуры Смоленска.

Несомненным достоинством работы является разработанная автором измерительная методика, применяемая для изучения спектральной структуры и доминирующих цветов, как отдельных декоративных растений, так и смоленских городских усадеб в целом.

Рассматривая хроматические доминанты древней и средневековой архитектуры Смоленска, автор отмечает её этнокультурную неоднородность и влияние, оказываемое на неё как восточных балтов, так и южных славян, затем западноевропейской культуры (литовцев и поляков), что не могло не отразиться на цветовой традиции смоленской архитектуры.

МЕТЛЯЕВА Татьяна Викторовна, к.культурологии, доцент кафедры сервиса и моды Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток).
E-mail: metlaevatv@mail.ru

¹ Грибер Ю.А. Эпистема цвета в смоленской архитектуре и живописи: монография / Ю.А. Грибер. Смоленск: Маджента, 2008. 298 с.

Древний Смоленск до XII века был деревянным городом, материалом для строительства служили хвойные породы – сосна, ель, лиственница, дуб и его цветовой образ был охристо-коричневым и серовато-серебристым. Существенно изменился цветовой облик Смоленска с применением в строительстве кирпича и камня, а также извести, в палитру города добавились белый и красный цвет. Белый цвет символизировал чистоту, возвышенность. Это цвет божественного начала и духовной силы. Красный цвет всегда был символом праздника, жизни, радости, красоты, подчёркивая наиболее важные детали в архитектурном ансамбле (с. 23-24).

Силуэт Смоленска в это время напоминал пирамиду, вершиной которой являлся детинец, самую высокую площадку которого занимал Собор Успения Святой Богородицы. Ниже размещались монастыри, церкви, колокольни, терема.

Огромное влияние на архитектуру города и на его цветовое решение оказал стиль барокко. На его основе сложился самобытный облик города, сочетающий в себе черты русской архитектуры с элементами центрально-европейского барокко, элементами других европейских стилей, таких как ренессанс и маньеризм, особыми чертами белорусских ремесленных промыслов, прежде всего, изразцового дела. В Смоленске барочная стилистика использовалась в основном в архитектуре православных храмов (церковь Иоанна Предтечи, Богоявленский собор, Спасо-Преображенский собор Авраамиевского монастыря, построенный в стиле барокко с чертами украинского зодчества, отличающийся пышностью, нарядностью, декоративностью орнамента и др. храмы).

Классицизм, просуществовавший до конца XVIII в., расставил социальные акценты не только в архитектуре города, но и в его цветовой среде. Официальная архитектура, монументальные репрезентативные сооружения, дома аристократов были бесцветными, светло-жёлтыми, серыми и белыми, однако народная архитектура не подчинялась цветовым канонам стиля и сохранила в жилых домах горожан свою пёструю красочность.

В период конца XIX – начала XX веков появилась мода на ретроспективные стили, комбинации архитектурных элементов, заимствованных из различных национальных стилей (в архитектуре данное соединение разностилевых элементов получило название эклектики). Основными знаками в эклектике стали деталь и декор. Так, стилю барокко подражает архитектура ряда особняков, оформленных декоративными вазами, узорчатыми решётками, ступенчатыми наличниками, пучками колонн с пышными капителями. В отдельных домах преобладает богатая штукатурная отделка, которая включает в себя профилированные обрамления и барельефы, применяемые над окнами в картуше между гирляндами в виде женских маскаронов, в звёзчатых розетках и гирляндах по стволу, в арочных входах. В этот период в городе появились здания, фасады которых были выкрашены розовым, голубым, терракотовым, охристым цветом.

Во второй половине XIX века цветовой облик зданий изменило применение новых строительных материалов (металла, бетона, железобетона) и новых строительных конструкций. Серый цвет бетона и цементной штукатурки быстро темнел и был мало затратным в строительстве, поэтому тёмно-серый тон стал доминирующим не только в Смоленске, но и во многих европейских городах.

В начале XX века на смену эклектике пришёл модерн, который характеризуется живописным содержанием, использованием зооморфных и растительных мотивов в декоре, заимствованных в природе. Здания окрашивались в естественные тона – зеленоватые или жемчужно-серые,

розовые, а затем в период рационалистического модерна более яркие тона.

В этот же период наряду с модерном в смоленской архитектуре появилась стилизация под национальные формы далёкого прошлого. В качестве национально-романтического течения рассматривается неорусский стиль, в облике произведений которого главную роль играл именно цвет. Чаще всего использовали кирпичный основной фон в сочетании тёплых охристых и терракотово-коричневых тонов, орнаментальные вставки и панно из ярких керамических плиток.

Одним из принципов колористической организации архитектуры модерна стало применение на фоне доминирующих цветов земли и камня звучных чистых цветов, типичных для народного искусства. На фоне серого камня керамические вставки сине-зелёного и фиолетового оттенков напоминали палитру озёр, синих сумерек. Таким образом, использование многоцветного декора играло активную композиционную роль. Противопоставление изразцов «нематериальных» синих и голубых цветов и охристых тонов основного строительного материала снимало ощущение тяжести фасада, придавало ему ажурность и пространственность (с. 82).

В советский период на смену модерну пришёл конструктивизм, а затем и постконструктивизм: революция изменила не только политический строй, но и мировоззрение людей. Идеология конструктивизма строилась на ценностях демократии и всеобщего равенства, реализовывалась идея интернационализма и создания новой наднациональной культуры. Конструктивисты сводили архитектуру к инженерному искусству, поэтому новыми идеалами стали простота, функциональность, художественный минимализм и технологичность архитектурных форм. Основными строительными материалами стали стекло, сталь, железобетон. Цветовой облик города также изменился, его палитра сузилась до небольшого диапазона сероватых цветов.

Огромный урон городу нанесла Великая Отечественная война, во время которой из 9900 зданий 9600 было разрушено. По окончании войны наступил новый этап развития архитектуры, который продолжался до 1955 года. С помощью новых архитектурных проектов формировался город страны победительницы, памятник эпохи. Однако дополнительное символическое значение получила архитектура Древней Руси и русский классицизм. Доминирующим же стилем оставался неоклассицизм с применением элементов античной архитектуры и социалистического символизма.

Эстетическое содержание архитектуры социалистического символизма заключалось в использовании классических ордерных форм, дополненных государственной символикой СССР – герб, пятиконечная звезда, серп, молот, применяемых в виде декора. Происходило смешение разных стилей и направлений, использовались приёмы архитектуры Греции, Рима, Востока, эпохи Возрождения. Наблюдался синтез архитектуры, скульптуры и живописи (с. 104-107).

В 1950-х – 1960-х гг. в архитектуре отдельных городов и всей страны приоритетное значение получила функциональность. Рационализм присутствует и в строительстве жилых домов, и административных зданий, форма которых была крайне примитивна – простая прямоугольная призма с различной этажностью и протяжённостью фасадов. Таковыми типичными формами утверждался идеал универсального, всеобщего.

В 1970-х – 1980-х гг. было разрешено в каждом регионе вносить изменения в типовые проекты и менять отделку внешних панелей стен – фактуру, материал облицовки и цвет, поэтому строительство типовых

домов было дополнено индивидуальными элементами в виде бетонных малых форм, крупных номеров и надписей на торцах дворов.

Полихромия зданий этого времени чаще всего сводилась к красно-белому двуцветию, что сохранилось и в современной архитектуре, однако доминировал всё же красный цвет (фасады зданий, мосты, ограждения, остановки общественного транспорта, сам транспорт, павильоны, киоски и наружная реклама были переполнены красным).

Для современной архитектуры города характерны смелые, яркие колористические решения, определяющие лицо целых кварталов и микрорайонов, использование типичных для постмодернизма приёмов – цветowych цитат, глубоких метафор и суперграфики.

Современный язык архитектурной формы, связанный с развитием техники, детали которой, ассоциируемые с механизмами, средствами транспорта (самолётом, автомобилем, кораблём), стали появляться в различных постройках. Наряду с этим образ космического века воплощается в перетекающих объёмах помещений, стеклянных стенах и дверях.

Главные цвета современной смоленской архитектуры – цвета металла. Лёгкие и тонкие конструкции благодаря металлическому блеску воплощают идеи стабильности, длительного существования, вечности. В современной колористике воплощаются также новые экологические идеалы. Архитекторы начинают осваивать культуру цвета, который в современном планировании используется для достижения ансамблевой целостности города.

Рассматривая смоленскую живопись с древних времён и до наших дней, можно подчеркнуть, что она обладает собственным художественным канонам. Особая роль в анализе современной живописи отводится искусству граффити, с той точки зрения, что граффити-сообщение представляет собой закодированный текст, символика которого отражает события социокультурной жизни его исполнителей, и является интересным материалом для изучения особенностей цветового языка представителей молодёжной субкультуры.

В работе встречаются и отдельные спорные моменты. Так, во введении автор, давая интерпретацию термина «эпистема», выделяет следующую характеристику: «...достигнутый к данному времени уровень культурного знания, как специфический образ мышления, который определяет нормы деятельности человека, понимание им феноменов окружающего мира и восприятие действительности» (с. 7). Однако на протяжении всей работы идёт подробное описание цветовых предпочтений в архитектуре и в живописи и совершенно не прослеживается их влияние на культурное развитие населения и на определение норм деятельности человека. Тогда как автор подробно анализирует влияние господствующего общественного строя на цветовую партитуру архитектурных строений города. Так, в период социалистического строя в архитектуре доминирует красный цвет, а во времена барокко прослеживается яркое разноцветье. Отсюда следует вопрос: может быть автор под «культурным знанием» имел в виду знание цветового языка. Этот вопрос остаётся открытым.

В целом же после знакомства с монографией Ю.А. Грибер создаётся впечатление, что, несмотря на влияние этнокультуры балтов и южных славян, литовцев и поляков в период средневековья, европейского барокко, модерна и конструктивизма в более поздние века, несмотря на почти полное разрушение (на 94%) жилого фонда во время Великой Отечественной войны, Смоленск создал и сохранил своё «лицо» в архитектуре и живописи. А устойчивые художественные традиции в колористическом решении, живут в этих творениях и по сей день.

«Academia» – это наименование новой и, как мы надеемся, с этого момента постоянной рубрики нашего журнала. Она будет посвящена деятельности Российской академии наук и, в первую очередь, ее географически и предметно наиболее близкого нам Дальневосточного отделения. Редакция журнала давно и плодотворно сотрудничает с учеными ДВО РАН, работы которых неоднократно публиковались на страницах «Ойкумень». Тем не менее, внутренняя жизнь Академии, наполненная многими, в последние годы подчас противоречивыми и драматическими, но всегда интересными и важными событиями, остается мало известной большинству наших читателей. Новостные, обзорные и аналитические материалы, биографические очерки и интервью с замечательными представителями академической науки, которые мы намерены размещать в учреждаемой рубрике, позволят аудитории журнала непосредственно ознакомиться с состоянием, проблемами, потенциалом и перспективами главной движущей силы научного процесса в стране и регионе.

Редколлегия

*Латушко Ю.В.
Latushko Yu.V.*

Академия и люди: эскиз к портрету учёного

The Academy and the people: a sketch for a portrait of the scientist

В конце декабря 2011 г. состоялось общее собрание высшей научной организации страны – Российской академии наук, на котором были избраны новые действительные члены и члены-корреспонденты РАН. К настоящему времени общая численность «генералов» от науки составляет около 1300 человек. Это примерно в два раза больше, чем было в СССР. Для тех, кто следит за судьбой отечественной науки понятно, что «академическая кольчужка» великовата современной России, так как ей досталась наука гиперцентрализованной сверхдержавы, которая более не соответствует современному весу страны. В принципе, в росте численности руководящих постов нет ничего удивительного. Через это проходили многие кризисные социумы, и на профессиональном языке это называется «перепроизводством элиты». Однако этот факт, до тех пор, пока он не связан с серьёзными ресурсными издержками, в первую очередь приводит лишь к инфляции элитного статуса. Здесь уместна аналогия с миром финансов: например, мощь экономики Японии не определяется количеством нулей курсовой стоимости йены. Гораздо более серьёзной проблемой отечественной науки является трагический разрыв между тем, что всё ещё может наша наука и потребностями современных российских экономики и общества. Причём, эту проблему часто не верно трактуют, полагая, что, создав прорыв в каком-либо одном или нескольких направлениях (всем знакомо слово «нанотехнологии»), можно догнать уходящий локомотив передовой науки, которая сегодня уже не имеет неперемного аджектива «западная». Данная ситуация хорошо иллюстрируется случаем нарушения технико-гуманитарного баланса, о чём я уже писал в ряде своих статей. Тривиальная мысль состоит в том, что в ходе конкуренции за хайтек ни одна передовая научная держава не может позволить себе роскошь «запустить» гуманитарную науку. Эта мысль может быть подробно аргументирована и если у читателя возникнет интерес, я с удовольствием вернусь к обсуждению данной темы. Пока отметим ещё одно обстоятельство. В научной структуре России есть большие диспропорции в отраслевом и территориальном планах. Последнее имеет непосредственное отношение к нашей части «ойкумень» и опять отсылает нас к советскому опыту. Прежде существовали две комплиментарные системы – прикладная отраслевая и фундаментальная академическая наука. Ныне система отраслевых НИИ сохранилась в виде небольших островков. Фундаментальная тоже пострадала, но сохранила целостность. Следствием стал заметный перекося в сторону последней. В Министерстве образования и науки сегодня пытаются реформировать Академию весьма странным способом, обвиняя её в малом количестве

ЛАТУШКО Юрий Викторович, к.и.н., научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** latushko@mail.ru

прикладных разработок и создании малого числа инновационных предприятий. Это очень, мягко говоря, недальновидно.

Какова же современная структура РАН? В настоящее время в Академии работают примерно 55 тысяч учёных, т.е. чуть меньше того, что было в СССР (по состоянию на 1985 г.). Однако доля технического персонала снизилась сильнее, так что сегодня многие научные сотрудники вынуждены выполнять работу, не связанную напрямую с их квалификацией. Как известно специализация труда крайне важна с точки зрения его производительности и это одна из проблем. Число академических институтов по сравнению с 1985 г. увеличилось с примерно 330 до 470 в 2008 г. При этом Академию сокращали численно в среднем на 20% в ходе так называемого «пилотного проекта» реструктуризации РАН, начиная с 2006 г. В перспективе Правительство планирует создать в рамках Академии «институты-лидеры», увеличив их финансирование за счёт 20% сокращения численности институтов-аутсайдеров. Я нигде не нашёл объяснение пресловутой цифре 20%, поэтому будем подходить к ней магически – как к «сакральному числу аппаратчика» (числу СЧА). Иррациональность многих телодвижений вокруг Академии была бы смешной, если бы не серьёзность открывающихся за ними перспектив. Детальные критерии аттестации институтов я пока не встретил, возможно, это государственная тайна.

Академия построена по научно-отраслевому и территориальному принципу и включает 11 отделений по областям наук, 3 региональных отделения и 15 региональных научных центров. Подробнее остановимся на самом маленьком региональном отделении – Дальневосточном отделении РАН. Самым большим центром ДВО является Приморский научный центр, остальные пять центров существенно меньше. Всего в Отделении работают 6470 сотрудников, из них около 20 действительных членов и 30 членов-корреспондентов РАН, примерно 390 докторов наук и 1230 кандидатов наук. Отделение включает 34 НИИ, 40 стационаров, 12 организаций социальной и обслуживающей сферы, кроме того, на балансе Отделения 9 научных судов и 2 заповедника. Дальневосточное отделение с центром во Владивостоке лишь немногим меньше Уральского отделения (г. Екатеринбург) и в пять раз меньше Сибирского (г. Новосибирск). Удельный вес Дальневосточного отделения в Академии небольшой (около 10%), но если смотреть относительно численности населения региона, то он один из самых высоких. Помимо научной функции отделение имеет стратегически важное значение для сохранения обширных территорий Дальнего Востока в составе России.

Есть ещё одно правило – по мере продвижения на восток страны специализация НИИ по ряду научных направлений уменьшается, и они часто носят комплексный характер. Например, Институт истории, археологии и этнографии, в котором мне выпала честь работать, есть только в ДВО, в других отделениях по каждому направлению есть отдельный НИИ (либо археология и этнология отделены от истории). С точки зрения кадрового состава долгое время в исторической науке Дальнего Востока не было ни одного действительного члена или члена-корреспондента РАН (последним был основатель Института истории, академик Андрей Иванович Крушанов). С конца прошлого года ситуация стала меняться. Ниже мне бы хотелось рассказать читателям об одном замечательном учёном, теперь уже члене-корреспонденте РАН Николае Николаевиче Крадине. Я думаю, это имя известно многим специалистам не только нашего региона. Тем не менее, есть хороший повод напомнить некоторые моменты его биографии. Сразу хочу оговориться, при написании статьи мне чрезвычайно трудно было подобрать нужную интонацию, чтобы не скатиться до неуместного жанра панегирика, поэтому я постарался за-

нять нейтральную позицию, хотя, будучи учеником Николая Николаевича и зная его вот уже почти двадцать лет мне, возможно, не в полной мере это удалось.

Николай Николаевич Крадин родился в 1962 г. в пос. Онохой Заиграевского района Бурятской АССР. В порядке спекуляции можно предположить, что место рождения косвенно повлияло на последующие научные интересы учёного. Н.Н. Крадин – известный нomaдолог, специалист по кочевым обществам Евразии.

В школу Николай пошёл в культурной столице страны – г. Ленинграде – где в Академии художеств СССР учился его отец Николай Петрович Крадин, ныне известный историк архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук. Здесь позволим себе ещё одну спекуляцию: детство в культурной столице не могло не повлиять на маленького Николая, а то, что он повлиял на своих одноклассников нам известно доподлинно – лексикон ленинградских первоклашек значительно расширился за счёт крепких сибирских слов.

Вскоре нашему герою пришлось переехать в Хабаровск, где он окончил среднюю школу № 34 и откуда уехал поступать на исторический факультет Иркутского государственного университета. При том, что Николай учился на историческом факультете, извечная нелюбовь гуманитариев к точным наукам его миновала, не в последнюю очередь благодаря стараниям его мамы Людмилы Петровны – учителя математики. Не случайно, что логичность и последовательность суждений так присущи книгам и научным докладам Николая Николаевича. С точки зрения культуры умственного труда его можно, пожалуй, назвать педантом. Другой страстью Николая в юные годы был спорт, особенно футбол, где он также добился значительных достижений.

В 1985 г. Николай Николаевич поступает на работу в Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, где продолжает трудиться и по сей день. В 1990 г. он защищает кандидатскую диссертацию «Социально-экономические отношения у кочевников (Современное состояние проблемы и её роль в изучении средневекового Дальнего Востока)», которую выполнил под руководством д.и.н. Э.В. Шавкунова. Ещё до защиты выходит в свет первая монография Н.Н. Крадина «Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе» (1987). Остановимся подробнее на его научных взглядах.

В области теории нomaдизма им была выдвинута гипотеза самостоятельного пути эволюции обществ кочевников-скотоводов. Надо напомнить, что в советское время бытовала концепция кочевого феодализма, согласно которой кочевники могли достигать особым путём государственного уровня развития. Н.Н. Крадин для описания структур подобного рода предложил термин «суперсложное вождество», что тогда было непривычным для уха ортодоксального советского исследователя. Теория уровней социальной интеграции, где особое место уделялось вождескому этапу развития, развивалась в рамках некогда популярного на Западе направления неозволюционизма. Данное направление было близко и понятно ищущим относительной свободы от прокрустова ложа марксистской методологии творческим молодым советским учёным, к числу которых относился и Н.Н. Крадин.

В 1992 г. вышла в свет монография «Кочевые общества», в которой автор формулирует целостную теорию особого «экзополитарного» способа производства у наиболее крупных обществ кочевников. То есть – такие общества основывались на различных способах внешней эксплуатации земледельцев (набеги, вымогание даров, завоевания). Причём, данные сообщества были тем сильнее, чем сильнее были их земледельческие симбиоты. Отсюда был всего один шаг до мир-системного анализа, ко-

Фото 1. Н.Н. Крадин в окружении выпускников, 2010 г.

торый автор с успехом сделал позднее. Впоследствии вместо термина «экзополитарный» (что было данью марксистской традиции) он стал использовать другой термин «ксенократия». Многие из ранних идей были развиты и усовершенствованы автором в книгах и статьях, посвящённых крупным объединениям кочевников («кочевым империям») – хунну, киданям, монголам.

Н.Н. Крадин является универсальным специалистом, как и положено учёному-антропологу. Собственно он выступает ключевой фигурой в становлении Дальневосточной антропологической школы. Помимо широкого узко исторического образования, он ещё и превосходный этнолог и археолог, проводивший свои исследования в Бурятии, Забайкалье, Монголии, Туве, Китае, на Дальнем Востоке России – в Приморье и Приамурье. С 2004 г. под его руководством ведутся раскопки средневековых городов кочевых империй на территории России и Монголии. В 2011 г. была опубликована книга «Чинтолгой-балгас», в которой суммированы результаты изучения этого уникального археологического памятника эпохи империи Ляо. К настоящему времени Н.Н. Крадин – автор более 300 научных работ, в том числе 9 монографий и 29 коллективных монографий. Он также является членом различных международных и российских антропологических, археологических и политических научных ассоциаций (EASA, EAA, IINC UNESCO, РАПН) а также редколлегий научных журналов («Россия и АТР», «Личность, культура, общество»,

«История и современность», «Вестник Бурятского научного центра», «Social Evolution and History»).

Будучи студентом исторического факультета Уссурийского педагогического института, в середине 1990-х я впервые познакомился с проблематикой политической антропологии именно благодаря лекциям Николая Николаевича, который тогда ещё только начинал свою преподавательскую деятельность. С тех пор Н.Н. Крадиным было написано немало работ, включая и самый лучший учебник по политической антропологии на русском языке (2001), выдержавший уже несколько изданий. Я же до сих пор рекомендую своим студентам блестящий обзор теорий вожества в западной литературе, написанный Н.Н. Крадиным для книги «Ранние формы политической организации» (под ред. В.А. Попова, Санкт-Петербург, 1995), ставшей сегодня библиографической редкостью.

Незаметно для себя, я перешёл к ещё одной выдающейся грани учёного – преподавательской. Здесь ему также есть чем гордиться. С 1999 по 2011 гг. он возглавлял кафедру социальной антропологии ДВГТУ. В настоящее время, после слияния университетов, он руководит кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Гуманитарной школы Дальневосточного федерального университета. При огромной административной нагрузке он остаётся одним из самых превосходных лекторов, которого по достоинству ценят студенты. Немалое их число связало свой путь с исторической наукой, в том числе и ваш покорный слуга.

Личные достижения Н.Н. Крадина уже давно не принадлежат ему одному, как это часто бывает с талантливыми учёными. Я уверен, что признание его заслуг – это и признание дальневосточной исторической науки, и большой шанс для её развития и придания ей современного уровня. Я также полагаю, что в лице Николая Николаевича Российская академия наук приобрела ценного подвижника. Разговор об Академии и людях её составляющих будет продолжен.

Этапы профессионального пути Н.Н. Крадина

1985 г. – высшее образование по специальности «историк», Иркутский государственный университет

1985-1988 гг. – лаборант, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН

1988-1990 гг. – аспирантура ИИАЭ ДВО РАН, стажировка в Институте этнографии АН СССР

1990 г. – защита кандидатской диссертации по специальности 07.00.02 – «отечественная история»

1990-1992 гг. – научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН

1992-1994 гг. – заведующий отделом археологии ИИАЭ ДВО РАН

1994-2000 гг. – старший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН

1994-1996 гг. – профессор кафедры всеобщей истории Уссурийского государственного педагогического института

1996-2002 гг. – доцент и профессор кафедры политических процессов Института политики и права Дальневосточного государственного технического университета

1999-2011 гг. – заведующий кафедрой социальной антропологии ДВГТУ

2000-2011 гг. – профессор кафедры всеобщей истории Института истории и философии Дальневосточного государственного университета

- 2000-2004 гг. – ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН
2001 г. – стажировка в лаборатории социальной антропологии CNRS, Франция
2004 г. – приглашённый профессор Университета кочевых цивилизаций при Международном институте изучения кочевых цивилизаций ЮНЕСКО, Монголия
2004-2008 гг. – главный научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН
2008 г. – приглашённый профессор Университета Пардубице, Чехия
2008 г. – настоящее время – заведующий центром политической антропологии ИИАЭ ДВО РАН
2010 г. – стажировка в Институте доисторической и раннеисторической археологии, Германия
2011 г. – настоящее время – заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Дальневосточного федерального университета
2011 г. – член-корреспондент Российской академии наук

*Коллектив журнала «Ойкумена»
поздравляет Николая Николаевича с присвоением звания
члена-корреспондента Российской академии наук,
желает научного долголетия и новых открытий!*

Сокращения

- АИИАЭ ДВО РАН** – Архив Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
- ГАЗК** – Государственный архив Забайкальского края

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале за 2010 – 2011 гг.

Автор	Название	Год	Номер	Страницы
<i>Регион номера: Юго-Восточная Азия</i>				
Золотухин И.Н.	Малайзия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность	2010	№1	7 – 17
Глазкова Е.А.	Каодаизм в современном мире	2010	№1	18 – 26
Роговцева А.В.	Календарные праздники Вьетнама	2010	№1	27 – 32
Сучкова Е.В.	Образ вьетнамской женщины в мифах и истории Вьетнама	2010	№1	33 – 40
<i>Тема номера: Теневое измерение АТР</i>				
Конончук Д.В.	Цивилизация и её Тень	2010	№2	9 – 16
Куманев Д.С.	Проблема пиратства как разновидности терроризма и её влияние на региональную безопасность в АТР	2010	№2	17 – 22
Дударь Л.А.	Растраты и хищения в дальневосточной торговле (30-е – начало 40-х годов XX века)	2010	№2	23 – 30
Кулажникова С.С.	Роль Приморских СМИ в трудоустройстве российских граждан за рубежом	2010	№2	31 – 35
<i>Тема номера: Амурская экспедиция 1909 – 1910 гг.</i>				
Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А.	Общий замысел Амурской экспедиции 1910 года и краткий обзор её Трудов	2010	№3	7 – 28
Ли Е.Л.	"Жёлтая угроза" или "жёлтый вопрос" в трудах Амурской Экспедиции 1910 г.	2010	№3	29 – 40
<i>Тема номера: Зарубежная Россия</i>				
Хисамутдинов А.А.	Русские в Америке: проблемы адаптации	2010	№4	9 – 17
Аргудяева Ю.В.	Русские старообрядцы в США	2010	№4	16 – 23
Шугайло Т.С.	Антисоветская пропаганда в русских эмигрантских изданиях в 1950-е годы (на примере газет "Россия" и "Новое русское слово")	2010	№4	24 – 37
Солодовник И.В.	Русскоязычные СМИ в Австралии и Канаде	2010	№4	38 – 58
Ставров И.В.	Некоторые вопросы адаптации россиян в Маньчжурии в первой половине XX века	2010	№4	59 – 65
<i>Тема номера: Приморский край: векторы перспективного развития</i>				
Ворожбит О.Ю., Байшева М.С.	Перспективы развития рыбной промышленности Приморья	2011	№1	7 – 12
Кузнецова Е.А.	Транспортно-логистический кластер Приморского края: текущее состояние и перспективы развития	2011	№1	13 – 17
Родя Л.В.	Интеллектуальный общественный транспорт Приморья: проблемы и перспективы развития	2011	№1	18 – 23

Щур О.О.	Туристско-рекреационная и игровая зоны как приоритетные направления социально-экономического развития Приморского края (критический анализ)	2011	№1	24 – 29
----------	---	------	----	---------

Зарубежная Россия (продолжение)

Массов А.Я.	Деятельность русских консулов в Австралии по защите интересов российских подданных и иммигрантов (1857-1917 гг.)	2011	№1	33 – 42
Антошин А.В.	Культура российской диаспоры в США (1960-е – 1980-е гг.)	2011	№1	43 – 51
Семёнова Л.Н.	Белорусские корни русской трудовой иммиграции в Канаде в первой половине XX в.	2011	№1	52 – 59
Бакулина А.А.	К вопросу о государственном регулировании положения российских эмигрантов в Маньчжурии (1918 – 1945 гг.)	2011	№1	60 – 67

Тема номера: Безопасность в АТР

Лукин А.Л.	Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия	2011	№2	7 – 19
Бурлаков В.А.	Военно-политическая составляющая геополитического анализа международных отношений в Северо-Восточной Азии	2011	№2	20 – 33
Губин А.В.	Военно-морской фактор национальной безопасности стран Северо-Восточной Азии	2011	№2	34 – 43
Козлов Л.Е.	Вызовы национальной безопасности в развитии международных связей дальневосточных регионов России	2011	№2	44 – 51
Кузнецов А.М.	Безопасность человека	2011	№2	52 – 62

Тема номера: Трансграничные отношения российского Дальнего Востока: экономика, миграции, культура

Киреев А.А.	Регулирование трансграничных отношений российского Дальнего Востока в 1988 – 2011 гг.	2011	№3	7 – 19
Рыжова Н.П.	Неформальная модель торговой интеграции. Случай России и Китая	2011	№3	20 – 30
Троякова Т.Г.	Трансграничные миграции: вызовы и возможности для Приморского края	2011	№3	31 – 39
Дмитриева М.О.	Сравнительный анализ урегулирования границы Российской Федерации с Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой	2011	№3	40 – 46
Алленов В.А.	Крадущийся тигр, затаившийся медведь: мифология российско-китайского пограничного урегулирования	2011	№3	47 – 54

Тема номера: Малые интеграционные проекты в российско-китайских отношениях

Изотов Д.А., Юн С.Е.	Приграничное сотрудничество как объект исследования	2011	№4	8 – 21
----------------------	---	------	----	--------

У Хао, Янь Тао. Пилотная зона Чанчунь – Цзилинь – Тумэнь: новая модель открытости и освоения приграничных регионов 2011 №4 22 – 36

Врадий С.Ю. Региональный аспект российско-китайских отношений 2011 №4 37 – 45

Теория и методология регионоведческих исследований

Елацков А.Б. Геополитика: наука и мифология 2011 №1 68 – 74

Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Украинский В.Н. Школа «Анналов» и её вклад в исследование экономического пространства 2011 №3 55 – 72

Природопользование и экономика

Астафурова И.С., Полищук П.С. Основные подходы к формированию портфеля стратегических альтернатив развития судоремонтного предприятия 2011 №2 63 – 71

Вахненко Р.В. Региональные аспекты трансформации пассажирских связей в рыночных условиях (на примере российского Дальнего Востока) 2011 №3 73 – 79

Копылов Л.Е. Отраслевые преимущества региональных страховых компаний 2011 №2 72 – 78

Позняк Т.З. Торговая инфраструктура городов юга Дальнего Востока во второй половине XIX века 2010 №2 36 – 48

Соловченков С.А. Проблемы рынка труда Еврейской автономной области сквозь призму человеческих оценок 2011 №2 79 – 87

Социальные и демографические структуры

Бадмаева Л.В., Ганн Г.В. Социальное самочувствие населения как индикатор развития социальной инфраструктуры села Бурятии 2011 №3 90 – 98

Ващук А.С. Демографические угрозы и миграционные риски на юге российского Дальнего Востока в начале XXI в. 2010 №4 66 – 74

Веремейчик С.А. Демографическое развитие Северо-Восточного Китая (1949 – 2010 гг.) 2011 №4 46 – 53

Власов С.А. Владивосток в годы хрущёвской "оттепели" 2010 №3 48 – 55

Золотухин И.Н. Индонезия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность 2010 №3 79 – 91

Золотухин И.Н. Филиппинская диаспора в США и Канаде 2011 №4 71 – 80

Ковалевская Ю.Н. Практики выживания населения в условиях рыночных реформ 1990-х гг.: проблемы изучения 2011 №4 64 – 70

Коваленко С.Г. Экономика Дальнего Востока во второй половине XX в. с точки зрения синергетического подхода: постановка проблемы 2010 №3 71 – 78

Кошева О.Н., Романова О.Б. Проблемы формирования общекультурных компетенций при обучении в вузе (на материалах Приморского края) 2010 №2 57 – 71

Крушанова Л.А.	Особенности экономической преступности в Приморском крае в середине 1950-х – 1960-х гг.	2011	№2	88 – 93
Крушанова Л.А.	Уголовная преступность и борьба с ней в Приморском крае в середине 1950-х – 1960-х гг.	2011	№4	54 – 63
Лазарева С.И.	Благотворительность в городах Дальнего Востока как форма самоуправления (конец XIX – начало XX вв.)	2010	№2	49 – 56
Позняк Т.З.	Китайские иммигранты и коррупционность чиновников на российском Дальнем Востоке в начале XX века	2011	№3	80 – 89
Устюгова О.А.	Социальное положение и общественная деятельность предпринимателей-торговцев на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в.	2010	№3	41 – 47
Фадеева Е.В.	Имущественно-правовое положение женщины в традиционной семье коренных народов Нижнего Амура	2011	№1	75 – 81
Шестак О.И.	Стратификационная иерархия дальневосточного общества в 1950-е – 1980-е годы	2010	№3	56 – 70
<i>Культурные и идеологические факторы регионализации</i>				
Брумфилд У.К.	Азиатские мотивы в церковной архитектуре Сибири в XVIII веке	2011	№2, №3	111 – 125, 99 – 106
Брянская Т.И.	Этнокультурные особенности китайского сексизма	2011	№2	104 – 110
Киреев А.А.	Трансграничное культурное взаимодействие России и Китая на Дальнем Востоке	2011	№2	126 – 138
Мусаткина В.А.	Образ отца в восприятии русских и китайских девушек (на примере учащихся ВГУЭС)	2010	№2	78 – 87
Осипова Э. В.	Европейское и восточные театральные искусства в метакультурном пространстве	2010	№1	41 – 54
Поповкин А.В.	О чём мы можем подумать вместе с Китаем: к вопросу об этике государственной службы в перспективе нравственного идеала человека в культурах России и Китая	2011	№1	82 – 90
Постников В.В.	К осмыслению названия "Владивосток": историко-политические образы Тихоокеанской России	2010	№4	75 – 83
Сапалова Д.У.	Традиционная родильная обрядность якутов и кыргызов	2010	№2	72 – 77
Ткачук М.А.	К проблеме определения понятия «танец»	2011	№2	94 – 103
Юдина В.И.	Историческая обусловленность формирования регионального музыкального диалекта (Орловская область)	2011	№1	91 – 97

Янчев Д.В.	Жилые, промысловые, хозяйственные и ритуальные постройки негидальцев (середина XIX – XX вв.)	2010	№3	92 – 99
<i>Политические отношения и управление регионом</i>				
Багрин Е.А.	К вопросу о насилии русских по отношению к коренному населению Восточной Сибири и Дальнего Востока в XVII в.	2010	№3	100 – 108
Барбенко Я.А.	Возможности использования институционального подхода в исследовании управления переселением в Приамурье в период русской колонизации	2011	№4	81 – 92
Бурлаков В.А.	Определение места российского Дальнего Востока в геополитической структуре современной России: постановка проблемы	2011	№1	98 – 106
Горюнова Е.А.	Программы трансграничного сотрудничества как фактор реализации Европейской политики соседства в Украине	2011	№3	107 – 114
Золотухин И.Н.	Особенности национальной политики в странах Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны	2010	№4	92 – 101
Золотухин И.Н.	Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии	2011	№2	157 – 163
Исхаков Р.Л.	Исторический прообраз федерального округа (к истории Штата Идель-Урал)	2010	№4	84 – 91
Калугина М.А.	Политическое сознание современной студенческой молодежи малых и средних городов Дальнего Востока России	2010	№2	95 – 102
Караман В.Н.	Русский Дальний Восток как стратегический плацдарм гегемонии в Азии (1860-е – 1960-е гг.)	2010	№1	55 – 61
Лазарева С.И., Сергеев О.И.	Общественно-политическая активность российских эмигрантов в Китае в 20-е – 40-е гг. XX в.	2011	№2	145 – 156
Михалёва И.В.	Функционирование национальной судебной системы Республики Корея в контексте политических процессов середины XX – начала XXI века	2010	№3	109 – 116
Олиевская М.Г.	Региональные аспекты управления человеческим капиталом	2011	№4	93 – 100
Теплоухова М.В.	Этно-национальная политика в Российской империи XIX – начала XX вв.	2011	№2	139 – 144
Торшилова О.А.	Органы внутренних дел в борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны	2010	№2	88 – 94
<i>Мировая система и межрегиональные отношения</i>				
Биниконский Л.Б.	Проблема взаимопонимания России и США и российский лоббизм	2010	№1	62 – 80
Голобоков А.С.	Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая	2010	№3	117 – 124

Журбей Е.В. Внешняя политика и внешнеполитический процесс администрации Дж. Буша-старшего 2010, 2011 №4, №1 102 – 114, 107 – 120

Севастьянова Н.В. Роль международного сообщества в формировании региональной идентичности Северо-Восточной Азии 2010 №2 103 – 109

Междисциплинарные и системные исследования региона

Ганопольский М.Г., Маркова Л.М., Фёдоров Р.Ю. Тюменская нефтегазодобывающая цивилизация: историко-географический конспект становления 2011 №3 115 – 130

Аналитика

Журбей Е.В. Договор о европейской безопасности: перспективность российских инициатив 2010 №1 81 – 91

Эмпирика

Жерновой М.В. Проблемы обеспечения личной безопасности граждан в Приморском крае 2010 №4 144 – 148

Киреев А.А. Состояние и перспективы трансграничных отношений российского Дальнего Востока и Китая (по результатам экспертного опроса) 2010 №3 125 – 137

Аналитические центры АТР

Журбей Е.В. «Мозговые центры» и внешняя политика Китайской Народной Республики: история вопроса 2011 №2, №3 164 – 174, 131 – 139

Журбей Е.В. «Мозговые центры» и внешняя политика Австралийского Союза: история вопроса 2011 №4 101 – 113

Studio

Маклис А. Возрождение российской «мягкой силы» 2011 №2 175 – 184

Наливайко П.Н. Российско-американские отношения на современном этапе: произошла ли "перезагрузка"? 2010 №4 115 – 122

Хамадуллин А.М., Фирсов С.А. Тренд социально-экономического развития муниципальных образований Северного Приморья 2011 №4 114 – 118

Проекты

Научно-методический семинар "Трансграничные отношения в Северо-Восточной Азии в политическом, экономическом и социокультурном измерениях" 2010 №4 123 – 143

Науковедение

Литошенко Д.А. Состояние регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России к концу первого десятилетия XXI в. 2010, 2011 №1, №3, №2 100 – 109, 138 – 147, 185 – 191

Рубан Д.А. Задачи региональных научных периодических изданий в условиях глобализации 2011 №3 140 – 144

Кафедра

Ковылина Е.В.	Ролевая игра как средство обучения корейскому языку при культурологическом подходе	2010	№1	92 – 99
Ковылина Е.В.	Применение ролевой игры при обучении корейскому языку как второму иностранному	2010	№3	148 – 153

Научные сообщения

Белоглазов Г.П.	Жертвы «Чёрной смерти» (к 100-летию подвига русских врачей в Маньчжурии)	2011	№1	132 – 136
Голобоков А.С.	КНР и военные контакты в рамках Шанхайской организации сотрудничества	2010	№4	149 – 152
Голуб А.В.	К 10-летию таеvedения в ДВГУ	2010	№1	116 – 118
Донских О.А.	Нина Михайловна Кристесен – основательница русистики на пятом континенте	2011	№1	121 – 129
Жерновой М.В.	Организованная преступность в странах Евросоюза	2011	№3	145 – 148
Михалёва И.В.	Президент Российской Федерации, как субъект современного политического процесса	2011	№2	195 – 199
Смирнова М.Ю.	Обсуждение проблем международного научно-технического сотрудничества в структурах АТЭС	2011	№4	119 – 125
Соколовский А.Я.	Культурно-образовательные центры ДВГУ как инструмент продвижения русской культуры в странах Южной и Юго-Восточной Азии (на примере Вьетнама)	2010	№1	110 – 115
Сухаренко А.Н.	Теневая экономика Дальнего Востока: мрачные перспективы	2011	№3	149 – 156
Трегубова И.Г.	Диалог культур: русские и корейские соматические речения	2011	№2	192 – 194
Фостер Л.А.	О роли приходских школ в изучении русского языка в США	2011	№1	130 – 131

Рецензии и обзоры

Барбенко Я.А.	Антология экономической мысли на Дальнем Востоке	2010	№4	153 – 160
Бурлаков В.А.	Интеграция продолжается... (рецензия на книгу А.Л. Лукина «Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политика, экономика, безопасность». Владивосток, 2009.)	2010	№2	110 – 114
Дацышен В.Г.	Российские регионы в работах зарубежных исследователей: «Сибирская республика Тува» индийского историка Ш.К. Сони	2011	№2	200 – 206
Караман В.Н.	Первые владивостокцы	2010	№3	154 – 157
Караман В.Н.	«Ольгинско-шкотовский родословец. История в родословных и документах»	2011	№3	157 – 158

Лукин А.Л.	Перевоплощения японской геополитики (рецензия на книгу В. В. Совастеева «Геополитика Японии с древнейших времён до наших дней». Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 132 с.)	2010	№1	119 – 125
Лукин А.Л.	Китай и Восточная Азия: проблемы безопасности и великодержавная идентичность	2010	№3	158 – 162
Троякова Т.Г.	«Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.)»	2011	№4	132 – 133
Тушков А.А.	«Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древних времён до начала XX века»	2011	№4	126 – 131
Фадеечева М.А.	«Два не отрываться»: этнонациональная политика демографической сверхдержавы	2011	№2	207 – 211
Научная жизнь				
Барбенко Я.А.	XII всероссийская конференция молодых учёных «История и культура Дальневосточной России и стран АТР»	2010	№2	118 – 120
Барбенко Я.А.	«Благородный муж» и социальный контроль	2011	№3	159 – 166
Гусева А.А.	Пятые Мандельштамовские чтения	2011	№2	212 – 214
Дацышен В.Г.	Конференция в Пекине: "Преподавание и исследование страноведения и культуры России"	2010	№3	163 – 164
Каневская Г.И.	Третья международная конференция "Нансеновские чтения, 2009"	2010	№4	161 – 164
Караман В.Н.	IX Российско-японский форум	2010	№4	165 – 166
Кондратенко Г.В.	Фестиваль науки во Владивостоке	2010	№4	167 – 169
Кузнецов А.М.	Международный семинар «Этническая политика и невоенные аспекты безопасности» во Владивостоке	2011	№4	134 – 140
Лукин А.Л.	Учёные из Владивостока приняли участие в Конвенте Ассоциации международных исследований в Новом Орлеане	2010	№2	115 – 117
Лукин А.Л.	В Северо-Восточной Азии появилась новая структура по многостороннему сотрудничеству	2011	№1	137 – 139
Макаренко В.Г., Латушко Ю.В.	Юбилей Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН	2011	№3	159 – 166

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и социологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, заведующий сектором экономического районирования Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Калугина Марина Альбертовна** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** (*ответственный редактор*) – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кирсанова Лидия Игнатьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Чой Нак Джун** – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)
- Шестак Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и воспользоваться ссылкой в разделе "Новости".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы, постановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Название материала, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ojkum.ru/> [Дата обращения: 01.01.2010 г.].
8. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
9. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами.
10. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
11. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. **E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru**
12. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
13. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
14. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

**Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.**

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал

2012 № 1 (20)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01.08.2001 г.
Подписано к печати 28.02.2012 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 14,7. Уч. -изд. л. 13,92. Тираж 200 экз. Заказ 28
Цена свободная
Отпечатано в типографии ФГУП Издательство
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

